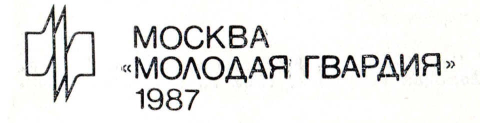
А. АФАНАСЬЕВ

ПОЛЫНЬ В ЧУЖИХ ПОЛЯХ

А. АФАНАСЬЕВ

ПОЛЫНЬ В ЧУЖИХ ПОЛЯХ

Переиздание, дополненное и доработанное

ББК 66.019
А 94

Книга Афанасьева А. Л. «Полынь в чужих полях» удостоена в 1984 году премии и диплома второй степени на Всесоюзном литературном конкурсе имени А. М. Горького.

А $\frac{0804000000-242}{078(02)-87}$ КБ—032—055—87

ОТ АВТОРА

Светлой памяти ученого и писателя Виктора Александровича Яхонтова (1881—1978)

Мы живем в годы неутихающей идеологической борьбы. На подрывную деятельность против реального социализма, давно уже возведенную на Западе в ранг государственной политики, апологеты капиталистического мира не жалеют ни сил, ни средств. Работа колоссальной пропагандистской машины империализма, пытающейся идейно разложить социалистическое общество, в последние годы, несомненно, стала более концентрированной и планируемой в международном масштабе. Главным центром распространения антисоветского психоза выступает сейчас США. Создана и спешно укрепляется широкая сеть различных учреждений — как в рамках агрессивных блоков, так и внутри каждой развитой капиталистической страны — для осуществления идеологической интервенции против реального социализма.

Хорошо знать весь арсенал средств и приемов идеологических диверсий наших классовых противников — задача чрезвычайной важности. В этой книге речь пойдет прежде всего о месте и роли контрреволюционной, антикоммунистической, антисоветской эмиграции в борьбе двух миров. Время рождения этой эмиграции история зафиксировала точно — 1917 год... Сегодня в ведущейся Вашингтоном «тотально-идеологической войне» широко используются вскормленные империалистической реакцией различные эмигрантские

организации, центры, комитеты и группы, националистическая печать, которые определенные круги на Западе стремятся превратить в «троянского коня» для вмешательства во внутренние дела социалистических стран, СССР в первую очередь.

Раскрыть эту тему, естественно, возможно при условии знания, что такое эмиграция (от латинского слова «emigrare» — «выезжать»), ее истоки и причины, лишь при условии анализа той эволюции, которую претерпела эмигрантская среда и продолжает претерпевать, лишь раскрывая противоречивость, многослойность и многосложность этого процесса.

Эмиграция — явление столь же древнее, как и само существование человечества. В начале нашей эры она часто превращалась в переселение народов, влекущее за собой основание новых цивилизаций или распространение старых. Так, расселение финикиян, греков, римлян по Средиземноморью способствовало распространению культуры античного мира, еврейская же диаспора резко стимулировала проникновение христианства. Обычно переселение народов имело характер военных захватов. Вспомним, например, о завоевательных нашествиях азиатских народов (гуннов и монголов) в Европу или арабов в Северную Африку. Нарождавшийся капитализм — параллельно с экспортом капитала — породил Соединенные Штаты Америки и Новую Зеландию, Канаду и Аргентину, Бразилию и Австралию — страны, костяк населения которых составили эмигранты из Старого Света.

Понятие «эмиграция» лишь тогда наполняется реальным содержанием, когда мы его соотнесем с конкретным историческим периодом, странами эмиграции и иммиграции, названиями этнических групп, политических партий, именами эмигрантов, их социально-классовым положением. Сам факт выезда с родной земли на чужбину отдельного человека или группы людей говорит о многом. Сложнейший социально-экономический феномен эмиграции чаще всего «подчинен» драматическим событиям истории и сопряжен со сложнейшими психологическими коллизиями, зачастую приобретающими трагедийный оттенок. Уже в древних Афинах самым тяжелым наказанием, применявшимся крайне редко, был остракизм — изгнание из города отдельных лиц по постановлению народного собрания. Невольничий труд африканцев, насильственно увезенных из родных мест, внес немалую лепту в нынешнее благополучие многих развитых капиталистических стран, так же как и полудобровольный «желтый труд» азиатских эмигрантов.

А какие оттенки религиозных и политических страстей новой

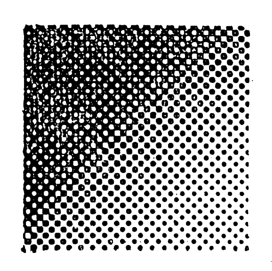
истории вобрали в себя эмиграция пуритан из Англии в XVII веке (давшая «отцов-пилигримов» — основателей США) и бегство роялистов от карающей длани Великой французской революции, «распыление» по всему миру меннонитов из Пруссии и переселение в Канаду российских духоборцев?!

В нашем веке различные мотивы — экономические, политические, религиозные, семейно-бытовые — порождают эмиграцию, являющуюся «обратной стороной медали» столь характерного для XX века процесса интернационализации различных сфер жизни. Посмотри, читатель, сколько нерешенных, запутанных проблем современности отражают миллионы хуацяо в Юго-Восточной Азии и мексиканские рабочие в США, иранские монархисты во Франции и белые беженцы из ЮАР, никарагуанские «контрас» в Мексике и африканские чернорабочие в Англии, кубинские «гусанос» в США и афганские контрреволюционеры в Пакистане, фашиствующие молодчики из «Солидарности», окопавшиеся в Швеции... Отметим, что империалистическая реакция в последние годы отводит все более заметное место в своей антикоммунистической стратегии контрреволюционной части эмиграции из социалистических стран.

Выставленные за пределы своих стран антикоммунистически настроенные эмигранты находятся сейчас на Западе в атмосфере вседозволенности для любой клеветы на реальный социализм. Как и в первые послеоктябрьские годы, американская администрация использует эмиграцию для фабрикации различного рода «обвинений» в адрес Советского государства, других стран социализма. Только если в 1919 году так называемая «овермэновская» комиссия сената США (расследовавшая, «что же случилось в России в 1917 году») должна была обосновать в глазах мировой общественности вооруженную американскую интервенцию против народившейся Советской Республики, то нынешние «группы» и «комитеты», якобы контролирующие ход выполнения хельсинкских соглашений, нагло стремятся предъявить к социалистическим странам претензии, граничащие с прямым вмешательством в их внутренние дела. При «помощи» антикоммунистической эмиграции наши классовые враги пытаются замаскировать свои агрессивные внешнеполитические планы.

Не случайно книга обращена к молодежи. В стратегии антикоммунизма молодежь — особо важный полигон для воздействия. Империалистическая пропаганда все активнее стремится размыть патриотизм советской молодежи, обворожить ее блеском капиталистической витрины и отравить суррогатами «массовой культуры», навязать ей космополитическое мышление. Именно на это уповают наши идейные враги.

Хотелось бы надеяться, что данная работа поможет молодому читателю в определенной мере разобраться в хитросплетениях идеологического противостояния наших дней и, самое главное, что рассказ о делах и судьбах эмиграции (удался он или нет — судить уже не автору) заставит читателя еще раз задуматься о своем отношении к своей Родине.

КТО ЗАВЕЛ КОНЯ В ТРЯСИНУ

Было бы весьма поучительно... систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции. Она работает, главным образом, за границей... Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая теория, это — практическая политика, и здесь видно, чему враг научился.

В. И. Ленин

О силе действия судят по силе противодействия. Этот закон действителен не только для физики... Каждое яркое событие мировой истории проводит в общественном мнении невидимую границу, по одну сторону которой находятся его горячие сторонники, по другую — враги. В XX веке самым ярким событием, радикально изменившим ход истории человечества, стала Октябрьская революция.

В центре всех грандиозных перемен, которые претерпевает современный мир, — наше Отечество, Родина Октября, Союз Советских Социалистических Республик. Реальный социализм. Он, воплотивший гениальные открытия Маркса, Энгельса, Ленина, на практике демонстрирует самый прогрессивный и справедливый образ жизни.

С 1917 года вселенская вотчина капитализма из десятилетия в десятилетие сокращается, как шагреневая кожа в известной повести Бальзака. Страх перед будущим превращает буржуазную идеологию в источник антикоммунистической и антисоветской истерии. Эта тенденция в 80-е годы получила свое новое развитие, новые характерные черты. XXVII съезд КПСС, отмечая возросшее наращивание «подрывных

устремлений империализма против СССР и других социалистических стран», выявил сущность и направленность современной буржуазной идеологии: «Буржуазная идеология — идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего. Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс» [1].

Разложить социализм изнутри. Таково кредо современного антикоммунизма и антисоветизма. Ничтоже сумняшеся Рональд Рейган преподносит программу вмешательства во внутренние дела социалистических стран как «марш свободы и демократии», который якобы приведет к тому, что «марксизм-ленинизм останется на пепелище истории». Отчаянно трепещут под холодными ветрами конфронтации лозунги «поощрения демократии» на Востоке, создания там «свободной прессы»», «свободных профсоюзов» и буржуазных партий по западному образцу.

Под выцветшими знаменами «испепеления» реального социализма Белый дом стремится сколотить единый фронт всех противников Октября: от крайне реакционных кругов империализма до фрондирующих марксистской фразеологией соглашательских политиков. На правом фланге мировой антикоммунистической шеренги — постоянное место контрреволюционных эмигрантов.

Они, «бывшие», очень нужны Вашингтону, ЦРУ, НАТО в современной идеологической ситуации. Почему?

Курс на «демократизацию» и «эрозию» реально существующего социализма предполагает существование в этих странах политической или какой-либо иной оппозиции. За неимением ни того, ни другого Запад все шире использует для прикрытия своих внешнеполитических диверсий различного рода отщепенцев из социалистических стран.

С приходом в Белый дом администрации Дж. Картера (и его «духовного пастыря», выходца из Польши

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 87.

Збигнева Бжезинского), накинувшей на себя дырявые тоги поборников прав человека, умножились попытки объединения на антикоммунистических началах различных групп эмигрантов из стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Американская администрация начала искать в эмигрантских кругах «поддержку», если можно так выразиться, морально-этического плана, то есть мотивы для конкретных идеологических диверсий США (мол, бесправные эмигранты требуют — а мы, «свободный мир», не можем же их оставить в беде, поддерживаем их «моральные права»).

Весьма недвусмысленно об этом высказался заместитель государственного секретаря США по европейским делам картеровской администрации У. Луэрс: «Игнорировать страны Восточной Европы — значит бросить дело мира на произвол судьбы. Благосостояние народов, живущих в Восточной Европе, глубоко волнует всех американцев. *Более 15 миллионов американцев имеют исторические связи с этим районом* (курсив наш. — *А. А.*). Миллионы других американцев симпатизируют продолжительной борьбе этих народов за независимость, безопасность и материальный прогресс» [1].

На Белградской встрече 1977 года представителей стран, подписавших Заключительный акт в Хельсинки, член американской делегации сенатор Р. Доул также пытался обосновать право США вмешиваться во внутренние дела европейских социалистических стран, ссылаясь на европейское происхождение большинства американских граждан. Сразу и не поймешь, чего в подобных заявлениях больше — чувства «американской вседозволенности», политического шантажа, провалов исторической памяти, просто наглости, наконец.

В последние годы вожаки контрреволюционного

---

[1] The New York Times, 1978, 14.IX. — Интересно, что когда начались события в Польше, то американские средства массовой информации стали «дружно» требовать вмешательства во внутренние дела этой страны на том основании, что в США проживают 11—12 миллионов американцев польского происхождения. На самом же деле их насчитывается около 5,5—6 миллионов человек. Американцев, этнически связанных с нашей страной, — 4,5—5 миллионов человек. Из них русского происхождения — более 2 миллионов человек, украинского — около 1,2 миллиона человек, армянского — около 500 тысяч человек, литовского — около 400 тысяч человек, латышского — около 60 тысяч человек, эстонского — около 40 тысяч человек и т. д.

эмигрантского отребья частые гости Белого дома. Их принимали и принимают с распростертыми объятиями. Картер, Бжезинский, Рейган охотно обнимаются перед фото- и телекамерами с членами несуществующих «правительств» Польши и Латвии, буковскими, спасовскими...

Заправилы «того мира» снисходят до общения с политическими мертвецами со свалки истории по простой причине. Они им нужны. Нужны для массированной идеологической обработки широких слоев населения стран Запада. Нужны для идеологических диверсий, направленных против социалистических стран. Они не скупятся — не за свой же счет, а из кармана налогоплательщиков — на оплату счетов за «мероприятия» беснующихся в антикоммунизме эмигрантов. А те, жульничая, перевирая, фантазируя, обливая грязью свои родные народы и страны, дерутся за куски пожирнее из кормушек западных спецслужб.

Для дискредитации построенного в Советском Союзе социалистического общества империализм содержит множество организаций, созданных за рубежом антисоветски настроенными эмигрантами. Особое внимание антикоммунизм уделяет антисоветским эмигрантским организациям националистического толка. «Наряду с различными концепциями ревизионизма в идеологической диверсии против молодого поколения братских народов СССР используется буржуазный национализм. Разведки империалистических государств всячески активизируют антисоветскую деятельность зарубежных националистических и сионистских центров — «Организации украинских националистов», «Верховного комитета освобождения Литвы», «Дашнакцутюна» и многих других» [1]. Мировая реакция диктует им жесткое требование следовать курсом на разжигание национализма среди населения Советского Союза и, как обязательное следствие «дежурного» эмигрантского тезиса о насильственной русификации, стимулирование русофобских настроений. Опытный теоретик и режиссер антисоветской политики З. Бжезинский поучал, что возрождение национализма и особенно «антирусских националистических чувств в Восточной Европе», которые там якобы очень сильно развиты, создает прочную «основу для сопротивления

[1] Чебриков В. М. Бдительность — испытанное оружие. — Молодой коммунист, 1981, № 4, с. 29.

советскому», навсегда похоронит «мечту о коммунистическом интернационализме», приведет к реставрации капитализма в социалистических странах.

Своеобразие современной идеологической ситуации заключается в том, что организации буржуазно-националистической окраски все более тщательно планируют и координируют свои действия. На общей платформе антисоветизма, например, сблизились позиции сионизма и эмигрантского буржуазного национализма. На XVII съезде Компартии Израиля было подчеркнуто: «Особенно важную услугу империализму в его борьбе против коммунизма оказывают сионистские организации... В своей антисоветской деятельности они кооперируются с фашистскими и антисемитскими организациями, с белогвардейскими эмигрантами... нацистскими пособниками, которые увернулись от наказания, сбежав на Запад» [1].

Время требует оперативного и глубокого разоблачения антикоммунистической идеологии и всех сил, являющихся носителями этой идеологии; требует во имя защиты завоеваний Великого Октября, светлого будущего нашей Родины и всего человечества. Анализ идеологических диверсий антикоммунистической части эмиграции должен помочь раскрыть стратегические и тактические установки все более наглеющей контрреволюции. «Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, — писал В. И. Ленин, имея в виду и белоэмиграцию, — а затем проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы» [2].

Во время кронштадтского мятежа Владимир Ильич говорил: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснением событий в Кронштадте. За последние дни эти события описывал Бурцев, издающий газету в Париже, их оценивал Милюков, — вы, конечно, все это читали. Почему наши газеты уделили так много внимания этому? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага» (т. 43, с. 139).

---

[1] Цит. по: Римаренко Ю. И. Антикоммунистический альянс. Киев, 1981, с. 5.

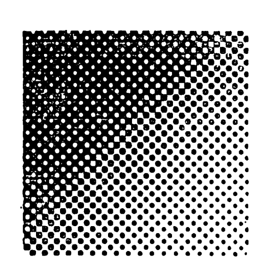
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 240. В дальнейшем ссылки на Полное собрание сочинений В. И. Ленина будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.

«...Ясно знать своего врага». Ленинское требование, вытекающее из анализа действий российской зарубежной контрреволюции в первые годы Советской власти, звучит и сейчас актуально. Очевидно, что восьмидесятые годы — период более активного, чем когда-либо в прошлом, идеологического противоборства двух миров. Но к каким бы ухищрениям ни прибегали буржуазные идеологи, бесспорно одно: не капитализм прокладывает путь в будущее, не он властелин дум современного поколения. На Западе часто говорят, что история ничему не учит. Это неверно. Ее уроки не в состоянии усвоить только нерадивые ученики.

Особой исторической слепотой всегда отличалась контрреволюционная эмиграция. Фридрих Энгельс еще в прошлом веке отмечал, что после «каждой потерпевшей крушение... контрреволюции среди бежавших за границу эмигрантов развивается лихорадочная деятельность. Создаются партийные группировки различных оттенков, каждая из которых упрекает остальных в том, что они завели коня в трясину, и обвиняет их в предательстве и во всевозможных прочих смертных грехах. При этом... организуют, ведут конспиративную работу, печатают листовки и газеты, клянутся, что через двадцать четыре часа опять «начнется», что победа обеспечена, а в предвидении этого уже заранее распределяют правительственные посты. Разумеется, разочарование следует за разочарованием, а так как это не ставят в связь с неизбежными историческими условиями, которых не желают понять, а приписывают случайным ошибкам отдельных лиц, то нагромождаются взаимные обвинения, и дело кончается всеобщей склокой. Такова история всех эмиграций, начиная от роялистских эмигрантов 1792 года и вплоть до нынешнего дня»[1].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 510.

ОСОБАЯ ПОЛКА

Черная злоба,
святая злоба...
Товарищ!
Гляди в оба!

А. Блок

22 ноября 1921 года в «Правде» была опубликована первая и единственная в жизни В. И. Ленина литературная рецензия. Известно, что Владимир Ильич знал и любил произведения многих русских писателей — Толстого и Чернышевского, Чехова и Салтыкова-Щедрина, Горького и Короленко. Но рецензия «Талантливая книжка» посвящена не разбору произведения кого-либо из мастеров русской литературы, а анализу вышедшего в Париже шестидесятистраничного сборника рассказов «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции».

Чем же привлекла ленинское внимание плохо изданная тетрадка грязно-желтого цвета, автор которой еще надеется, что «вдруг придет хозяин и даст по шеям» [1].

В. И. Ленин отмечает, что «до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высоко-

---

[1] Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции. Париж, 1921, с. 44. В интересах соблюдения документальной точности здесь и далее будут полностью сохранены все стилистические и синтаксические особенности текстов из эмигрантских книг, журналов и газет.

талантливой книжки». Аверченко «нехудожественно» пишет о том, чего не знает, но им «с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России» (т. 44, с. 249).

Владимир Ильич рекомендовал некоторые «ножи» из белогвардейской «Дюжины...» перепечатать. Почему? Он понимал, что многие рабочие и крестьяне, революционная интеллигенция найдут в реалистическом описании положения дел в стане врага яркое подтверждение справедливости своих революционных действий.

Анализом этой книжки В. И. Ленин показал блестящий пример использования враждебной литературы в политическом и идеологическом противоборстве. Пример актуальный и поныне. Ведь ленинское требование — «...кто желает знать *врага,* тот должен побывать во *вражеской* стране» (т. 18, с. 336) — злободневно в наши дни, ибо иногда в работах по различным аспектам современной идеологической борьбы недостаточно анализируется литература враждебного лагеря, что сужает поле критики буржуазной идеологии и не позволяет дать аргументированное объяснение тем или иным явлениям современности.

Владимир Ильич тщательно анализировал тенденции поведения белой эмиграции, тактику ее различных группировок. Ленин прекрасно разбирался в эмигрантской «политической кухне» и психологии человека, вынужденного жить на чужбине; ведь ему приходилось дважды на длительный срок покидать родину.

«1900—1905 и 1908—1917» — так лаконично ответил Ленин на вопрос о годах, прожитых в эмиграции, заполняя анкету делегата XI Всероссийской конференции РКП(б).

Две эмиграции... В 56 городах и населенных пунктах вне пределов родины жил, работал или побывал Ильич[1]. Швейцария и Франция, Италия и Бельгия, Швеция и Англия, Австрия и Германия. Многолетние вынужденные скитания по европейским городам унесли у Владимира Ильича, по свидетельству Надежды Константиновны Крупской, прошедшей вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной рядом с Лениным через все годы эмиграции, немало сил. Сполна познал Ильич «всю тяжесть из-

[1] СИЭ, т. 16, стб. 509,

мученной, постылой, болезненно нервной эмигрантской жизни».

«Подлые условия... заграничной эмигрантщины» не смогли помешать Ленину проделать титаническую работу по обучению партии большевиков, всех трудящихся масс России стратегии и тактике грядущих победных сражений со старым миром насилия и угнетения. Каждый день и час, проведенный Владимиром Ильичем в эмиграции, начисто опровергает попытки наших классовых противников создать мифы о его якобы «одиночестве» на чужбине, об «отрыве» от России.

Именно эти годы жизни за рубежом, по свидетельству Н. К. Крупской, «выковали из него того борца, который нужен был массам, который повел их к победам». Из «эмигрантского далека» Ленин готовил рабочий класс России, всех ее трудящихся к грядущим боям. Свою вынужденную эмиграцию Владимир Ильич использовал для изучения и переосмысления ранее ему известных и знакомства с малоизвестными произведениями Маркса и Энгельса вплоть до, казалось бы, второстепенных, малозначащих писем и извлечения из них многих незаслуженно забытых положений относительно теории социалистической революции.

В какой бы стране ни жил Ленин, он всегда стоял во главе революционных событий, происходивших на родине, Владимир Ильич Ленин всей своей жизнью в эмиграции, титанической деятельностью на благо родины показал пример глубочайшей любви к России [1].

Став после победы Октября во главе Советского государства, вождь партии большевиков пристально следит за происками врагов революции и социализма.

Яркий пример знания «вражеской страны» — ленинский анализ стратегии и тактики поведения белой эмиграции, ее связей с международной буржуазией, действий различных партий, группировок, изданий российской зарубежной контрреволюции.

---

[1] Читатель, желающий подробнее ознакомиться с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в эмиграции, найдет много интересного в серии Политиздата, начавшей выходить с 1967 года: «Ленин в Женеве», «Ленин в Кракове», «Ленин в Берне и Цюрихе», «Ленин в Швеции», «Ленин в Мюнхене», «Ленин в Финляндии», «Ленин в Лондоне». Эту серию удачно дополняют и другие книги: например, книга западногерманского писателя Ф. Хитцера «Под именем доктора Иорданова. Ленин в Мюнхене».

Ясно знать своего врага

Довольно часто в истории своеобразным эпилогом социальных переворотов, когда к власти в той или иной стране приходят прогрессивные силы, является контрреволюционная эмиграция.

«...После того, как мы отразили наступление международной контрреволюции, — говорил В. И. Ленин в 1921 году, — образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона» (т. 44, с. 39).

Перейдя за границу, российская контрреволюция в первые годы Советской власти представляла собой сложный конгломерат сил и течений — от бравирующих социалистической фразеологией эсеров и меньшевиков до крайних монархистов. Но в те годы белая эмиграция была еще очень серьезной силой, располагавшей своими партиями и организациями, прессой и, самое главное, постоянной поддержкой со стороны правящих кругов Запада.

Если до Октябрьской революции можно было говорить о каких-то различных программных и идейных позициях помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий России, то после октября 1917 года их объединила во многом ненависть к Советской власти. «Народный социалист» С. Мякотин, например, даже в январе 1926 года твердил, что эмиграции «предстоит еще борьба. В этой борьбе должна объединиться русская эмиграция, создавая в некотором роде единый фронт. Чувство ненависти к власти, уродующей русскую жизнь, должно спаять эмиграцию» [1].

«Прямыми помощниками всемирного капитала» назвал Владимир Ильич лидеров и идеологов белой эмиграции, а белоэмигрантскую литературу — зеркалом «идейной жизни» по *ту* сторону баррикады» (т. 39, с. 139). В. И. Ленин внимательно следил за этой литературой. В его библиотеке в Кремле было собрано немало книг идеологов белоэмиграции [2].

Из «Каталога» мы узнаем, что В. И. Ленин интересо-

---

[1] Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977, с. 76.

[2] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 225—240.

вался книгами первых советских историков и публицистов, разоблачающих дела российской зарубежной контрреволюции, — Н. Алексеева «На службе у империалистов (Англо-русский конфликт и белая эмиграция)», В. Белова «Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время», Г. Виллиама «Распад «добровольцев», А. Меньшого «Россия № 2, эмигрантская», И. Гуровича «Записки эмигранта» и другими.

Начало «потусторонней» коллекции положила книга Е. Чирикова «Народ и революция», изданная в 1919 году в занятом белыми Ростове-на-Дону, автор которой объяснял революцию через садизм, повышенную нервную возбудимость и желал «верить, что русский народ, сотворивший такое сказочное царство-государство... не может превратиться в политический и культурный ноль!» [1]. На обложке чириковской книжки Владимир Ильич размашисто пишет черным карандашом: «Особая полка: «белогвард[ейская] литература» [2].

Объясняя смысл подобных «заклинаний», В. И. Ленин отмечал: «что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии» (т. 34, с. 295).

Рядом с книжкой интеллигента-писателя Евгения Чирикова В. И. Ленин ставит «сочинения» профессора князя Е. Трубецкого, ходившего до Октября в левых либералах. После же 1917 года князь писал о русской революции, по выражению Владимира Ильича, «как сторонник капиталистического рабства». Ленин отмечал, что «можно просмотреть писания русских интеллигентов вроде Чирикова или буржуазных мыслителей вроде Е. Трубецкого, и любопытно посмотреть, как они, помогая Деникину, рассуждают об Учредительном собрании, о равенстве и т. д.» (т. 40, с. 208). Вероятно, речь идет о брошюре «Великая революция и кризис патриотизма», которая имелась в кремлевской библиотеке.

Писания чириковых и трубецких Владимир Ильич не случайно ставит рядом, ибо из-за ненависти к новой России практически стерлись идеологические различия меж-

---

[1] Чириков Е. Народ и революция. Ростов-на-Дону, 1919, с. 40.

[2] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., с. 239.

ду дворянско-помещичьим, буржуазным и мелкобуржуазным направлениями историографии.

Анри Гильбо вспоминал, что ему часто приходилось видеть Ленина «изучающим и снабжающим примечаниями какую-нибудь книгу, изданную белыми в Берлине, Париже или Токио. С тем же вниманием, с каким Ленин выслушивал своих противников, он читает книги и брошюры своих врагов, делая на полях свои пометки. Лицо его при этом выражало удовольствие. «Эти люди оказывают нам большую услугу, — говорил он, — они обращают наше внимание на все ошибки и глупости, которые мы совершаем. Мы должны быть им благодарны» [1]. Многие книги с «особой полки» пестрят ленинскими маргиналиями.

Так, едкими пометками Владимира Ильича испещрены «Очерки русской смуты» А. Деникина. Ленин познакомился лишь с двумя книгами пятитомной «Смуты...». На одной из страниц, где бывший предводитель Добровольческой армии испуганно пишет о «безумной, мрачной тяжести — власти толпы» [2], В. И. Ленин точно оценивает содержание книги. «Автор «подходит» к классовой борьбе, как слепой щенок» [3].

Сколь-нибудь приметная белоэмигрантская книга не проходит мимо зоркого взгляда Ленина. Л. М. Хинчук вспоминал: «Когда один из эмигрантов, А. С. Орлов, издал брошюру за границей против Центросоюза, Владимир Ильич пригласил меня к себе и настоятельно потребовал (дав срок две недели) составить брошюру о Центросоюзе. При этом он не только давал советы, но потребовал корректурные листы...» [4]

Предмет пристального внимания Ленина — белоэмигрантская пресса. Известно, что уже 3 декабря 1917 года на заседании Совнаркома под председательством Ленина обсуждался вопрос о необходимости следить за буржуазной печатью, ее инсинуациями против Советской власти и разоблачать их [5]. Владимир Ильич обосновывает этот интерес теоретически.

---

[1] Гильбо А. В. И. Ленин. М., 1925, с. 182.

[2] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921, т. 1, вып. 2, с. 40.

[3] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог, с. 236.

[4] Хинчук Л. В. И. Ленин и кооперация. — Союз Потребителей, 1924, № 1—2, с. 5.

[5] Ленин В. И. Биохроника. М., 1974, т. 5, с. 106.

«Прошу обратить сугубое внимание на статью «Последних новостей» (Париж) № 309: «Милюков и Авксентьев у американцев» (т. 52, с. 183), — пишет он 9 мая 1921 года в редакции «Правды» и «Известий», подводя под этот факт важный принцип контрпропаганды. Он советует клеветнические высказывания белоэмигрантских газет и журналов регулярно разоблачать перед самой широкой аудиторией: «Необходимо систематически отмечать подобные статьи и заметки; их масса; давать *сводки* их, внушая нашим ведомствам и читающей массе рабочих и крестьян, что белогвардейская буржуазия поумнее, превосходно понимает значение концессий и заграничной торговли для Советской власти и потому *главной* своей задачей сейчас ставит сорвать торговые договоры РСФСР с иностранными государствами, сорвать политику концессий» (т. 52, с. 183).

7 октября 1921 года Ленин запросил НКИНД, ВЧК, Наркомвоен, Коминтерн, ЦК РКП(б), отправив копию запроса в Наркомпрос М. Н. Покровскому, почему не выполняется постановление Совнаркома о присылке учреждениями и ведомствами белогвардейской литературы. «Некоторые учреждения, — указывал он в этом запросе, — до сих пор считают белогвардейские печатные и письменные материалы своим достоянием и превращают их поэтому в неотъемлемую часть их подручных библиотек, где эти материалы далеко не достаточно использованы» [1].

Отмечая важность подобной формы идейного разоблачения врагов революции, В. И. Ленин пишет: «Материал этот... пропадает для международной коммунистической агитации, а он крайне ценен» (т. 51, с. 251). В записке в Политбюро ЦК РКП(б) в апреле 1922 года он просит «ускорить издание... на всех европейских языках брошюры Савинкова «Борьба с большевиками» и брошюры Ст. Ивановича «Сумерки русской социал-демократии», с подробным пояснением того, как обе эти брошюры доказали реальную связь правого крыла меньшевиков и с.-р. с международной реакцией» (т. 45, с. 145).

По прямому ленинскому указанию в советских газетах в начале 20-х годов публиковались обзоры белоэмигрантской прессы и литературы: «Красным по белому», «По белой прессе», «Из белого стана», «Россия № 2».

Эти белогвардейские писания были настолько само-

[1] Ленинский сборник, XXIII, с. 201.

разоблачительны, что их публикация тогда давала значительный пропагандистский эффект, ярко показывала контрреволюционную, антинародную сущность белой эмиграции.

«Летом двадцатого года на страницах «Правды» появилась Тэффи, — вспоминала правдистка С. Виноградская («Огонек», 1962, № 18). — Два фельетона белоэмигрантской писательницы «Правда» снабдила единым заглавием «Наши за границей» и первый фельетон сопроводила предисловием: «Ниже мы перепечатываем целиком и полностью фельетон г-жи Тэффи, напечатанный в № 14 белогвардейской русской газеты «Последние новости»... Этот фельетон чрезвычайно выпукло рисует настроения буржуазных беженцев, удирающих от русского пролетариата под сень международного капитала».

Когда в газете «Петроградская правда» от 21 июля 1921 года под рубрикой «Из белой прессы» было перепечатано интервью с биржевиком, бежавшим из России, Владимир Ильич подчеркнул следующие строки:

«Сейчас не видно, кто бы их [большевиков] мог заменить... Жить по-новому мы не умеем, да и не хотим. По-старому жить не придется, ну, отсюда вывод ясный: прощай, Россия, прощай навсегда...» В. И. Ленин трижды отчеркнул эту заметку.

Будучи тяжело больным, Владимир Ильич продолжал внимательно изучать белоэмигрантские издания. Уезжая на лечение в Горки, он просит аккуратно и регулярно «из заграничных русских изданий посылать «Накануне», «Социал-Демократ» (меньшевиков), «Зарю» (меньшевиков), «Современные Записки» (эсеров), «Русскую мысль» и *перечень* остальных изданий, брошюр и книг» (т. 54, с. 269).

В полемике с белоэмигрантскими органами печати Ленин не уставал подчеркивать, что их пропагандистское неистовство — не признак силы, а проявление бессилия, указывал, что попытки организовать широкое идеологическое наступление со стороны именно этих представителей реакции не случайны, ибо на идеологическом фронте они пытались взять реванш за свое политическое и военное поражение.

«Верхи» белой эмиграции уже в те годы получали значительную финансовую и материальную поддержку от иностранных империалистов для развертывания всесторонней подрывной работы против молодой Советской Рес-

публики. «Наша белогвардейщина, — говорил Владимир Ильич в марте 1921 года на Всероссийском съезде транспортных рабочих, — передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западноевропейского капитала» (т. 43, с. 141). Отметим, что при этом белоэмигрантские вожди не забывали и о себе: устраивали в банках Лондона и Парижа ценные бумаги и акции, продавали и закладывали оставшиеся в России имения и предприятия, «реализовывали» награбленное народное добро [1]. Интересы России, о которых они якобы заботились, для них всегда были лишь своими классовыми привилегиями, которые они потеряли в Октябре и теперь любой ценой желали восстановить. М. И. Калинин писал в 1925 году о деятелях российской контрреволюции: «...когда-то не очень давно, они считали себя сынами России, а теперь они согласны (если бы имели возможность) объединиться с самим чортом против своего народа» [2].

За рубежом появилось немало организаций крупной российской буржуазии, надеющихся восстановить капитализм в России: «Совет съездов торговли и промышленности», «Всероссийский союз торговли и промышленности», «Комитет представителей русских коммерческих банков», «Совет съезда горнопромышленников юга России», «Совет частных железных дорог» и др. Наиболее влиятельной и активной из них являлся «Российский торговопромышленный и финансовый союз» (Торгпром), объединивший более 600 бежавших из России крупных капиталистов. Один из заправил Торгпрома, Г. Нобель, говорил Савинкову: «Мы люди коммерческие, нас интересует только активная борьба с большевизмом, и мы видим ее сейчас только в том, чтобы уничтожить всех главных руководителей этого движения... Вы люди активные и опытные. Мы даем Вам возможность начать. Сделайте хоть одно дело — наш кредит к Вам сразу вырастет и для дальнейшего». Хорошо известно, что подобные слова не были пустым сотрясением воздуха. Много планов физического уничтожения вождей пролетарской революции было выношено и детально разработано белоэмигрантски-

---

[1] Подробнее об этом см.: Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, раздел «Белая эмиграция — классовая организация помещиков и капиталистов за рубежом» (с. 168—176).

[2] Калинин М. И. За эти годы. Кн. 2. М.—Л., 1926, с. 376.

ми центрами и иностранными разведками, немало белогвардейцев пересекло советскую границу с целью убийства Владимира Ильича Ленина...

Как оживился весь «веер» российской контрреволюции, когда в начале марта 1921 года вспыхнул мятеж в Кронштадте. Эти «события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было», моментально высветили «знакомую фигуру белогвардейских генералов» (т. 43, с. 138, 23). Белоэмигрантские политиканы сразу воспылали любовью к кронштадтскому моряку, еще недавно олицетворявшему для них лишь «скотину», водворившую в России большевиков. «Теперь же, в связи с восстанием, вдруг пробудилась христианская нежность к Красному флоту, — с сарказмом отмечал даже меньшевистский «Социалистический вестник». — «Матросики мои!» — шепчет молитвенно Иосиф Гессен. «Родные голубчики!» — умиляется Бурцев. «Герои!» — вздыхает В. Маклаков. «Наша краса и гордость!» — вторит ему В. Коковцев».

Все политические силы белоэмиграции выступили воедино в период событий. Подстрекательские призывы к выступлениям моряков в крепости и рабочих в Петрограде публиковались белоэмигрантской прессой еще до начала мятежа. «За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев» (т. 43, с. 24), — говорил Ленин на X съезде партии.

Иностранная и российская контрреволюция восторженно приветствовала мятежников. Резко взлетел курс русских акций на парижской бирже, и французское правительство приказывает своим представителям в Прибалтике срочно оказать помощь восставшим. Русские монархисты устраивают в Берлине крестный ход в поддержку мятежа. В Ревель спешно прибывает эсеровский лидер Чернов, готовящийся, как сообщала в те дни эмигрантская газета «Голос России», «в случае падения Петербурга провозгласить новое русское правительство». Лидер кадетов Милюков быстро подхватывает кронштадтский лозунг «Советы без большевиков».

На имя представителя союза русских финансистов в Финляндии посыпались крупные денежные переводы: возглавляемый В. Н. Коковцевым Международный банк перевел 5 тысяч фунтов стерлингов, парижский Русский

банк — 225 тысяч франков, Русско-Азиатский банк — 200 тысяч франков, Земско-городской комитет и Торгпром — по 100 тысяч франков, Никополь-Мариупольское металлургическое общество — 20 тысяч франков и т. д. Средства в первую очередь предназначались для закупок продовольствия мятежникам.

«Обеспечение продовольствием сейчас самое важное дело. Если бы мы могли сейчас действительно продвинуть продовольствие в Кронштадте, мы сумели бы разблаговестить об этом всему миру. А когда Советская Россия узнает, что освободившийся от большевиков Кронштадт немедленно получил из Европы продовольствие, — эта весть будет искрой в бочке пороха» [1], — писал член ЦК партии эсеров Зензинов. Но напрасно примеривали премьерские мундиры черновы, раскошеливались нобели, размечтались зензиновы: Советское государство вовремя приняло решительные меры для подавления кронштадтского мятежа...

Белоэмигрантская и буржуазная пресса в те дни «точно спустила с привязи всех своих цепных собак. Более разнузданной, более дикой кампании против Советской России не велось еще никогда за все время революции», — отмечала «Правда» 20 марта 1921 года. Наряду с белоэмиграцией заметно оживились и контрреволюционные элементы в самой Советской России. В литературе того времени они назывались «внутренней эмиграцией». В. И. Ленин уделял этому явлению также немало внимания.

Амальгама из остатков прошлого

«Внутренняя эмиграция» начала вести антисоциалистическую пропаганду в России с первых послеоктябрьских дней. Уже в конце декабря 1917 года в кадетских газетах было опубликовано «Воззвание ученых Петрограда», где Октябрь назывался «великим бедствием», постигшим многострадальную Россию, а большевики квалифицировались как «узурпаторы» законной власти. «Научные» прогнозы о ближайшем крахе новой власти следовали один за другим.

С подобными заявлениями в начале 1918 года высту-

[1] Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980, с. 40—41.

пили петроградский «Академический союз» и московский «Российский союз ученых учреждений и высших учебных заведений», руководство которых поставило перед собой задачу объединить недовольную Советской властью профессуру и организовать бойкот передовых ученых, начавших с ней работать. Лозунг «Российского союза» — «Автономию науке!» на ряд лет определил политическую линию «внутренней эмиграции» в среде научно-педагогической интеллигенции страны, стремившейся противопоставить науку победившему в революции народу. Ленин в 1922 году отмечал: «...почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его,* пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» (т. 45, с. 52).

«Внутренняя эмиграция» имела своих идеологов и свои печатные органы вроде «Экономиста» или «Артельного дела», поддерживала связи с белой эмиграцией. Для нападок на Советскую власть «внутренняя эмиграция» широко использовала трибуны съездов интеллигенции, созываемые для обсуждения насущных профессиональных нужд. В этом отношении особенно показательны были съезды врачей и геологов. «Политиканствующие эсеро-меньшевистские или мнимо-беспартийные буржуазно-интеллигентские верхи пытались все эти съезды использовать в интересах контрреволюции» [1]. Например, в резолюцию первого Всероссийского съезда геологов, состоявшегося в конце июля 1922 года, было записано следующее: «Русские ученые остро чувствуют гражданское бесправие, в котором сейчас пребывает весь русский народ, и полагают, что уже наступило время для обеспечения в стране элементарных прав человека и гражданина» [2].

В первые годы нэпа нередкими были нелегальные съезды или совещания буржуазии и буржуазной интеллигенции. Эсер С. С. Маслов умилялся: «А какая широкая волна съездов и совещаний — широких и тесных, гласных и тайных — прошла в течение 1921 года в среде кооперативных работников!.. Сколько негласных совещаний было среди оставшихся в России деятелей про-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 391.

[2] На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923, с. 72.

мышленности!»[1] Вскрывая сущность «внутренней эмиграции», журнал «Красная новь» (1923, № 4) писал: «Имея в своих рядах представителей так называемых социалистических направлений — эсеров, народных социалистов, не гнушаясь и «бывшими» черносотенцами, эта амальгама из остатков разгромленной буржуазии, помещиков и чиновников образовала ту среду враждебных революции элементов, которая... питала активную контрреволюцию внутри республики».

Своеобразными «вехами» реакционной идеологии, энциклопедиями воззрений российской контрреволюции явились сборники «Из глубины» и «Освальд Шпенглер и закат Европы». Авторы «Из глубины» — П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, А. Изгоев и другие — поставили перед собой задачу «теоретически» обосновать необходимость ликвидации завоеваний Октября, «обуздания» революционного народа.

В предисловии к сборнику, развивавшем в новых исторических условиях антидемократические идеи «Вех», П. Струве писал, что его дореволюционный предшественник оказался слишком слабым предупреждением той катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905 — 1907 годах и разразилась в 1917 году. Авторы «Из глубины» всеми силами хотели оправдать контрреволюцию, «святость» беспощадной расправы над победившим пролетариатом, ради чего под флагом защиты демократии и высших человеческих ценностей должна была проливаться народная кровь.

Злобным нападкам подвергались социалистическая демократия и всеобщая трудовая повинность. «Русское искание правды жизни всегда принимает апокалипсический или нигилистический характер, — вещал Н. Бердяев в статье «Духи русской революции». — Это сугубо национальная черта». «Нечаевщина была крупным проявлением русского большевизма»[2], — дополнял его А. Изгоев. И весь сборник составлен из подобных «откровений».

Идеи оголтелого мракобесия «Из глубины» пережили своих авторов. Их духовные наследники переиздали к пятидесятилетию Октября сборник, который должен

---

[1] Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977, с. 81.

[2] Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918, с. 81, 188.

«помочь» новым поколениям буржуазных идеологов понять сущность Октябрьской революции. «Сборник «Из глубины» — одна из последних попыток русской интеллигенции говорить о русской революции на русской земле и от собственного имени»[1] — в такой «упаковке» преподносят его современные эмигрантские авторы.

Ленин, указывая на растущую активизацию «внутренней эмиграции», особо выделил сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», охарактеризовав его как «литературное прикрытие белогвардейской организации» (т. 54, с. 198). Авторы сборника — Н. Бердяев, С. Франк, Ф. Степун, Я. Букшпан — вслед за «властелином дум Запада» О. Шпенглером высказали свое глубоко враждебное отношение к социализму. «Всякий дух гуманности и сострадания чужд социализму. В основе социализма лежит дурная бесконечность воли к власти во имя власти, — писал Ф. Степун. — В социалистическом мире не будет творчества и не будет свободы. Все будут повелевать всеми, и все будут механически работать на всех. Силой природного закона будет всех давить и угнетать воля большинства»[2]. Эти два сборника были, конечно, не единственными выступлениями против пролетарской диктатуры, идей социализма и коммунизма.

В то же время Александр Блок завершает написанную им статью «Интеллигенция и революция» призывом: «Я думаю, что не только право, но и обязанность их (писателей. — *А. А.)* состоит в том, чтобы... слушать ту великую музыку будущего, звуками которой наполнен воздух, и не выискивать отдельных визгливых и фальшивых нот в величавом реве и звоне мирового оркестра...

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»[3].

Но «внутренняя эмиграция» занята одним — сочинением «музыки контрреволюции».

Ее центрами стали многочисленные «научные» сообщества, игравшие в те годы роль идеологических учреждений свергнутых Октябрем классов. «Вольная философская ассоциация», «Вольная академия духовной культуры», «Философское общество при Петроградском университете», аналогичные организации в Костроме, Са-

---

[1] Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974, с. 222.

[2] Освальд Шпенглер и закат Европы. М., 1922, с. 25.

[3] Блок А. Собр. соч. М.—Л., 1962, т. 6, с. 19—20.

ратове, Ростове-на-Дону, журналы «Мысль», «Мысль и слово», «Вопросы философии и психологии», всякого рода альманахи, частные издательства «Берег», «Мысль», «Цех поэтов», «Парфенон» выступали как адепты старого мира.

В своих нападках на Советскую власть идеологи «внутренней эмиграции» пытались использовать любой повод, даже события, казалось, не имеющие отношения к политике. Например, в 1921 году вышла книга профессора Оппеля «Успехи хирургии». Вместо анализа вопросов, затронутых в этой сугубо специальной медицинской работе, «рецензент» Д. А. Лутохин пустился в рассуждения, существо которых заключалось в осуждении всяких «операций над сложнейшим организмом». Такой пагубной «хирургической операцией» автор считал начавшиеся демократические преобразования.

Белоэмиграция восторженно приветствовала появление журналов, книг и статей, «пропитанных духом стойкой оппозиции» к политике молодого Советского государства, она хвалила идеологов «внутренней эмиграции» за антисоветскую деятельность, называя их «героями». «Ученые России работают, воспитывают и учат, ни пядью не поступаясь из своих убеждений, ничего не жертвуя в угоду власти» [1], — писал П. Милюков, обобщая частные примеры контрреволюционной деятельности ученых в Республике Советов. «Мы с радостью констатируем, что работа философской мысли в России продолжается и что никакие потрясения — политические, экономические, моральные — не в силах парализовать деятельность чистого, незаинтересованного мышления, стремящегося постигнуть вневременную значимость вещей» [2].

В условиях обострившейся классовой и идеологической борьбы первых лет Советской власти «внутренняя

---

[1] Последние новости. Париж, 1921, 2 августа.

[2] Современные записки. Париж, 1922, № 12, с. 376. Журнал «Современные записки» был, как отмечал советский исследователь Д. Горбов, «самый солидный и культурный из русских зарубежных журналов, с особенно богатым беллетристическим и литературно-критическим отделом» (Горбов Д. У нас и за рубежом. М., 1928, с. 7). Хотя во главе журнала стояли правые эсеры Н. Авксентьев, И. Бунаков (Фондаминский), М. Вишняк, А. Гуковский и В. Руднев, практически журнал был «внепартийный», в нем участвовали представители всех белоэмигрантских «течений» и эмигрантская молодежь. За 1920—1939 годы свет увидело 70 томов «Современных записок».

эмиграция» являлась серьезным политическим и идеологическим противником. Суровая действительность тех лет требовала от партии принятия необходимых мер по пресечению антисоветской деятельности «внутренней эмиграции».

В. И. Ленин категорически протестовал против предоставления свободы печати для «внутренней эмиграции». «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» (т. 44, с. 79).

Сначала была проведена чистка высшей школы от наиболее реакционных профессоров, которые, по выражению Владимира Ильича, для просвещения юношества «годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста» (т. 45, с. 33). Затем мерой пресечения контрреволюционной деятельности «внутренних эмигрантов» явилась бессрочная высылка за рубеж некоторых из них в административном порядке. «Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартову, милости просим, испытайте прелесть «демократии», расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение» (т. 43, с. 241).

Мысль о необходимости «вежливенько» препроводить в «демократические» страны «образованных крепостников» Ленин высказывает в статье «О значении воинствующего материализма». Он вновь возвращается к этой мысли в письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 года; Владимир Ильич просит собрать *«систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей» и рассмотреть вопрос о высылке за границу «помогающих контрреволюции» (т. 54, с. 265).

При этом он требовал строго дифференцированно и осмотрительно подходить к каждому из «кандидатов на высылку». «Обязать членов Политбюро, — отмечал Ленин, — уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий» (т. 54, с. 265). Так, о сотрудниках сменовеховского журнала «Новая Россия» он писал, что *«не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист»,

изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 *(только третьем!!! это nota bene)* напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (т. 54, с. 266).

Решение о высылке из РСФСР наиболее активных «внутренних эмигрантов» из числа петроградских, московских и киевских профессоров, писателей, журналистов было принято после XII партконференции, обсудившей задачи партии в связи с возрождением буржуазной идеологии в стране.

После тщательного расследования в августе — сентябре 1922 года был выслан за границу 161 человек. «В их числе были такие активные защитники и пропагандисты буржуазных идей, как общественные деятели С. Прокопович, Е. Кускова, А. Пешехонов, В. Водовозов; философы Н. Бердяев, П. Сорокин, С. Франк, Б. Вышеславцев, И. Ильин, Н. Лосский, Ф. Степун, С. Булгаков; журналисты и писатели А. Петрищев, А. Изгоев, М. Осоргин, Б. Каменецкий, И. Матусевич, Н. Волковысский, Д. Лутохин, Ю. Айхенвальд; профессора Б. Бруцкус, А. Кизеветтер, С. Мякотин, М, Новиков, Л. Карсавин, Г. Федоров, Г. Флоровский, П. Бицилли и др.».[1] Ожесточенное классовое противоборство тех лет диктовало необходимость осуществления подобной акции.

Рабочие и крестьяне молодой Республики Советов с одобрением восприняли известие о выдворении из страны злостных контрреволюционеров. «Мероприятия Советской власти, направленные к устранению из пределов Советской Республики антисоветских элементов из мира политиканствующих адвокатов, литераторов, студенчества и т. п., встречали полную поддержку в трудящихся массах»[2], — отмечалось в отчете ЦК РКП(б) за август — сентябрь 1922 года.

Ленинский анализ действий «внутренней эмиграции»

---

[1] Федюкин С. А. Указ. соч., с. 177.
[2] «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 9, с. 4.

поражает своей прозорливостью. В ноябре 1918 года была опубликована работа В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Она написана в связи с заявлением одного из эсеровских лидеров, приват-доцента Петроградского университета и Психоневрологического института, бывшего секретаря Керенского и члена Учредительного собрания П. Сорокина, о выходе из партии эсеров, что дало Владимиру Ильичу повод для анализа причин политического краха мелкобуржуазных партий в России. Ленин расценил данное сорокинское заявление как «чрезвычайно интересный «человеческий документ» (т. 37, с. 188), как проявление политической честности...

К сожалению, затем П. Сорокин не сдержал своего слова о прекращении борьбы с Советской властью, стал одним из самых заметных «внутренних эмигрантов». Ленин, например, ознакомившись с содержанием первого номера журнала «Экономист» за 1922 год, особо заклеймил сорокинскую статью «О влиянии войны»: «Этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал..., причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины» (т. 45, с. 32). Владимир Ильич указал на необходимость вести борьбу против подобных «образованных крепостников».

Питирим Сорокин одним из первых был выслан из Советской России. Некоторое время читал лекции в Пражском университете, а с 1923 года и до конца своих дней жил в США, где его считают одним из основоположников американской социологии.

Десятки книг и статей П. Сорокина, носящие яркую печать антисоветизма, не раз привлекали внимание советских ученых-обществоведов, преимущественно в плане критики его философско-исторических взглядов. В первых же своих работах эмигрантского периода он огульно обрушился на Октябрьскую революцию и социалистическую Россию. Сейчас в нашей философской и исторической литературе его имя часто вспоминается в связи с «рожденной» П. Сорокиным в годы второй мировой войны теорией «конвергенции» двух противоположных социально-экономических систем.

Уже перед самой смертью Питирим Сорокин опубликовал статью «Основные черты русской нации в XX ве-

ке», в которой он открыто (хотя и с некоторыми оговорками и терминами, принятыми в западной литературе) признал после почти полувекового разрыва с Родиной большие завоевания нашего народа за годы Советской власти во всех сферах жизни[1]. Статья свидетельствует о том, что ряд положений, ранее им выдвигавшихся, особенно по теории нации и истории революции, П. Сорокин существенно изменил и даже подверг пересмотру на закате своей долгой научной деятельности (он скончался в феврале 1968 года).

Советский режим, писал П. Сорокин, «несомненно, ныне является наиболее радикальным политическим новшеством. Он стремится к созданию не только политической, но и экономической и социально-культурной демократии, он уничтожает эксплуатацию и несправедливость гораздо более радикальными методами, чем «режим чисто политической демократии» (за защиту которой он подвергался резкой ленинской критике). П. Сорокин признает, что «за сравнительно короткий срок, равный приблизительно 25 годам, советским народам и их лидерам не только удалось восполнить гигантские потери человеческих жизней и здоровья, понесенные во время апокалипсического разрушения городов и деревень, богатств и природных ресурсов, причиненного двумя мировыми войнами и гражданской войной, но им удалось превратить Советский Союз в одну из двух наиболее мощных — в политическом, военном, экономическом, промышленном и технологическом отношениях — наций в мире. То же самое верно относительно культурного развития народов Советского Союза».

И применительно к этому, «последнему признанию» Питирима Сорокина, сделанному в 1967 году, вполне подходит ленинская оценка его заявления, сделанного в 1918 году: «Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы» (т. 37, с. 189).

Как и П. Сорокин, многие высланные «внутренние эмигранты», в 20-е годы оказавшись на Западе, отличи-

[1] Sorokin P. The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century. — The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1967, v. 370, p. 99—115.

лись на антисоветском поприще. Даже белоэмигрантская пресса, много писавшая о высылке реакционеров из Советской России, иногда довольно-таки объективно расценивала мотивы советской стороны. «Прежде всего напомним, что высылка Пешехонова, наравне с другими представителями интеллигенции, никем и никогда не не расценивалась как наказание. Удаление из Советской России высококвалифицированных интеллигентов мотивировалось *не виной*, а определенным желанием *избежать* труднопредотвратимого *столкновения* между властью и ими, столкновения, которое могло грозить тяжелыми последствиями для слабейшей стороны, моральным ударом для сильнейшей. Вот почему изгнание не могло быть заменено ссылкой, которая — хотя и не всегда — может рассматриваться и, во всяком случае, ощущаться как мера *наказания* и *пресечения*. Ни пресекать, ни карать московское правительство не хотело. Его задачей было — предоставить людям возможность и время путем личного опыта убедиться в исторической, политической и моральной правоте революции, либо — на основе того же опыта — остаться на прежних непримиримых позициях» [1].

С признаниями силы Советской власти выступили и некоторые из высланных «внутренних эмигрантов». Так, бывший министр Временного правительства А. В. Пешехонов отметил, что в России нет ни одной организации, могущей помериться силами с РКП(б). Ленин обратил внимание на это выступление. В дневнике его дежурных секретарей записано 30 ноября 1922 года: «Владимир Ильич попросил дать ему № 763 «Последних новостей» от 13 октября, его там интересует статья «Беседа с А. В. Пешехоновым».

Народ выбрал Красный Кремль

Большой интерес Ленина вызывало «сменовеховство» — «течение, привившееся в эмигрантской России, течение общественно-политическое, во главе которого стоят крупнейшие кадетские деятели, некоторые министры бывшего колчаковского правительства — люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство и надо поэтому идти за ней» (т. 45, с. 93).

[1] Парижский вестник, 1926, 17 февраля.

Движение получило название от вышедшего в Праге в середине 1921 года сборника «Смена Вех» и парижского журнала под тем же названием. Сборник открывала программная статья профессора международного права Ю. В. Ключникова, призывавшего «...в свете наших старых мыслей о революции познать, наконец, истинный смысл творящей себя ныне революции»[1]. Другими авторами сборника были кадеты-профессора С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин, С. С. Лукьянов, бывший петербургский адвокат А. В. Бобрищев-Пушкин, председатель «восточного отдела» партии кадетов Н. В. Устрялов. Они признали, что, «когда встала дилемма: Красный Кремль и Кремль с колокольным звоном царей московских, народ предпочел первое» и «сознательно воплотил свою волю» в Октябре[2].

Но еще в 1920 году, когда исход гражданской войны был ясен, один из главных идеологов «сменовеховства», Н. В. Устрялов, в книге «В борьбе за Россию», посвященной генералу А. А. Брусилову («мужественному и верному служителю Великой России в годину ее славы и в тяжкие дни страдания и несчастия»), стремится найти новый путь для «национально-патриотических элементов России». «С точки зрения русских патриотов, русский большевизм, сумевший влить хаос революционной весны в суровые, но четкие формы своеобразной государственности, явно поднявший международный престиж объединяющейся России и несущий собой разложение нашим заграничным друзьям и врагам, должен считаться полезным для данного периода фактором в истории русского национального дела»[3].

Наряду с журналом (всего увидело свет 20 номеров) сменовеховцы издавали газеты «Накануне» (Берлин), «Новый путь» (Рига), «Новая Россия» (София), «Путь» (Гельсингфорс), «Новости жизни» (Харбин). Их появление вызвало страшный переполох в среде «не спустившей» монархические и белогвардейские флаги эмиграции. Уже в конце 1921 года парижская «демократическая группа» Милюкова призвала к решительному отпору сменовеховцам, ибо иначе «в иностранных кругах, — отмечалось в протоколе заседания «группы», — соз-

---

[1] Смена Вех. Прага, 1921, с. 6.
[2] Смена Вех, с. 34, 51.
[3] Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920, с. 12.

дается впечатление, что эмиграция примиряется с большевиками».

«Непримиримые» белоэмигранты объявили сменовеховцев «лакеями» и «порученцами» большевиков, предателями «белой идеи» и «агентами ЧК» (кстати, и современные буржуазные историки хотят видеть в них лишь «платную агентуру большевиков»[1]). Началась травля сменовеховцев, в редакторов и репортеров их газет и журналов стреляли, и попадали — жертвами «непримиримых» стали редакторы софийской и харбинской газет А. М. Агеев и Д. И. Чернявский. Но процесс расслоения белоэмиграции продолжался, и все больше «групп эмиграции и русской интеллигенции»[2] сплачивалось вокруг нового общественно-экономического течения.

В. И. Ленин на XI съезде РКП(б) отмечал, что «сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики» (т. 45, с. 94). Это движение начала 20-х годов было весьма противоречивым, неоднородным и многослойным. Советские исследователи отмечают наличие в нем правого и левого крыла. «Правые» делали ставку на возможность реставрации капитализма в России и перерождения Советской власти, «левые» шли на честное сотрудничество с большевиками.

«Революция гибнет, бросая завет поколениям, — писал Устрялов. — А принципы ее с самого момента ее смерти начинают эволюционно воплощаться в истории. Она умирает, лишившись жала»[3]. Выхолостить Советскую власть, лишить ее «жала, то есть диктатуры пролетариата, — таково было кредо правого сменовеховства. «Служение» Советской России «правые» понимали как содействие «неизбежному перерождению диктатуры пролетариата в буржуазно-демократическую республику» и ратовали за грядущий расцвет «могучего русского либерализма».

Это был тонкий расчет на «внутреннюю эволюцию» и «эрозию» советского строя. Коммунистическая партия в те годы активно боролась с буржуазно-реставратор-

---

[1] Volkmann H. — E. Die Russische Emigration in Deutschland, 1919—1929. Wurzburg, 1966, s. 57—61.

[2] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 393.

[3] Устрялов Н. Patriotika. — Смена Вех, Прага, 1921, с. 58.

скими взглядами сменовеховства; вместе с тем Ленин считал политически очень полезными откровенные заявления Устрялова, в которых он видел «классовую правду классового врага» (т. 45, с. 93).

Тех же, кто понимал «смену вех» как честное сотрудничество, партия всячески поддерживала.

Высоко оценивал выступления «левых» сменовеховцев по вопросам Генуэзской конференции В. И. Ленин. Ознакомившись с содержанием статей Ю. Ключникова в газете «Накануне» и журнале «Смена Вех», он писал членам Политбюро ЦК РКП (б): «Обращаю внимание на статью «Генуэзская конференция» Ю. Ключникова в № 13 «Смены Вех»; предлагаю:

...Обсудить совместно с нашими членами делегации вопрос о привлечении Ключникова в качестве эксперта» (т. 44, с. 380).

Затем, сравнив публикации советской прессы и сменовеховской, Владимир Ильич снова пишет членам Политбюро ЦК РКП(б): «В «Смене Вех» (№ 13) лучше подготовка к Генуэзской конференции, чем у нас. Побить редакторов *«Правды»* и *«Известий»*. Приказать им перепечатать 2 статьи из № 13 «Смены Вех» и дать ряд таких же или получше на *все* темы, связанные с конференцией» (т. 54, с. 157). Две статьи Ключникова были опубликованы в «Правде», а их автор был привлечен в качестве эксперта по вопросам международного права советской делегации на конференцию[1]. Это важная деталь, характерная для ленинского стиля работы, в основе которого лежит доверие к людям, умение разбираться в природе человеческих исканий и раздумий (Ключников в годы гражданской войны был министром иностранных дел в Омском «правительстве» адмирала Колчака).

В 1923 году он вернулся на Родину. Вернулись в Советскую Россию и многие другие видные сменовеховцы,

[1] Если П. Сорокина считают «творцом» «теории конвергенции», то одним из его духовных наставников смело можно считать Ю. Ключникова. В начале 1922 года он так формулировал подобные идеи: «Отныне начинается процесс двустороннего взаимного мироприспособления — требовательной русской революции к условиям иностранной жизни (то есть капитализму. — *А. А.*) и неустойчивой буржуазии разных стран к требованиям русской революции. Это именно тот двойной процесс, который мы все время считали единственным способом избежать новых мировых катастроф».

осознав, что правда истории на стороне большевиков, и преодолев свои политические заблуждения. Вспомним, например, о возвращении Алексея Толстого, по поводу которого газета «Известия» писала в те дни: «Новая Россия завоевала себе признание не только на полях битв, не только в дипломатических битвах, в Генуе. Она одерживает психологические победы, завоевывает наиболее чуткие сердца и проницательные умы».

«Непримиримая» же часть белой эмиграции продолжала выступать вкупе с международной реакцией против первого в мире пролетарского государства.

«Вы, конечно, все обратили внимание, как цитаты из белогвардейских газет, издаваемых за границей, шли рядом с цитатами из газет Франции и Англии. Это один хор, один оркестр» (т. 43, с. 139), — делает Ленин вывод, анализируя первые антисоветские пропагандистские кампании, вывод, актуально звучащий и сейчас. Он указывает, что, с одной стороны, «универсальность и планомерность этой кампании показывает, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств» (т. 43, с. 123), а с другой — «до какой степени эти враги по сравнению с прошлым годом обессилены» (т. 43, с. 126).

Занимая принципиальные позиции в ожесточенном идеологическом сражении первых послеоктябрьских лет, партия большевиков в то же время проявила большую политическую гибкость и такт, умение маневрировать своими силами, использовать слабости противника, привлекать на свою сторону колеблющихся.

По тому, чьи классовые или партийные интересы выражало то или иное белоэмигрантское издание — монархическое, кадетское, эсеро-меньшевистское, сменовеховское, — В. И. Ленин точно определял классово-партийный состав антисоветской эмиграции [1]. А ведь и в наши дни чрезвычайно важно уметь различать, какие классовые или партийные силы стоят за спиной того или иного издания наших идеологических противников, что должно помочь поиску наиболее эффективных средств полемики с ними.

Коммунистическая партия внимательно следила за

---

[1] Подробнее об этом см.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984, глава XII «В эмиграции» (с. 534—553).

деятельностью идеологов антисоветской эмиграции, искажающих историческое прошлое нашей страны и историю Октября в угоду международной реакции. Выступая на девятой конференции РКП(б), М. Н. Покровский, ссылаясь на фальсификацию истории французской революции буржуазными учеными, говорил: «Теперь в русской революции начинает происходить то же самое. Буржуазия начинает свое дело. Милюков... выпускает том за томом историю революции. Белогвардейские генералы и полковники... издают одну книжку за другой... Это делается за рубежом. И, конечно, клевещут вовсю».

Идеологическая обстановка первых лет Советской власти требовала эффективных мер противодействия белоэмигрантской и буржуазной идеологии; в обращении «Ко всем членам партии» в 1920 году особое внимание обращалось на то, что «буржуазия активно использует историю в своих классовых интересах, заставляя прошлое служить настоящему». Во главе идеологического наступления партии стоял В. И. Ленин, который был в курсе всех важнейших проблем идеологического противоборства тех лет.

В борьбе с идеями белоэмигрантских историков, философов, литераторов Владимир Ильич разработал теоретические и практические основы советской пропаганды и контрпропаганды, дал развернутую, научно обоснованную программу комплексного наступления на буржуазную идеологию. Советские ученые, писатели, публицисты в дальнейшем развили ленинские традиции критики идеологии контрреволюционной эмиграции.

...Всю толщу российской эмиграции всколыхнула весть о смерти Владимира Ильича Ленина. Правые откровенно ликовали и вновь размечтались о возврате в Россию под малиновый звон сорока сороков московских колоколен. М. Горький отмечал в те дни, что эмиграция изливает на Ленина «трупный свой яд». «Не люблю я, презираю этих политиканствующих эмигрантов, но — все-таки жутко становится, когда видишь, как русские люди одичали, озверели, поглупели, будучи оторванными от своей земли» [1].

Но не все, конечно, в эмиграции «одичали» и «озверели». Все настойчивее давали знать о себе настроения другого рода, появились более трезвые оценки и выво-

[1] Ленин В. И., Горький А. М. Письма, воспоминания, документы. М., 1969, с. 287.

ды. И вот уже из уст битого политика П. Милюкова известие о смерти Ленина вырывает признание: «Партии, говорившие от имени народа, потерпели поражение в октябре 1917 года, — писал он 17 февраля 1924 года в газете «Последние новости» [1], — тогда как сам народ пошел за Лениным».

Сменовеховская газета «Накануне» на кончину Владимира Ильича откликнулась выпуском специального номера под набранным крупным шрифтом заголовком: «Ленин умер — строительство Новой России продолжается по его заветам».

«Их почвой (большевиков. — *А. А.)* была созданная Лениным железная партия. Создание этой партии было... свидетельством о каких-то огромных — пожалуй, даже допетровских — социальных возможностях, — писал в 1926 году Г. П. Федотов. — Вся страстная, за столетие скопившаяся политическая ненависть была сконцентрирована в один ударный механизм, бьющий... с нечеловеческой силой» [2].

Разумеется, в этих признаниях и оценках трудно найти какие-то твердые классовые или партийные позиции; в них мы находим другое — желание наконец-таки осознать, что за грандиозные процессы происходят на родной земле.

Даже в заметно фальсифицированной биографии Ленина, изданной в 1931 году профессором русской истории в Йельском университете (США) Г. Вернадским, автор признает, что «личность Ленина оказала огромное влияние на ход политического развития в России и через нее на весь мир». Вернадский писал о замечательном «политическом чутье» Ленина, огромной силе воли, блестящем ораторском искусстве, что создавало между ним и аудиторией некие незримые узы.

Бывший деникинский офицер, сын царского министра внутренних дел князя Святополк-Мирского Д. П. Мирский после переосмысления своего жизненного пути в 1930 году вступает в Коммунистическую партию Велико-

---

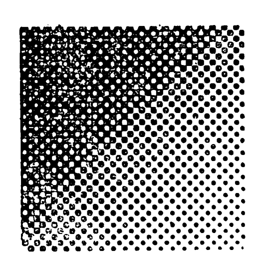
[1] «Последние новости» были самой крупной эмигрантской газетой межвоенных лет (временами ее тираж доходил по 35 тысяч экземпляров). Она явилась парижским продолжением петербургской «Речи». Первым ее редактором был адвокат М. Л. Гольдштейн. С марта 1921 по 1940 год во главе газеты стоял П. Н. Милюков.

[2] Федотов Г. П. Лицо России. Париж, 1967, с. 117.

британии. В том же году он издает книгу «Ленин». И хотя в книге есть недостатки, автор высоко оценивает личность Ленина, отмечает его скромность, доброжелательное отношение к людям, огромнейшую популярность среди рабочих и крестьян. Вскоре после выхода «Ленина» Д. Мирский опубликовал статью «Почему я стал марксистом». В ней он говорит о том, что героическая борьба российского рабочего класса в годы гражданской войны, знакомство «с советской действительностью и в особенности с великими экономическими достижениями реконструктивного периода» заставили его порвать с эмиграцией. «Паутина идеализма была сметена. Я все увидел в ярком свете ленинского научного мышления. Я на все стал смотреть по-новому».

Знаменательное признание мощи ленинского гения!

Вечно молодо ленинское теоретическое наследие. Оно служит надежнейшим путеводителем при рассмотрении сложнейших проблем современного мира. Подход В. И. Ленина к изучению контрреволюционной эмиграции, всесторонний и глубокий ленинский анализ этого сложнейшего феномена учит нас ненавидеть и умело разоблачать нынешних врагов из стана контрреволюционной эмиграции, нести сквозь все преграды правду о первом в мире социалистическом государстве.

ОТ АНАФЕМЫ К ДЕМАГОГИИ

Старая, доказанная историей истина гласит, что пережившие себя общественные силы... еще раз перед агонией напрягаются, от обороны переходят к наступлению, вместо того, чтобы уклониться от борьбы, сами вызывают на борьбу, пытаясь сделать самые крайние выводы из посылок, которые не только поставлены под вопрос, но уже давно осуждены историей.

К. Маркс

Октябрь «застал» практически врасплох буржуазных ученых-обществоведов других стран. Авторами первых книг и статей о нашей революции на Западе стали главным образом журналисты, дипломаты, общественные и политические деятели, поэтому их работы по преимуществу имели публицистический, описательный характер. Для борьбы с влиянием идей марксизма-ленинизма мировая буржуазия в те годы выдвинула на первый план идеологов российской контрреволюции. Октябрьская революция лишила их политической власти, но зато обогатила их многообразными мечтами о реванше. В идеологический арсенал Запада был передан весь набор антисоциалистических идей, выработанных идейными вождями российской буржуазии и самодержавия после революции 1905—1907 годов. Многие белоэмигрантские историки, философы, теологи, социологи заняли видное положение в академических учреждениях Запада и оказали заметное влияние на зарождавшуюся советологию.

«Париж и Западная Европа жили главным образом теми готовыми умозаключениями, которые им под-

сказывала русская эмиграция...»[1] — кажется Деникину.

В чем-то он прав. Да, верхушку белоэмиграции поначалу охотно выслушивали в правящих и деловых кругах Англии и Франции, Германии и США. Собеседникам не надо было ни у кого занимать антикоммунистических и антисоветских убеждений. Но вот положение белоэмигрантских вождей и идеологов резко отличалось от положения заправил Запада: последние являлись для абсолютного большинства беженцев всех рангов и званий — за исключением немногочисленного круга очень богатых эмигрантов — хозяевами, работодателями в прямом смысле этого слова, шла ли речь об ученом, военном, политике, журналисте, не говоря уже об эмигрантских «низах». А кто платит, как известно, тот и заказывает музыку. Международная реакция стала широко рекламировать новоявленных «дипломированных лакеев» американского и западноевропейского капитализма как «духовные силы», представляющие «подлинную Россию», без помощи которых «невозможно понять место России среди других народов» и которые должны «помочь разобраться в чрезвычайно сложных и запутанных проблемах, представляемых Россией». «Главными» советчиками своих новых хозяев по русским делам стали отстраненные правительством РСФСР за непризнание Советской власти дипломаты — бывшие послы Извольский, Бахметьев, Маклаков и Набоков. Выступая фактически как бы в качестве официальных представителей старой России, они требовали скорейшей интервенции, «концентрированного давления на большевиков» из Архангельска, Сибири и с Кавказа. «За «союзническую» же помощь Извольский, например, предлагал отдать Франции под залог леса северной России.

Лихорадочно искавшие ответ на вопрос «Россия — революция — мы» белоэмигрантские идеологи в своих работах всячески стремились фальсифицировать сущность начавшихся в молодой Стране Советов грандиозных социалистических преобразований.

Никто из них не собирался впадать в «пессимизм молчания», и в ожидании грядущего возвращения «будущей весной» в Россию многие уселись за письменные

---

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты, 1926, т. 5, с. 239.

столы. Заметим при этом, что идейный спектр зарубежной России, как отмечают современные эмигрантские исследователи, был весьма широк: «начиная от черносотенства типа Маркова II, бывшего более монархистом, чем сами Романовы, двигаясь сквозь переживших крушение империи, неоднородных по настроениям представителей династии, сквозь остатки сановной и дворянской России, сквозь носителей оттенков всех русских политических тенденций эпохи конституционной монархии и 1917 года, России «черного года», сквозь идеологов гражданской войны, непредрешенства и «пореволюционных течений» (от сменовеховцев, евразийцев и младороссов к НТС, новгородцам, «Утверждению» и «Третьей России», дальневосточным фашистам и русским националистам...), кончая группами «возвращенцев» и «невозвращенцев», позднее группами «оборонцев» и «советских патриотов»... до сторонников традиционного черного знамени»[1]

«До кипения дошедшая ненависть» к новой России и родному народу широко выплеснулась на бумагу. С 1918 по 1932 год выходило 1005 русских эмигрантских изданий.

По местам выхода в свет этих изданий можно изучить географию расселения русского зарубежья. Так, в 1924 году вышло «русских книг, журналов и сборников — 665. Из них: в Германии — 337, в Чехословакии — 129, во Франции — 63, в Прибалтике — 61, на Балканах — 31, на Дальнем Востоке — 20, в Польше — 19, в Америке — 5»[2]. В начале 20-х годов белоэмиграцию захлестнула волна издательского предпринимательства. «Крупнейшим из таких предприятий было издательство З. И. Гржебина, который в конце 1920 года перенес свою деятельность из Петрограда за границу, сначала в Стокгольм, а затем в Берлин... Количество русских издательств в Берлине в 1921—1923 годах было очень велико (из-за условий послевоенной инфляции и относительной дешевизны в Германии). Помимо Гржебина, главнейшие из них — «Слово» Лодыжникова, «Эпоха», «Геликон», «Грани» Дьяковой, «Русское творчество», «Универсальное издательство», «Мысль». Наряду с этими берлинскими издательствами энергичную

---

[1] Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972, с. 21—22.
[2] Милославский П. Русская книга за рубежом в 1924 году. — Воля России. Прага, 1925, № 2, с. 240.

деятельность развили в эти годы издательство Поволоцкого и «Русская Земля» в Париже, «Пламя» в Праге, «Северные огни» в Стокгольме, «Российско-Болгарское книгоиздательство» в Софии, «Библиофил» в Ревеле» [1].

По другим подсчетам, опубликованным уже после второй мировой войны, за 1919—1952 годы увидело свет 1571 периодическое издание на русском языке, 438 — на украинском, 84 — на белорусском и 35 — на других языках народов России, а всего выходило за рубежом России 2230 журналов и газет [2].

«Голос России», «Народная газета», «Вестник эмигранта», «Свободная Россия», «Грядущая Россия», «Новая Россия», «Голос эмигранта», «Думки залетные», «Русская мысль и т. д. и т. п. — огромное количество белоэмигрантских изданий увидело свет. Наряду с выходящими многотысячными тиражами «Последними новостями» и «Современными записками» были однодневки, отпечатанные на пишущей машинке с западавшими буквами. Марковский полк издавал во время галлиполийского «сидения» в 1921 году газету «Шакал». Другая — «юмористическая» — газета отличалась «веселым» названием «Развей горе в голом поле»...

В вышедших в 1931 году в Белграде «Материалах для библиографии русских научных трудов за рубежом» учтено 7038 названий. Бóльшую часть этой литературы составляли работы по философии, истории, богословию, юриспруденции и т. д., и солидная доля этих произведений была пронизана прямо-таки патологическим, порой, доходящим до абсурда, неприятием новой России. «В Париже самая злостная эмиграция — так называемая идейная: Мережковский, Гиппиус, Бунин и др. Нет помоев, которыми бы они ни обливали все относящееся к РСФСР» [3], — писал Владимир Маяковский, вернувшись из заграничного путешествия.

«Грабьте, подлецы, — неистовствовал в широко известном открытом письме к крестьянам своего бывшего имения в Калужской губернии князь Голицын, — все мое добро грабьте. Только липовой аллеи не трогайте,

---

[1] Струве Глеб. Русская литература в изгнании, 2-е изд. Париж, 1984, с. 25.

[2] Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж. 1971, т. I., с. 309.

[3] Маяковский В. В. Собр. соч. М., 1978, т. 6, с. 259.

которая моими предками посажена. На этих липах я вас, мерзавцев, вешать буду, когда вскоре в Россию вернусь». Подобные «откровения» белоэмигрантов, беснующихся от потери своих классовых и сословных привилегий, не оставались незамеченными на Западе.

«Политический облик русских эмигрантов в Англии вызывает презрение, — писал Герберт Уэллс в 1920 году. — Они бесконечно твердят о «зверствах большевиков»: крестьяне поджигают усадьбы, разбежавшаяся солдатня грабит и убивает в глухих переулках, и все это — дело рук большевистского правительства. Спросите их, какое же правительство они хотят вместо него, и в ответ они несут избитый вздор, обычно приспосабливаясь к предполагаемым политическим симпатиям своего собеседника. Они надоедают вам до тошноты, восхваляя очередного сверхчеловека, Деникина или Врангеля, который наведет наконец полный порядок, хотя одному господу богу известно, как он это сделает. Эти эмигранты не заслуживают ничего лучшего, чем царь, и они не в состоянии даже решить, какого царя они хотят» [1].

Надо отметить, что белоэмиграция в штыки встретила «Россию во мгле», обрушилась на Г. Уэллса за его вывод: «Большевизм в настоящих условиях — единственно возможная в России власть». Ее бесило то, что писатель представлял себе будущее Европы близко к тому, что несет на своих знаменах большевизм. «Вот эта одинаковость мироощущения, связывающая Уэллса с Лениным, и есть то, что разделяет нас от Уэллса непроходимой межой и что составляет центр его книги... Уэллс уже не с нами, а с ними...» [2].

Самые же «непримиримые» голицыны после того, как к ним присоединились и Деникин и Врангель, принялись мечтать об иностранном кулаке для России, так «невежливо» с ними обошедшейся. Собрание бывших царских дипломатов в Париже в связи с кронштадтским мятежом направило в Вашингтон телеграмму «российскому послу» Б. Бахметьеву, в которой указывалось, что «сочувствие Америки может во многом способствовать успешному исходу борьбы против большевистской тирании». Истерично настаивали на «стрельбе нескольких английских крейсеров» по Кронштадту Д. Мережковский

---

[1] Уэллс Г. Россия во мгле. Соч. М., 1964, т. 15, с. 349.
[2] Русская мысль. София, 1921, кн. III—IV, с. 208.

и З. Гиппиус. Созданное в эмиграции «Отечественное объединение русских евреев» выступило с обращением «К евреям всех стран!», в котором говорилось, «что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племен, большевизм есть наибольшее из возможных зол... Борьба против большевистского владычества всеми силами, против большевиков — со всеми готовыми и способными бороться, — это единственный символ политической веры, обязательный для членов союза». Ненависть к большевикам «непримиримые» распространяли даже на эмигрантскую интеллигенцию, «сделавшую», по их мнению, революцию и «погубившую» Россию. «Среди русских студентов в Праге случалось слышать разговоры, что первого, кого нужно повесить по возвращении в Россию, — это Петра Струве» [1].

Живем, бредем и медленно седеем...
Плетемся переулками Пасси.
И скоро совершенно обалдеем
От способов «спасения» Руси! —

иронически писал об «освободителях» популярный в эмиграции поэт Дон-Аминадо.

Никак не могли, не желали осознать битые царские генералы, некогда солидные помещики, властелины дум петербургской богемы, почему они оказались в холодных мансардах и прокуренных кафе Парижа и Берлина. Вообще на задворках истории! И цеплялись, как утопающий за соломинку, за спасительную мысль о возвращении на Родину. Ведь смог Ленин, большевики, столько лет прожившие в эмиграции, стать во главе России. Наша же эмиграция и более многочисленна, и, несомненно, более интеллектуальна. Наступит и наш час! Но не учитывали эти белоэмигранты самого главного: прежняя, революционная эмиграция жила во имя будущего, ради светлого завтрашнего дня своей родной страны настойчиво боролись революционеры на чужбине. Они же цеплялись за прошлое...

История — бесстрастный свидетель. Она знает немало примеров того, когда оторванные от своей родины люди служили ее высшим интересам. Почти вся революционная деятельность Карла Маркса и Фридриха Энгельса протекала в эмиграции. Вспомним про пятнадцатилет-

[1] Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956, с. 22.

нюю «эмигрантщину» Владимира Ильича Ленина... Важнейшая черта подлинно революционной эмиграции — тесная связь с революционными силами, которыми она представлена на родине. «Не показала ли полувековая история эмигрантщины в России (и 30-летняя история *социал-демократической* эмиграции), — писал в 1915 году Ленин, — что бессильны, несерьезны, фиктивны все декларации, совещания и т. п. за границей, если они не поддержаны *длительным* движением того или иного общественного слоя в России?» (т. 26, с. 190).

Революционная эмиграция из России начиная с 40-х годов прошлого столетия и до 1917 года играла значительную роль в русском и международном революционном движении. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (т. 41, с. 8). Эта высокая ленинская оценка относится ко всем представителям российской революционной эмиграции.

Первый отряд революционеров-эмигрантов из России, состоявший из представителей революционных организаций сороковых годов XIX века, дал толчок освободительному движению внутри страны и сказал Европе правду о России. «Великую роль в подготовке русской революции», по словам Владимира Ильича, сыграл А. И. Герцен. Он сделал немало для того, чтобы на Западе на русских стали смотреть иначе...

В революционной эмиграции почетное место занимает группа «Освобождение труда», созданная в 1883 году Г. В. Плехановым и приложившая немало усилий для собирания революционных сил в эмиграции и в России. «Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)» (т. 17, с. 405), — писал Ленин в 1909 году в работе «Карикатура на большевизм», находясь во второй эмиграции.

Уже в начале XX века партия большевиков вела за рубежом огромнейшую работу... С 1901 года в обстановке нарастания революционного движения в России в Лейпциге стала издаваться газета «Искра», организатором и непосредственным идейным руководителем которой был Ленин. Большевики создали в начале века в эмиграции широкую оперативную базу для работы. Вся заграничная деятельность большевистской партии проводилась в двух направлениях: пропаганда за рубежом и помощь российскому революционному движению, выражавшаяся, как писал Ленин, «главным образом 1) в отправке революционных работников в Россию; 2) в отправке собранных за границей денежных сумм в Россию; 3) в собирании за границей таких русских связей, сведений и указаний, которые должны быть тотчас сообщаемы в Россию в целях предупреждения провалов и т. д.; 4) в отправке литературы в Россию и т. п.» (т. 8, с. 89—90).

В 1904—1905 годах в крупнейших центрах эмиграции были созданы большевистские заграничные организации. Они вели организаторскую, пропагандистскую и культурно-просветительную работу среди миллионов соотечественников, проживающих за рубежом. В США и Канаде были созданы Союзы русских рабочих, в Австралии — Союз русских эмигрантов (рабочих), во Франции, Англии и других странах — профсоюзы, объединявшие русских рабочих. Издавалось немало газет и журналов. Через своих соотечественников Ленин получал много информации о положении дел в рабочем движении той или иной страны Запада.

Очень нелегкими были условия революционной работы в эмиграции. Они требовали от человека беспредельной преданности делу революции и освобождения трудового народа. Владимир Ильич после своей первой эмиграции писал в 1907 году одному из своих корреспондентов: «Я думаю, что Вы таких подлых условий, как заграничная эмигрантщина, еще не видели. Надо быть там *очень* осторожным... оторванность от России там чертовская, бездельничанье и бездельничающая психика, изнервленная, истеричная, шипящая и плюющая, — преобладают. Вы там встретите трудности работы, *ничего общего* не имеющие с российскими трудностями: «свобода» почти полная, но *живой* работы и среды для живой работы почти нет... Кто сумеет обеспечить себе за границей работу

в связи с русской *организацией,* — тот и только тот сможет оградить себя от засасывающего болота тоски, дрязг, изнервленной озлобленности и проч. У меня эта «заграница» ой-ой как в памяти, и я говорю на основании немалого опыта» (т. 47, с. 112—113). Но, преодолевая многочисленные трудности, большевистская эмиграция делала все для подготовки победы социалистической революции на родине. Как бы подводя итоги деятельности российской революционной эмиграции, Ленин в 1916 году писал с гордостью в приветствии съезду итальянской социалистической партии: «...из эмиграции нам удалось помочь борьбе наших товарищей в России» (т. 30, с. 149).

Взоры антисоветской эмиграции начала 20-х годов были обращены только к прошлому. «Появляются две России: «Россия, оставшаяся в России», подлинно-сущая и имеющая будущее; и Россия ирреальная, бывшая, покойная, эмигрантская «Россия № 2», — грустно констатировал М. Вишняк. — Еще недавно представление о русском эмигранте было неразрывно связано с представлением о развитом чувстве гражданственности, о повышенной политической активности и готовности во имя будущего претерпеть в настоящем, вплоть до лишения родины и ухода в изгнание. «Эмигрант» звучало гордо... Новейшее словоупотребление пытается вложить в «эмиграцию» и «эмигранта» подчеркнуто одиозный смысл: — живого трупа, пережившего свои желания и разлюбившего свои мечты и лишь из трусости или корысти продолжающего обременять собою небо и чужую землю» [1].

Сквозь зубы вынуждены признавать даже самые непримиримые белоэмигрантские идеологи, что «просто кулак — это ничто. Без творческой силы нечего браться за борьбу с большевизмом. Славный ход белого движения бесславно замрет в песках эмиграции; бесплодно погибнут доблести ген. Кутепова, таланты ген. Врангеля, бескорыстные благородство и мудрость в. к. Николая Николаевича, если короста реставраторства не будет отброшена ими» [2].

Свое бессилие в объединенной борьбе против Советской власти начинают сознавать и крупные деятели

---

[1] Современные записки, 1922, № 10, с. 325.

[2] Это признание А. В. Карташева привел П. Н. Милюков в своей книге «Эмиграция на перепутье» (Париж, 1926, с. 68—69).

разлагающейся российской зарубежной контрреволюции. «Эмиграция давно уже живет в болотной мгле. Монархисты в сотый раз собираются и... болтают на тему «Когда позовет народ». Кадеты в сотый раз повторяют свои старые коммуналы. Кого объединять? С кем? Гробницу... с живым трупом?.. Оказалось, что Россию нельзя заполучить — русский народ не желает себе ни Романовых, ни Врангеля, ни кадетов, ни даже Милюкова» [1], — сокрушался Б. Савинков.

Но многие «духовные вожди» эмиграции предпочитали говорить другое. Ибо за признания, подобные карташевским, Запад денег не платил. И не таких теоретических выкладок ждали «сильные мира того» от «духовных сил подлинной России».

В цене, и звонкой цене, был иной товар — ложь и клевета на партию большевиков, на марксизм-ленинизм, фальсификация исторического прошлого нашей Родины. В начале 20-х годов происходит своего рода информационный взрыв антикоммунистических и антисоветских страстей белой эмиграции. По данным советского ученого М. Ю. Левидова, только в 1921 году на английский язык было переведено 246 белоэмигрантских изданий, на немецкий — 168, на французский — 103 [2]. Западу же надо знать правду о «невесть как совершившейся» революции в загадочной России из первых рук...

Международная буржуазия с жадностью набросилась на идеологический «товар», поставляемый белоэмигрантами. Состряпанные белоэмигрантскими идеологами мифы о «советской военной угрозе», о «несовместимости» демократии и социализма, о «тоталитарном» характере первого в мире социалистического государства, бесконечная проповедь «случайности» Октября, уверения, будто бы революция пошла «не по Марксу», всевозможные варианты теорий об «отсталой России и загадочной русской душе», вымыслы о якобы имеющих место «нарушениях прав человека и отсутствия свободы личности в СССР» и в наши дни составляют «золотой фонд» антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Сейчас, конечно же, удельный вес эмигрантской литературы в буржуазной историографии и обществоведе-

---

[1] За свободу, 1923, 20 декабря.

[2] Левидов М. Ю. Русская революция в западной литературе (Письмо из Лондона). — Печать и революция, 1921, № 2, с. 55—56.

нии заметно уменьшился. Появились на Западе собственные кадры советологов, подготовленные в «русских» центрах и университетах США, Франции, ФРГ, Англии, Италии и других стран. Но это вовсе не означает, что современные буржуазные идеологи отрекаются от идейного багажа антисоветской эмиграции первых лет Советской власти. Сочинения ее «духовных вождей» по-прежнему питают современных советологов, которые, правда, иногда на словах пытаются отмежеваться от наиболее одиозных белоэмигрантских концепций истории Октябрьской революции и советского общества. Примечателен, например, тот факт, что в течение многих лет почетным президентом ААРС (Американская ассоциация развития славяноведения — крупнейшая организация, координирующая работу советологов США) был бывший профессор Петербургского университета Г. Вернадский. Президентами ААРС в разные годы были также антисоветски настроенные филолог Г. Струве и историк Н. Рязановский.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на роль преемственности в развитии идеологии. «...Раз возникнув, — писал Ф. Энгельс, — всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией» [1]. Рекламирование и использование антикоммунизмом в наши дни идеологии белоэмиграции не случайно и обусловлено двумя очевидными истинами: во-первых — буржуазная идеология бессильна самостоятельно выработать принципиально новые идеи для борьбы с реальным социализмом; во-вторых — единством целей и идейным первородством современной буржуазной идеологии с идеологией свергнутых эксплуататорских классов дооктябрьской России. «Идеологии каждого данного времени всегда состоят в теснейшей положительной или отрицательной связи с идеологиями предшествующего времени» [2].

В чем же воплощалась и воплощается теснейшая «отрицательная» связь белоэмигрантских концепций и современной буржуазной идеологии?

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 313.
[2] Плеханов Г. В. Соч., т. 1, М., 1956, с. 666.

Sub specie finis[1] Против народившейся Советской власти белоэмигрантскими идеологами был брошен весь арсенал антисоциалистических идей российской контрреволюции. В. И. Ленин углубление кризиса буржуазной общественной науки связывал с первой русской революцией 1905 года, в которой буржуазия показала себя как класс, враждебный пролетариату, и считал, что нигде в мире в буржуазной революции буржуазия не была так контрреволюционна, не проявила такого тесного союза со старой властью, как в России.

Буржуазия, сознавая себя классом и учитывая уроки революции 1905 года, создала в послереволюционные годы идеологию, принципиально враждебную социализму. Буржуазные идеологи изображали первую русскую революцию, революционные способы борьбы, демократические требования как нечто неизменное, безумное и даже преступное.

Претензии русской буржуазии — быть представителем народа — потерпели полный крах в революции 1905 года. Она на опыте революции убедилась в том, что пролетариат борется не только против самодержавия, но и против нее, буржуазии, что он вовсе не собирается таскать для нее каштаны из огня. Сконцентрированным доказательством освобождения ее от болезни «народолюбия» стал вышедший в 1909 году сборник «Вехи». Откровенная защита контрреволюции и антидемократизм поставили его в центр идейной борьбы в России; сборник был с восторгом встречен всей российской реакцией (наиболее тонким буржуазным идеологам вроде П. Милюкова пришлось отмежеваться от слишком откровенно высказанных чаяний всей российской буржуазии).

«Русскими марксистами овладела исключительная любовь к равенству и исключительная вера в близость социалистического конца и возможность достигнуть этого конца в России чуть ли не раньше, чем на Западе... — премудрствовал в «Вехах» Н. Бердяев, который, «как и всякий думающий человек, за шесть лет много раз менял свои убеждения или свои идеи» [2], — любовь к урав-

---

[1] Под знаком конца *(лат.)*.
[2] Шестов Л. Начала и концы. М., 1906, с. 94.

нительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине...»[1].

«Энциклопедия либерального ренегатства», как охарактеризовал сборник В. И. Ленин, стала с тех пор синонимом антидемократизма идеологов российской буржуазии, изменившей своей «Аннибаловой клятве» бороться с деспотизмом за права человека и установление демократии[2]. По справедливому замечанию современных исследователей, «в России уже на рубеже XIX—XX веков мыслителями, которые сначала выдавали себя за марксистов... а потом предприняли радикальную ревизию предпосылок марксизма и объявили борьбу с большевизмом, был выработан классический эталон буржуазной критики мировоззренческого наследия марксизма-ленинизма и форм реализации его социально-политической программы в практике международного освободительного движения рабочего класса, эталон, популяризированный позже на Западе белоэмигрантами, который и сегодня определяет рамки конструкций различных антикоммунистических и советологических теорий, причем не только в отдельных случаях, спорадически, а в универсальном объеме»[3].

Веховство появилось, разумеется, тоже не на голом месте. Так, своим духовным наставником веховцы считали Константина Леонтьева, одного из первых яростных ниспровергателей социалистических идей в России, еще в 1873 году утверждавшего, что «не имеют правдоподобия ни психологически, ни исторически, ни социально, ни органически, ни космически — всеобщая равномерная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствие». Авторы «Вех», перещеголявшие К. Леонтьева в ненависти к

[1] Вехи. Сборник статей о русской революции. 5-е изд. М., 1910, с. 8, 13.

[2] Лев Толстой 23 апреля 1909 года сделал в своем дневнике такую запись: «Читал «Вехи». Удивительный язык. Надо самому бояться этого. Нерусские, выдуманные слова, означающие, подразумевающие новые оттенки мысли неясные, искусственные, условные и ненужные. Могут быть нужными эти слова только, когда речь идет о ненужном. Слова эти употребляются и имеют смысл только при большом желании читателя догадаться и должны бы сопровождаться всегда прибавлением: ведь ты понимаешь, мы с тобой понимаем это». — Л. Н. Толстой о литературе. М., 1955, с. 603.

[3] Цит. по: Кувакин В. А. Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976, с. 202.

социализму, были, конечно, не одиноки в нападках на революцию.

В межреволюционный период модно стало скрывать свою ненависть к социализму за ширмой борьбы с «мещанской психологией», якобы овладевающей российским пролетариатом. Н. Мирский, призывавший поклоняться богу, а не «священным принципам четвертого сословия», ибо «идеал социалистов есть тот же мещанский идеал предметного благополучия, продолженный вниз», писал в 1909 году: «В основе всех притязаний и надежд европейского пролетариата лежит не общечеловеческая любовь, а то же вожделение свободы и комфорта, которое в свое время вдохновляло третье сословие и привело к теперешнему раздору. Притязания и надежды рабочих законнее и человечнее притязаний капиталистов, но они, будучи классовыми, не совпадают с интересами человечества» [1]. «У голодного пролетария и у сытого мещанина разные экономические выгоды, но метафизика и религия одинаковые, — вторил Мирскому Д. Мережковский, — метафизика умеренного здравого смысла, религия умеренной мещанской сытости» [2].

«Притязания и надежды» российских капиталистов сбылись в феврале 1917 года, когда опрокинулась «телега залитой кровью и грязью романовской монархии» (Ленин). Крушение самодержавия ознаменовалось переходом политической власти в руки нового общественного класса — класса буржуазии, воспользовавшегося плодами победы народа. В состав буржуазного Временного правительства вошли буржуазные идеологи и политики, представлявшие класс, давно уже правивший Россией экономически, но который царизм упорно отказывался допустить к реальной политической власти. Настал «звездный час» — с марта по октябрь 1917 года — российской буржуазии. Однако Временное правительство оказалось не в состоянии разрешить ни одной из назревших проблем социально-экономического развития страны... Уж как не склоняли задним числом «говорильню» Керенского в эмиграции! «Бесконечно многословные выступления и бесконечные прения по ним, — не мог успокоиться даже спустя много лет Ф. Степун, — ни малейшего чувства эпохи и темпа событий; болезненный инте-

---

[1] Мирский Н. На общественные темы. Спб., 1909, с. 63.
[2] Мережковский Д. С. Спб. — М., 1911, т. XI, с. 10.

рес к тончайшим оттенкам отвлеченных точек зрения и полное отсутствие озабоченности фактическим состоянием России»[1].

В июне 1917 года в Петрограде проходил I Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ответ на слова одного из лидеров меньшевиков, Церетели, на съезде о том, что в России нет политической партии, которая бы могла взять власть целиком на себя, В. И. Ленин заявил: «Есть!.. Наша партия... каждую минуту готова взять власть целиком».

Эти слова Владимира Ильича вызвали злобные насмешки. За несколько дней до Октябрьского восстания реакционная газета «Новое время» высказывалась: «Допустим на минуту, что коммунисты победят. Кто будет управлять нами?.. Конюхи, няньки, кухарки — вот те, кто, по мыслям коммунистов, призван, очевидно, править страной. Будет ли это? Нет! Возможно ли? На такой сумасшедший вопрос коммунистам властно ответит история». Как ответила история, мы знаем...

25 октября 1917 года родился новый мир — мир социализма. Октябрьская революция спасла страну от гибели. Судьба России оказалась в надежных руках — человек труда стал хозяином своей страны. И то, чего не видели и не понимали ни кадеты, ни монархисты, ни эсеры и меньшевики, сразу увидели и поняли народные массы России. Первыми декретами новой власти стали декреты — столь желаемые и долгожданные — о мире и земле.

В неимоверно трудных условиях, в которых находилось молодое Советское государство, Ленин вооружил партию конкретным планом строительства социалистического общества. Следуя ленинским заветам, Коммунистическая партия круто изменила судьбу народов России, вывела их на дорогу социального прогресса. Наша партия никому и никогда не обещала молочных рек с кисельными берегами. Она обещала создать такие экономические, политические и социальные условия, в которых люди своим собственным трудом смогут создавать для себя самих жизнь обеспеченную и свободную.

Никто из апологетов старого мира не верил в жизненность рожденной революцией Советской власти, все предрекали ей близкое, неизбежное падение. Советскую

[1] Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Париж, 1952, т. 2, с. 101—102.

власть объявляли «правительством» на четверть часа», обреченной на провал авантюрой «максималистов». От словесных возражений противники Октября быстро перешли к иной, более «весомой» аргументации.

«Задушить в колыбели» — это не литературный оборот, а формула действий старого мира по отношению к молодой Советской Республике. Цель была одна: любой ценой свергнуть рабоче-крестьянскую власть. Руководители государств капиталистического мира тех лет не считали нужным скрывать ни ненависти к Советской Республике, ни решимости уничтожить ее военным путем. Уинстон Черчилль (откровенно называвший деникинскую Добровольческую армию «моей») писал впоследствии в книге «Мировой кризис»: «Было бы ошибочно думать, что... мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских, напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело». Знаменательное признание...

По обе стороны фронта оказалась в Октябре, гражданской войне и российская интеллигенция. Революция осуществила бескомпромиссную проверку искренности и прочности связей интеллигенции с народной жизнью. Для значительной ее части революция явилась стимулом сближения с народом и с его борьбой за свободу. Другая часть интеллигенции не поняла и не приняла победу революционного пролетариата. Многие, так жалобно сочувствовавшие в своих книгах тяжкой судьбе трудового народа и ратовавшие за его освобождение, на деле испугались прихода к власти рабочих и крестьян.

Победивший в революции народ и реальный лик России отпугнул их своей «грубостью». Ф. Сологуб писал:

Как Дон-Кихоту Дульцинея,
Была Россия нам мила.
Открылась правда. Дульцинея,
Ты умерла? — Нет не жила. —
Стоим, от страха цепенея.
Какой позор! Какая мгла!
Мечта высокая, бледнея,
В чертог надзвездный отошла...

Именно о подобных людях, ставших называть «варварами» и «гуннами» народ, с презрением писал А. Блок, одним из первых принявший сторону революции: «...«интеллигенты», люди, проповедовавшие революцию, «пророки революции» оказались ее предателями...

На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству»[1]. Вслед за Блоком В. Брюсов обличал «народолюбцев» в своей знаменитой «Инвективе»:

И вот свершилось. Рок принял грезы,
Вновь показал свою превратность:
Из круга жизни, из мира прозы
Мы вброшены в невероятность!

Нам слышны громы: то — вековые
Устои рушатся в провалы;
Над снежной ширью былой России
Рассвет сияет небывалый...

Что ж не спешите вы в вихрь событий —
Упиться бурей, грозно-странной?
И что ж в былое с тоской глядите,
Как в некий мир обетованный?

Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам,
Мечта была мила как дальность?
И только в книгах да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

После окончания гражданской войны выброшенную за пределы родной земли российскую контрреволюцию связала с международной реакцией одна цель и задача — реставрация капитализма в России. В. И. Ленин неоднократно указывал на их теснейшие связи. Он же, анализируя особенности послереволюционной эмиграции, указал на видную роль, которую играли в формировании ее антисоветской платформы представители контрреволюционной интеллигенции, «особенно те, кто поумнее, как Милюков» («он историю учил внимательно и все свои знания обновил изучением русской истории на собственной шкуре») (т. 43, с. 139).

Именно Милюков в конце декабря 1920 года выступил в Париже перед группой кадетов с докладом «Что делать после крымской катастрофы?», ознаменовавшим переход к «новой тактике» — подрыву Советской власти «изнутри России». Главным в новом тактическом повороте контрреволюции стало «преодоление большевизма изнутри», его разложение «внутренними силами»[2]. «Рес-

---

[1] Блок А. Соч. М., 1971, т. 6, с. 325.

[2] Подробнее об этом см.: Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М., 1980.

публиканско-демократическое объединение» так охарактеризовало, по мнению его заправил, свою основную идейную позицию и тактические положения, обязательные для членов РДО:

Сохранение пафоса неприятия советской власти и борьбы с нею, а следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества.

Преодоление духовного отрыва от России и стремление войти в духовное общение с внутрирусской демократией. Далее разъяснялось, что это предполагает:

Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри России процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения.

Внимательное изучение этих процессов со всеми произведенными ими изменениями — социальными, бытовыми, психологическими.

Согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью теми методами — как революционными, так и мирными, — которые оказываются наиболее целесообразными при внутрирусской обстановке борьбы.

Признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России.

Основную цель своего существования в дальнейшем РДО видело «в непосредственном участии в борьбе против советской власти в России. Деятельность р. д. о. и его отдельных членов (как-то: подготовка кадров, введение дисциплины, изучение сегодняшней России и проч.) должна быть направлена к деятельному приготовлению себя к этого рода участию».

Следует отметить, что «новая тактика» нашла тогда отражение в планах самых различных группировок белоэмиграции; без видимых усилий мы находим ее влияние на теоретические построения контрреволюционеров начала 80-х годов, мечтающих об «эрозии» реально существующего социализма.

Усилиями белоэмигрантских идеологов в буржуазную общественную науку также прочно внедрены тезисы о «бонапартизме» и «тирании» большевизма, об «отрыве» партии от народных масс. Истоки всех этих мифов современного антикоммунизма лежат в писаниях идеологов российской контрреволюции. Тот же Милюков, наиболее

типичный представитель взглядов буржуазии на демократию победившего Октября, использовал против партии большевиков обвинения в «доктринерстве», «бланкизме», «отступничестве» от марксизма. Причины победы Октябрьской революции он объяснял «сложившейся веками пассивностью и неорганизованностью русского народа по отношению ко всякой власти...». Все эти тезисы и концепции не выдерживают критики при ближайшем их рассмотрении, но они тем не менее вот уже более шестидесяти лет, несмотря на свои изрядно обносившиеся одежды, продолжают служить злобным целям антикоммунизма.

Взгляды эсеро-меньшевистских кругов эмиграции, рассматривавших Октябрьскую революцию всего лишь как политический переворот, совершенный в рамках буржуазной революции, наиболее ярко отражал Мартов. Он выступал против того, чтобы «сделать идейным и руководящим центром классового движения всемирного пролетариата национальную революцию отсталой страны, субъективно проникнутую социалистическими стремлениями, но объективно представлявшую мелко-буржуазную крестьянскую революцию в своеобразных формах».

Отказываясь замечать, что Советская власть активно привлекает трудящихся России к государственному управлению, эсеро-меньшевистские идеологи твердили об игнорировании интересов широких народных масс после победы Октября, требовали возвращения к парламентской демократии. Советы, писал Мартов, играют «роль псевдонима, под покрытием которого сознание пролетариата воскрешает якобинско-бланкистскую идею диктатуры партийного меньшинства». И вслед за своим лидером эсеры и меньшевики за рубежом — Дан, Аронсон, Гольденвейзер и другие — говорили о «порабощающей форме партийной диктатуры большевистского образца».

Единодушны были представители всех белоэмигрантских течений и группировок и в защите «святая святых» — частной собственности на средства производства, лишь с ликвидацией которой появляется возможность для установления подлинного социального, экономического и политического равенства людей. Под предлогом «защиты демократии и прав человека» они принялись отстаивать принцип незыблемости частной собственности.

«Сильно озабоченный» ликвидацией эксплуатации человека человеком, идет на всяческие ухищрения для оправдания частной собственности Бердяев; для него,

оказывается, «понятие эксплуатации есть категория моральная, а не экономическая», и он становится на позиции откровенного защитника капиталистической эксплуатации: «Право частной собственности этически должно быть признано» [1].

Сохранение частной собственности весьма «заботило» и мелкобуржуазных деятелей.

Социалисты, вещал выдворенный из революционной России Б. Бруцкус, «обязаны... открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы... нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, ...ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти». Эту же мысль, под видом заботы о развитии производства в молодой Советской Республике, пропагандировали зарубежные эсеры: «Проведение принципа некоторой материальной заинтересованности прежних владельцев в их предприятиях вместе с их настоящим владельцем — государством имеет важное практическое производственное значение. Это сгладит острые углы революционного процесса» [2].

Значительное влияние на формировавшую советологию оказала так называемая философская послеоктябрьская эмиграция [3]. Сложилась она в два этапа. После Октябрьской революции выехали или бежали вместе с остатками белого воинства В. Зеньковский, Д. Мережковский, П. Струве, Б. Яковенко, С. Гессен, Н. Трубецкой и др. В 1922 году к ним присоединились высланные «внутренние эмигранты» Н. Бердяев, С. Булгаков, Ф. Степун, И. Ильин, П. Сорокин.

Со страстью, достойной лучшего применения, они принялись за фабрикацию контрреволюционной литературы. «Философия большевизма» Б. Яковенко, «Что такое большевизм» Л. Шестова, «Философия неравенства» Н. Бердяева, «Социология революции» П. Сорокина, «Крушение кумиров» С. Франка зафиксировали основные антикоммунистические постулаты и аксиомы, пронизанные неверием в возможность построения общества, основанного на справедливости и равенстве людей.

---

[1] Бердяев Н. О назначении человека. Париж, 1931, с. 33.
[2] На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923, с. 137.
[3] Подробнее об этом см.: Кувакин В. А. Религиозная философия в России. М., 1980, с. 106—298.

Из этого идейного источника до сих пор черпают свои доктрины и концепции многие идеологи антикоммунизма.

Наибольшую известность из числа этих авторов получил Н. Бердяев — самый читаемый белоэмигрантский идеолог на Западе, «русский Гегель XX века», «пророк русской души и нашего времени», прошедший путь от определенной революционности, «легального марксизма» [1] к «лампадно-иконному» мировоззрению [2] и до резко враждебных отношений с марксизмом и Советской властью. В основе антикоммунистических взглядов Бердяева (его критика марксизма-ленинизма очень широка — от критики теории научного коммунизма и диалектического материализма до проблем этики и атеизма) выделяются три направления: критика отдельных положений марксистско-ленинского учения, неприятие его как целостного, научного учения и борьба с ним под маской «улучшения» [3]. Бердяевские обвинения против социализма проходят зачастую по пути отождествления социализма с буржуазным обществом [4].

---

[1] В 1907 году он точно предсказывает, что в случае настоящей революции к власти в России придут большевики.

[2] Чтобы «спасти» народ, Бердяев в 1910 году предлагает «зажечь лампаду перед иконой и пасть молитвенно перед нею на колени». Он подчеркивает, что «говорит все время о лампаде и иконе в буквальном, а не в переносном смысле». — Духовный кризис русской интеллигенции. М., 1910, с. 6, 11.

[3] Кувакин В. А. Критика экзистенциализма Бердяева. М., 1976, с. 171—185.

[4] Бердяев, кстати, любил пококетничать тем, что некогда ходил в «легальных марксистах». «Особенная чувствительность к марксизму у меня осталась и поныне», — писал он в своей автобиографии-исповеди «Самопознание» (Париж, 1949, с. 125). В кругах эмиграции ему часто приписывали «коммунистические симпатии», так как Бердяев отмежевывался от «непримиримых», требующих насильственного свержения Советской власти. «Оказавшись в среде русской эмиграции, Бердяев выступил против огульного осуждения коммунизма и сыскал себе в глазах реакционеров репутацию «красного философа» (Зернов Н. Указ. соч., с. 169). Хотя, конечно же, он был убежденнейшим противником социализма. Но позиции его по отношению к Советскому государству несколько менялись — от ненависти в «Философии неравенства» до надежд в годы войны на перемены во внутренней политике СССР. Иногда он мог подчеркнуть «положительные последствия Октябрьской революции», как «приобщение к активной исторической жизни новых слоев русского народа» и «укрепление национального самопознания — сознания великой миссии России в мире» (Бердяев Н. Иллюзии и реальности в психологии эмигрантской молодежи. — Путь. Париж, 1928, № 14, с. 7).

Только тот общественный строй привлекает к себе симпатии широких народных масс, который способен создать благоприятные условия для развития человеческой личности. И именно потому, что социализм создает такие условия, что за ним — будущее, буржуазная пропаганда пыталась и пытается скомпрометировать саму идею социалистического преобразования общества ссылками на то, что человеческая натура — неизменна. А исходя из этой ложной предпосылки, уже «доказывается» ненужность Октябрьской революции, «человеческих жертв» во имя построения нового общества.

Естественно, что Октябрь сразу был объявлен идеологами потерпевших поражение эксплуататорских классов враждебным развитию человеческой личности, в эмиграции они принялись за фальсификацию марксистско-ленинских положений о социалистическом типе личности.

Основы «советологической» концепции человека нового мира во многом восходят к учению Н. Бердяева, утверждавшего в 1911 году, что сущность человека не имеет социального происхождения и что «самые радикальные социалистические перевороты не затрагивают корней человеческого бытия, не уничтожают зла» [1] (С. Булгаков также задолго до 1917 года предлагал делить людей не по классовому различию, а по их морально-религиозным принципам, считая, что в обществе есть люди благочестивые и нечестивые, праведники и грешники, а все другие различия между людьми несущественны и временны).

О подобных «пророках» В. И. Ленин писал: «Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутиной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, «хаосом» (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения... В сущности, все эти... «служащие при буржуазии» руководятся, часто сами не сознавая этого, тем старым, нелепым, сентиментальным, интеллигентски-пошлым представлением о «введении социализма», которое они приобрели «понаслышке», хватая обрывки социалистического учения...» (т. 35, с. 191—192).

Бердяев, как и его коллеги из послеоктябрьской философской эмиграции, не мог правильно оценить настоя-

---

[1] Бердяев Н. Философия свободы. М., 1911, с. 194.

щее и будущее, ибо попытки сделать это опирались только на ценности, идеалы старой культуры и потому рождали упаднические мертворожденные теоретические построения. Классовая сущность этого отряда белоэмиграции проявилась в откровенной контрреволюционности, которую наследуют от них современные буржуазные идеологи.

«Коричневый» угар Сколько слов было в свое время сказано белой эмиграцией в попытках доказать, что она-де является радетельницей судеб России, что только и печется в помыслах своих о благе ее народа. Но в жизни, как известно, вес имеют не слова, а дела. А дела свергнутых народом России и оказавшихся на чужбине представителей эксплуататорских классов говорили об ином. Ради возвращения к власти, ради того, чтобы снова сесть на шею своему народу, они готовы были вступить в союз хоть с чертом, хоть с дьяволом...

Правые круги белоэмиграции, особенно монархисты, быстро разглядели антикоммунистический облик нарождавшегося фашизма и стали всячески превозносить «коричневые» идеи. «...Итальянский фашизм, — писала в декабре 1925 года газета «Возрождение», — интересное и поучительное явление... Поскольку он есть организация активного консервативного меньшинства, обороняющего основы гражданственности от наступающего, взрывающего легальные формы активно-коммунистического меньшинства, мы совершенно недвусмысленно и безоговорочно приветствуем его». Другие белоэмигрантские идеологи с начала 20-х годов принялись под влиянием тенденциозной, лживой информации западной прессы твердить о том, что фашизм и социализм — однозначные явления, объединять эти два диаметрально противоположных социально-политических учения с ложных позиций защиты буржуазной демократии.

Бывший профессор Московского университета по философии права И. Ильин, основавший в Берлине монархический журнал «Русский колокол», открыто называл себя и своих единомышленников «фашистами». Ильина же можно считать подлинным автором известного «тезиса», много лет спустя вошедшего в обиход в международных антисоветских кругах,— «Лучше не существо-

вать, чем сосуществовать». Он писал: «Лучше не жить, чем стать красным». Как правильно отметил В. Шульгин в 1926 году в пражском сборнике «Белое дело», именно антисоветизм идеологов правого крыла российской контрреволюции за рубежом дал повод говорить об их идейном родстве с фашизмом, который с начала 20-х годов становится «главным противником коммунизма в мировом масштабе».

Никто из представителей «чистодемократических» партий в эмиграции — ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики — не выступали с осуждением теории и практики фашизма, его человеконенавистнической идеологии. Более того, они на страницах своих изданий («Социалистический вестник», «Революционная Россия», «Дни» и др.) часто знакомили читателей с идеями «коричневой чумы». «Героическое направление ума» и «крупное духовное явление» увидел в фашизме П. Струве, Д. Мережковский «флиртовал с итальянским фашизмом, что привело, между прочим, к его разрыву с Бердяевым...» [1]. А уж сколько раз писали белоэмигрантские газеты о Гитлере как о «человеке-гиганте», сосчитать невозможно...

В начале 30-х годов в Японии, Германии, Маньчжурии, Югославии, Болгарии, США появляются белоэмигрантские фашистские организации, заявлявшие старшему поколению эмиграции, что они исправят их промахи. Наибольшую известность среди «них получили «Русская фашистская партия» в Маньчжурии, «Всероссийская фашистская организация» в США, «Российское национал-социалистическое движение» в Германии (возглавляемые соответственно К. Родзаевским, А. Вонсяцким и В. Бискупским). «Надежды освободить свою несчастную родину от большевизма» привели русских фашистов к созданию крайне эклектической идейной платформы, «китами» которой были социальная демагогия, отпетый антикоммунизм и оголтелый шовинизм, снабженные изрядной долей буйной черносотенной фантазии. Пусть не посетует на нас читатель за выдержку из книги «Православный русский фашизм», изданной в 1937 году в Белграде.

«— Итак, на вопрос: «Что такое православный русский фашизм?» дадим точное определение.

1) Это традиционное религиозно-национальное трудо-

[1] Левицкий С. А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли, Париж, 1981, с. 53.

вое движение русского народа, будучи политическо-социальным, стремящимся к установлению на своей земле такого государственного строя, который в Германии, Италии и Португалии на практике показал блестящие результаты, названо фашизмом, потому что этим словом общепринято определять духовную структуру «нового человека» в отличие от «старого», воспитанного на идеалах либерализма, демократизма, социализма и коммунизма.

2) Основная цель православного русского фашизма: а) активная вооруженная борьба с коммунизмом и безбожием; б) восстановление русского православия во всей чистоте и святости; в) установление на русской земле царства социальной справедливости — Трудовой Русской империи.

3) Осуществить вышеуказанные задания П. Р. Ф. считает возможным лишь при вооруженном восстании Красной Армии и народа, организованном вне досягаемости советской власти, под общим лозунгом «Бог, Нация и Труд», как наиболее кратко и ясно выражающим общую сумму всех религиозно-национально-трудовых идеалов широких масс русского народа...»

Своих целей и задач русские фашисты не скрывали. Наоборот. Вот текст одной из листовок: «Мы полагаем, что с момента вступления Германского правительства в открытую борьбу с мировым большевизмом пути национальной России и возрожденной Германии исторически связаны. Все русские интегральные националисты должны твердо понять, что только соединенной волей русских и германских фашистов красное чудовище, засевшее в Москве, может быть низвергнуто».

Надо отметить, что некоторые белоэмигрантские фашистские организации были довольно многочисленными. В так называемой «Русской фашистской партии» в Маньчжурии в 1935 году состояло, например, 19 800 человек. Предпринимались неоднократные попытки из разношерстных организаций сколотить единый кулак. В начале 1935 года маньчжурскую Р. Ф. П. удалось объединить с американской организацией Вонсяцкого (известный в эмиграции авантюрист, женившийся на гораздо старше его богатой американке). Но альянс оказался недолгим. Вскоре японцы-хозяева Р. Ф. П. добились изгнания Вонсяцкого из «партии» за давление на фашистскую харбинскую газету «Наш путь», которую

«американец» заставлял отказываться от выступлений против евреев и масонства. А уж что-что, а «еврейский вопрос» трактовался русскими фашистами как «вопрос политической благонадежности русского эмигранта».

Во второй половине 30-х годов фашизм — в центре внимания изрядно расслоившейся белоэмиграции. «Коричневая чума» никого не оставляет в стороне: кто-то восхищается «железным германским канцлером» («не то что Николай II»), а некоторым белоэмигрантам еще до начала второй мировой войны довелось вплотную столкнуться с фашизмом. Так, за колючую проволоку концлагерей были брошены десятки русских, проживающих в Германии и заподозренных в пробольшевистских симпатиях. Одно же событие, случившееся 26 октября 1936 года, встряхнуло сознание эмигрантов, особенно в многочисленном «русском Париже». Еще бы! При переезде немецко-швейцарской границы немцы нанесли тягчайшее оскорбление гордости российского зарубежья — нобелевскому лауреату Ивану Бунину, никак не отличавшемуся «большевизанскими» настроениями... «Во избежание неверных слухов» писатель обратился с письмом в редакцию «Последних новостей», опубликованным под шапкой: «Злоключения И. А. Бунина в Германии. Русского академика и нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам», в котором он, в частности, поведал:

«...Я явился в одиннадцать часов утра в немецкую таможню, находящуюся у самой пристани. Там я предъявил надлежащим властям все, что полагается: ...паспорт куда-то унесли и не возвращали с полчаса, когда же наконец возвратили, то скомандовали:

— Следуйте за этим господином!

Этот господин был довольно молодой человек преступного вида, в потертой штатской одежде, он быстро схватил меня за рукав и повел куда-то по каменному сараю таможни, где всюду дул в раскрытые двери ледяной ветер дождливого дня, привел в какую-то каменную камеру и молча стал срывать с меня пальто, пиджак, жилет... От потрясающего изумления — что такое? за что? почему? — от чувства такого оскорбления, которого я не переживал еще никогда в жизни, от негодования и гнева я был близок не только к обмороку, но и к смерти от разрыва сердца, протестовал, не зная немецкого языка, только вопросительными восклицания-

ми — «что это значит? на основании чего?» — а «господин» молча, с крайней грубостью продолжал раздевать, разувать и обшаривать меня. Я стоял перед ним раздетый, разутый, — он сорвал с меня даже носки, — весь дрожал и стучал зубами от холода и дувшего в дверь сырого сквозняка, а он залезал пальцами в подкладку моей шляпы, местами отрывая ее, пытался отрывать даже подошвы моих ботинок...» [1]

Немало русских эмигрантов отчетливо разглядело весь мрак, который несет миру германский фашизм. Популярный в США лектор, бывший заместитель военного министра Временного правительства В. А. Яхонтов (об удивительной судьбе которого мы расскажем несколько ниже) пишет в 1938 году: «Фашизм — это обскурантизм в худшей форме; вместе с тем это интеллектуальное запустение. Это не только глупая, потому что бесперспективная, попытка повернуть колесо истории вспять, но и бессовестное пренебрежение надеждой на то, что народы и отдельные личности могут понять друг друга и сотрудничать... Давно пора свести вместе всех, кто хочет сохранения мира и восстановления достойных отношений между людьми. Пора заняться организацией этих сил — а их великое множество — и положить конец действиям убийц, разрушителей, лгунов и наглых болтунов, претендующих на роль спасителей цивилизации» [2]. Выступая перед многочисленными аудиториями американских слушателей, генерал Яхонтов разоблачал преступную политику невмешательства западных держав в разбойничьи дела фашистов.

Окончательные точки на взаимоотношения российской эмиграции и фашизма поставило нападение гитлеровской Германии на Советский Союз.

Надо ли сегодня вспоминать об отношении белоэмиграции к фашизму? Думается, надо — чтобы показать, сколь велика была ненависть к победившему народу родной страны, к Советской власти у многих представителей бывших правящих классов старой России, толкнувшая их в объятия фашизма, идеологи которого открыто провозглашали бредовые идеи «неполноценности славян» и планировали их истребление. Эта дикая зло-

---

[1] Последние новости, 1936, № 5700, 1 ноября.

[2] Яхонтов В. А. Русский в Америке. — США: экономика, политика, идеология, 1976, № 11, с. 80.

ба, эта звериная ненависть свергнутых эксплуататоров мешала им увидеть абсурдность своей позиции: силясь представить себя «радетелями о благе России и народа русского», они вступали в союз с теми, кто ставил своей целью этот самый народ частью истребить, частью превратить в рабов у чужеземцев.

Что кроется за «русским феноменом»

Проводимые в последние годы шумные пропагандистско-информационные кампании Запада отмечены печатью все более тесного смыкания антикоммунизма, антисоветизма и русофобии. «Не доверяйте Москве», «Коварные русские», «Искренен ли Кремль?» — такими заголовками пестрят в наши дни многие буржуазные издания. Сидящие на глобусе отлично нарисованные медведи в фуражках с красными звездами с обложек иллюстрированных журналов набрасывают петли на целые континенты. Выполняется социальный заказ империализма — умелые дирижеры развертывают шумиху вокруг надуманного жупела «советской военной угрозы», заквашенного на затертом утверждении об «исконной агрессивности России». Различные круги общественности капиталистических стран, иногда даже и прогрессивно настроенные, находящиеся под воздействием огромного аппарата империалистической пропаганды, зачастую принимают на веру домыслы об «агрессивности Советского Союза», «страстном желании русских установить мировое господство».

Поэтому уместен и логичен вопрос: почему подобные инсинуации имеют широкое хождение за рубежом, находят отклик среди части населения западных стран?

Буржуазная идеология как семьдесят лет назад, так и сейчас пытается Октябрьскую революцию и идеи ленинизма представить как явления «чисто русские», которые не имеют «шансов» на Западе. Одним из главных аргументов буржуазной пропаганды в борьбе против идей Октября стала спекуляция на якобы «специфических свойствах» русского народа, об «особых» путях развития России. Эти идеи, ставшие расхожими в современной буржуазной идеологии, были почерпнуты из щедрого белоэмигрантского источника.

Почти все эмигранты, не принявшие Октября, стали с позиций людей, потерявших свои привилегии, рассуж-

дать об истории России. Замелькали, сдобренные изрядной долей мистицизма и пережитого классового страха, определения типа «фанатизм», «тупость», «анархия», «случай», «стихия». «Русский народ непонятен западным людям. Непонятна им и русская революция. Вся ткань русской природы иная, чем ткань природы западной» [1]. Подобные откровения подкреплялись рассуждениями о своеобразии географической среды России, особом «мессианстве» русских и т. д.

П. Струве в книге «Размышления о русской революции», в основу которой легли лекции, прочитанные автором в захваченном деникинской армией Ростове, решительно отвергал всякие сопоставления русской революции с западноевропейскими. Понять русскую революцию, по его мнению, можно было, только сопоставив ее со «смутным» временем начала XVII века в России. «То же духовное шатание не только народных масс, но и высших классов, то же использование чужеземцами внутренней борьбы, — писал он... — Отсутствие нравственной твердости и подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в классах средних, анархическая настроенность народных масс» [2]. Отметим, что этот чисто искусственный метод сопоставления Октябрьской революции со «смутой» остался излюбленным приемом и позднейшей буржуазной историографии.

Русофобский белоэмигрантский «дым без отечества» весьма импонировал западным идеологам. Они, сами русские, с пеной у рта утверждают, рвутся утверждать, что-де в русских издревле живет чувство «неполноценности», мистицизма, а сами они «вещи, инструменты без души». Историю нашей страны стали объяснять «особенностями» национального склада характера, «фанатизмом», «нетерпимостью», «анархизмом», «загадочностью славянской души», тем, что «русские матери слишком туго пеленают своих детей», что, в свою очередь, определило «склонность русских к подчинению автократическому авторитету» в сочетании с тенденцией «предаваться вспышкам насилия» (так называемая диаперологическая концепция).

Вслед за «властелином дум» Запада 20-х годов

[1] Бердяев Н. Философия неравенства. Берлин, 1923, с. 15.
[2] Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921, с. 4.

Освальдом Шпенглером, автором знаменитого «Заката Европы», выдвинувшим крайне реакционный тезис о якобы извечной склонности русского народа к рабству — «со времени Чингисхана и до большевизма», на эту тему «прорвало» значительное число эмигрантов.

Современные буржуазные идеологи охотно рассуждают о «чужеродности» русской культуры для европейцев, для Запада, чтобы препятствовать мирному сосуществованию капиталистических и социалистических стран, разрядке международной напряженности. Здесь им есть что заимствовать у белоэмиграции, считавшей, что «Россия не удалась, а том смысле, в каком удались, что бы ни случилось с ними дальше, Италия, Англия или Франция. Национальной культуры, такой всесторонней, последовательной, цельной и единой, как эти страны, она не создала. Ее история прерывиста, и то лучшее, что она породила за девятьсот лет, хотя и не бессвязно, но связано лишь единством рождающей земли, а не преемственностью наследуемой культуры» [1]. Заметно влияние на нынешние «россиеведческие» конструкции и евразийства — эмигрантского религиозно-философского течения, начавшегося с признания неизбежности победы Октябрьской революции (как следствия особенностей исторических судеб России, лежащей на перепутье между Востоком и Западом, и как чисто национального русского явления), но быстро скатившегося к тоталитаристским идеям построения «евразийского государственного строя».

Сочинения евразийцев — Н. Трубецкого, П. Савицкого, Г. Флоровского, П. Сувчинского, А. Карташева — представляли собой необычайно пеструю картину, где «без труда можно обнаружить религиозные, славянофильские и веховские идеи, отголоски историософских доктрин Данилевского и Шпенглера. Социальный утопизм и либерализм с элементами просветительства уживался здесь с контрреволюционными, националистическими, империалистическими и даже (особенно на конечном этапе развития этого направления) с фашистскими тенденциями» [2]. Примечательно, что отказ евразийцев от иностранной военной помощи для восстановления старого строя на родине вызывал гнев у пра-

[1] Вейдле В. Три России. — Современные записки, 1937, № 65, с. 304.

[2] Кувакин В. А. Религиозная философия в России, с. 125.

вого крыла белоэмиграции, а великорусский шовинизм — нападки со стороны националистической эмиграции.

В 20-е годы историки-белоэмигранты из России из-за дефицита на «экспертов по российским делам» заняли многие кафедры в университетах капиталистических стран. Так, с 1927 года возглавил преподавание русской истории в «академическом оплоте капитализма» — Гарвардском университете — М. Карпович, где «он подготовил несколько поколений ученых, которые преподают теперь русскую историю по всей Америке» [1]. «Американские историки России были более чем счастливы иметь Михаила Михайловича в качестве одного из своих патронов, — оценивал 30-летние «заслуги» Карповича перед американским советоведением И. Малиа. — Они пойдут дальше него, и он первый желал им того, но они едва ли пойдут против него» [2]. Вклад белоэмигрантов, оставивших «глубокий след на многих научных и культурных проектах», в изучение истории России в Соединенных Штатах анализируется даже в больших специальных монографиях [3]. «Американцы, занимающиеся изучением славян, находятся в неоплатном долгу перед выдающимися русскими эмигрантами, которые развили эту отрасль в период между двумя мировыми войнами» [4], — констатировал в 1973 году известный американский идеолог Дж. Армстронг.

Отметим, что белоэмигранты, поступившие на службу к империализму, быстро теряли свои духовные связи с русской национальной культурой. Они становились перерожденцами во всех смыслах слова. Историю своего бывшего отечества эмигрантские историки преподносили своим «новым отечествам» в заметно фальсифицированном — выгодном Западу, империализму, буржуазной идеологии и пропаганде — виде. Концептуальная основа большинства работ историков из стана бело-

---

[1] Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия, т. 1, с. 172.

[2] Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970 годы. Л., 1979, с. 92.

[3] Beyerley E. The Europecentric historiography of Russia: An analysis of contribution bu Russian emigre historians in the USA, 1925—1955, concerning Russian history. Hague ts., 1973.

[4] John A. Armstrong. Comment on Professor Dallins «Bias and Blunollers in American Studies on the USSR». — Slavic Reviw, vol. 32, N 3, Sept. 1973, p. 582.

эмиграции, выбившихся в учителей западных идеологов, как правило, идеалистична, ошибочна и малоубедительна, какое бы событие из нашей истории они ни брались объяснять — Октябрьскую революцию или Отечественную войну 1812 года, Переяславскую раду или царствование Петра I. Выхватывая из сложнейшей сети исторических явлений черты и факты, позволяющие раздуть пресловутую концепцию «русской исключительности», эмигрантские и западные идеологи пытались и пытаются в угоду антисоветизму исказить историю нашей страны. При всей теоретической «сложности» и многообразии в современной советологии можно обнаружить две концепции.

Первая отстаивает тезис о внеевропейских судьбах России, даже о ее антиевропеизме. Вторая, более «либеральная», наоборот, рассматривает Россию своеобразной «Золушкой», «падчерицей» Западной Европы, ее отсталой окраиной.

Подобные наукообразные фальшивки понадобились для клеветы на Октябрьскую революцию, сразу оцененную буржуазными идеологами как «случайность». Спасительный тезис о «случайности» Октября неоригинален. В свое время побежденные сторонники феодализма в Англии, Голландии, Франции и других странах долго еще расценивали победу капитализма как «временное отклонение от божественных предначертаний».

Но весь ход развития мировой истории в XX веке опровергает подобные нелепые утверждения. На самом деле дореволюционная Россия не была, конечно же, «внеевропейской державой». Но для России было характерно также не только развитие капитализма, но и его сочетание с остатками феодализма. Классовый гнет разного рода сочетался с национальным, и так далее. Все коренные противоречия капиталистического общества в России сплетались воедино, что во многом и обусловило превращение ее в пороховой погреб. В таких условиях настоящая революционная партия, подлинные революционеры не только имели права ставить вопрос о революции, но более того, не имели права не ставить его. Они должны были повести народ на свержение эксплуататорского строя. И ленинская партия это сделала...

В наши дни уже невозможно провести черту между эмигрантской антисоветской продукцией и буржуазной

советологической литературой. Их социальные функции, требования, предъявляемые к ним, источники их финансирования едины. И эмигрантская «ветвь» советологии давно превратилась в одно из течений современной буржуазной идеологии.

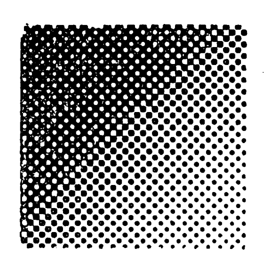
Мы должны четко видеть связь основных антикоммунистических постулатов буржуазной идеологии с предшествующими им идеями, «ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, — как отмечал В. И. Ленин, — если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений» (т. 42, с. 286). Идейно-классовое родство идеологии российской контрреволюции и белоэмиграции и современного антикоммунизма предопределяет постоянное воспроизводство на Западе антисоциалистической части духовного наследия свергнутых эксплуататорских классов России. Этим объясняется механизм методологической преемственности белоэмигрантской и современной буржуазной идеологий.

Белоэмигрантская литература необычайно многолика, обширна и является при критическом — с марксистско-ленинских методологических позиций — к ней отношении важным источником для изучения форм и методов борьбы антикоммунизма против нашей страны, против марксизма-ленинизма. Идеология российской зарубежной контрреволюции, ставшая одним из «несущих» камней фундамента нарождавшейся советологии, по сей день усиленно рекламируется западными идеологами (разумеется, она постоянно «модернизируется» в соответствии с мировой обстановкой).

Почему это происходит?

Причина проста. Все эти давно развенчанные идеи пропагандируются только потому, что соответствуют самым глубоким чаяниям антикоммунистов. У банкротов из лагеря российской контрреволюции заимствуют свои познания современные «знатоки» России и СССР — антисоветчики всех мастей, продажные журналисты, разного рода дипломированные исследователи прошлого и настоящего нашей страны. И то, что в наши дни используется «теоретический багаж» белоэмиграции, глубоко симптоматично — это нагляднейшим образом свидетельствует о «вакууме идей» современного антикоммунизма.

Анализ же гносеологических и социальных основ наиболее расхожих антикоммунистических и антисоветских мифов вооружает нас вескими аргументами в современной идеологической борьбе, так как наиболее типичные идеи и методы борьбы империалистической реакции против реального социализма коренятся в идеологии и практике российской контрреволюции — и дореволюционной, и послеоктябрьской, зарубежной, — давно уже потерпевшей закономерный исторический крах.

ПОД ЗОЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

Темна твоя дорога,
странник.
Полынью пахнет
хлеб чужой.

А. Ахматова

И мне в Париже
ничего не надо,
Одно лишь слово
нужно мне: Москва.

К. Бальмонт

Буржуазные идеологи за послеоктябрьские годы извели немало чернил в попытках представить в выгодном для себя свете белую эмиграцию, выделяя и всячески раздувая прежде всего ее контреволюционную, антисоветскую деятельность. Общеизвестно, что борьба с российской контрреволюцией, окопавшейся за рубежом, в 20—30-е годы потребовала от молодого Советского государства немалых усилий. Но ведь многосоттысячная масса белоэмигрантов жила не только антисоветизмом... Наш широкий читатель немало знает о драматической, а зачастую даже трагической участи белой эмиграции. В конце 50-х — начале 60-х годов внимание советской общественности не могли не привлечь мемуары, романы, повести вернувшихся в СССР эмигрантов Льва Любимова и Александра Вертинского. Дмитрия Мейснера и Бориса Александровского, Ивана Попова и Павла Шостаковского, Вадима и Веры Андреевых. В своих произведениях они показали нашему читателю различные стороны эмигрантской жизни. К художественному изображению эмигрантского бытия потянулись писатели Елена Микулина, Рита Райт-Ковалева, Лев Никулин, Василий Ардаматский,

Иван Дорба, Вячеслав Костиков, кинорежиссеры Сергей Колосов, Александр Алов и Владимир Наумов. Историк Леонид Шкаренков в монографии «Агония белой эмиграции», отличающейся от предшествующих исследований широтой показа жизни русского зарубежья за период с 1917 по 1945 год, глубоко и критически подошел ко многим малоизвестным материалам. Изучение в наши дни истории белой эмиграции, ее сложной и противоречивой эволюции представляет не только интерес для того или иного литератора, историка или ученого, это исследование чрезвычайно актуально в свете современного идеологического противоборства.

Дела и судьбы белой эмиграции — это дела и судьбы людей, потерявших Родину, Россию, тепло отчего дома и токи родной земли. Дела и судьбы белой эмиграции — это история признания Советской власти многими ее вчерашними врагами, признание новых политических реальностей современности, дробление и вырождение старых и новых антисоветских эмигрантских группировок. Дела и судьбы белой эмиграции — это и трагедия «непримиримых» из белого стана, не сумевших понять исторической обусловленности событий нашего века и оторвавшихся от своего Отечества и родного народа. И хотя белая эмиграция принадлежит истории, ее история не просто остропсихологический экскурс в прошлое, но и драматический материал на злобу дня.

Послеоктябрьская эмиграция, в широком смысле слова включавшая в себя всех тех, кто покинул Россию после пролетарской революции и гражданской войны, была своего рода сколком бывшей Российской империи. «Одна и та же Россия, по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговые, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности — политической, культурной, научной, технической и т. д., — армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и от земли),— представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений — в русской эмиграции налицо» [1], — констатировала в 1930 году З. Гиппиус. И эта характеристика эмиграции с «того берега» где-то близка к истине (хо-

---

[1] Что делать русской эмиграции. Париж, 1930, с. 11.

тя, разумеется, представителей знати, буржуазии, армии и «интеллигенции в разнообразных областях ее деятельности» было гораздо больше, чем «народа трудового от станка и земли»). Очистительный октябрьский вихрь, вздыбивший и перевернувший до основания старую Россию, вымел за пределы страны не только активных участников белого движения, представителей эксплуататорских классов — помещиков и капиталистов, но и многих рабочих и крестьян, насильственно мобилизованных в белые армии и затем вывезенных за границу, сомневающихся, колеблющихся интеллигентов, бежавших от ожесточеннейшей борьбы за новую Россию.

Точных данных о численности белой эмиграции нет. Современные советские исследователи — Л. М. Спирин, С. А. Федюкин, С. Н. Семанов, Л. К. Шкаренков, Ю. В. Мухачев, В. В. Комин — приводят в научной литературе цифры, колеблющиеся от 1,5 до 2 с лишним миллионов человек [1]. Приблизительно эти же цифры приводились в белоэмигрантской литературе 20-х годов. В последующие годы эмигрантские авторы предпочитали писать о том, что «покинуло Россию после революции 1917 года около миллиона людей» («свыше миллиона беженцев пересекли государственные границы» или «Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война сорвали с места около миллиона русских и выбросили их на чужбину») [2].

«Зарубежная Россия»: расчеты и просчеты

Участник французского Сопротивления Вадим Андреев (сын известного писателя), вернувшись после войны на Родину, писал об эмиграции: «Она была необыкновенно пестра по своему составу — от Мартова до «местоблюстителя императорского престола» великого князя Кирилла Владимировича. Одна эмигрантская волна сменяла другую, поочередно обрушиваясь на все пограничные с Россией страны: дальневосточные, южноазиатские и европейские... Понемногу про-

---

[1] Подробнее об этом см.: Мухачев Ю. В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982, раздел «Белая эмиграция: численность, состав, география» (с. 35—42).

[2] Ковалевский Л. Е. Указ. соч., т. 1, с. 12; Зернов Н. Указ. соч., с. 226; Гаккель С. Указ. соч., с. 17.

исходило расслоение — в Югославию и на Балканы стремились главным образом военные, в Чехословакию те, кто был связан с Комучем (Комитетом Учредительного собрания), во Францию — интеллигенция, в Соединенные Штаты — дельцы и вообще люди предприимчивые»[1].

«Россия № 2» была многолика. «В период с 1919 по 1939 год русские эмигранты... принадлежали к разным национальностям, исповедовали различные религии и высказывали все оттенки политических взглядов. Наряду с русскими в их число входили евреи, грузины, армяне и калмыки. Все перемешались: аристократы с казаками, капиталисты с ремесленниками, художники и ученые с солдатами регулярных войск»[2]. И точных данных о социально-классовой (и иной) структуре белой эмиграции тоже, разумеется, не найдешь. Иногда лишь встречались отрывочные сведения.

Так, некоторое представление дают итоги регистрации эмигрантов (за исключением солдат врангелевской армии), прошедших в 1919—1922 годах через болгарский порт Варну и обратившихся за помощью в русское отделение Красного Креста. Всего до 1 июня 1922 года было заполнено 3354 опросных листа (не являющихся анкетами в настоящем смысле этого слова). Главные итоги опроса были таковы. «Основную массу эмигрантов составляли русские — 95,2%. Из оставшихся 4,8% других национальностей было больше евреев. В общей массе эмигрантов мужчины составляли 73,3%. 64,8% от всего количества эмигрантов в Варне составляли мужчины и женщины в возрасте от 20 до 40 лет. Количество трудоспособных от 17 до 55 лет было 85,3%, детей — 10,9%, стариков (свыше 55 лет) — 3,8%. Количество интеллигентных русских мужчин (54,2%) значительно превышало количество беженцев неинтеллигентных — 35,4%; неспособных к труду — 5,4%. Студентов было 127 человек, чиновников и служащих — 126, инженеров — 80, судебных деятелей и адвокатов — 54 человека. Среди эмигранток-женщин также преобладали интеллигенты — 88,4%»[3]. Разбитый генерал Врангель,

---

[1] Андреев В. Возвращение в жизнь. — Звезда, 1969, № 5, с. 120.

[2] Зернов Н. Указ. соч., с. 226.

[3] Комин В. В. Политический и идейный крах российской контрреволюции за рубежом, с. 17—18.

например, в своих «Записках» привел данные о том, что на 126 судах черноморского военного и торгового флота на берегу Босфора в ноябре 1920 года прибыло 145 633 человека, не считая морских экипажей. Или данные о 2655 русских женщинах, вынужденных из-за жестокой нужды заниматься в Константинополе проституцией. Обучение детей школьного возраста в эмиграции (по данным 1924 года) осуществлялось в 90 школах — 43 средних и 47 низших. Число обучавшихся детей в школах составило 8835 человек, в интернатах — 4380 человек[1]. Судя по этим цифрам, далеко не всем детям удавалось учиться.

В «русском Париже» — главном центре послеоктябрьской эмиграции межвоенных лет, где осели самые заметные и предприимчивые деятели русского зарубежья и были представлены все оттенки (за исключением большевиков) дореволюционной политической жизни старой России, — в 1921 году насчитывалось 32 247 русских эмигрантов, в 1926 году число их возросло до 71 928 человек, а в 1931 году уменьшилось до 63 394. Мужчин было почти вдвое больше, чем женщин (в 1926 году мужчин было 43 748, женщин — 23 470; в 1931 году на 47 159 мужчин насчитывалось 24 769 женщин).

Беженцы в массе смотрели на свое пребывание за рубежом как на временное испытание, которое кончится в результате неизбежных политических изменений на родине. Только меньшинство понимало, что не скоро увидит родные места. Многие вовсе не считали, что покинули Россию: они, мол, унесли ее с собой. «Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...»[2].

Для некоторых это был успокоительный самообман, который через годы обернулся трагедией.

Нет, Россия оставалась в России, и эта обновленная, социалистическая Россия стала светочем свободы. Трудящиеся страны получили впервые гарантированное право

---

[1] Дети эмиграции. Прага, 1925, с. 248.
[2] Последние новости. Париж, 1920, 27 апреля.

на труд, образование и отдых, перед ними открылся путь к созидательному творчеству, к науке, искусству, всестороннему развитию общества. А многим и многим из тех, кто не захотел связать свою судьбу с жизнью новой России, пришлось прозябать в нищете и унижении, в тоске и муках.

Сейчас это звучит уже несколько анекдотично, но в начале 20-х годов пробным камнем политической благонадежности белоэмигранта была орфография. Употребление новой орфографии считалось верным признаком большевизма. Именно в таком «внешнем» вопросе ярко сказывалось принципиальное игнорирование всякого новшества, связанного с новым строем в России. Так, Иван Бунин в 1922 году в письме к редакции пражского журнала «Студенческие годы» писал: «Пришлите журнал для ознакомления. Впрочем, если журнал печатается по новой орфографии, не трудитесь» [1].

В первые годы своего пребывания за рубежом белоэмигранты усердно убеждали себя и всех, что именно они представляют Россию. «Для многих из эмигрантов большевики почти заслонили Россию, — писал в пражском журнале «Воля России» А. Пешехонов. — Они помнят и любят прежнюю Россию, и им все кажется, что стоит только сбросить большевиков, стоит только ниспровергнуть «власть Кремля», и эта прежняя Россия вновь явится перед ними...» [2]. «Родина» имеет для нас смысл не географический, а духовный, «отечество» мы понимаем не внешне, а внутренне», — убеждали себя эмигранты, обосновывая формулу «их Россия не наша, и наша Россия не их». В те годы немало было написано эмигрантских книг, а еще больше произнесено речей о том, что за рубежами оказалась вся интеллигенция России.

Да, известно, что вместе с разбитыми белыми армиями в эмиграцию ушло, «неся на плечах гробишко своей идеологии, переломленной пополам вместе со шпагой генерала Деникина» [3], значительное число людей, почитавших себя «цветом русской нации». Но многие не расстались с Советской Россией, найдя, подчас после мучи-

---

[1] Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972, с. 211.
[2] Воля России. Прага, 1923, № 16, с. 246—247.
[3] Архив русской революции. Берлин, 1921, т. 11, с. 58.

тельных сомнений и раздумий, себя, свое место в новой, преображенной Октябрем России.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух, —

писала в конце 1917 года Анна Ахматова, отвергшая предложения удалиться в эмиграцию и ставшая одним из видных русских советских поэтов. Максимилиан Волошин, чье отношение к революции было весьма сложным (порой ему казалось, что Россия гибнет — «России нет — она себя сожгла», «с Россией кончено...»), находясь в феодосийской больнице в ноябре 1921 года, говорит как и Ахматова:

Но твоей голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба, —
Но судьбы не изберу иной...

Категорически отказался взойти на борт специально посланного за ним в 1920 году из Англии в Крым миноносца всемирно известный ученый-металлург Д. К. Чернов. «Что бы ни было и как бы ни было, а из России я никуда не уеду», — заявил в ответ на самые блестящие предложения из Франции и США Л. В. Собинов.

Судьба же белой эмиграции складывалась совсем не так, как она представлялась эмигрантам в первые дни и месяцы их пребывания за рубежом... Шли годы. Русский народ Советскую власть принял не как «сатанинскую», а как свою, народную, отражающую его чаяния и надежды, именно с нею он связывал свое будущее. В новой, Советской России стремительно бурлило и кипело время, развертывалось беспримерное в истории строительство социалистического общества, а для сотен тысяч белоэмигрантов стрелки часов как будто замерли. Ведь очень трудно жить в ожидании поезда, который

безнадежно опаздывает. Идут годы. Первый, второй, третий, четвертый... Нет поезда в Россию!

Осужденный советским судом, Борис Савинков пишет в 1924 году из тюрьмы — уж не знаем, искренне или нет — своим бывшим единомышленникам в Париж: «Теперь я сижу в тюрьме и знаю о России, конечно, мало, но все-таки неизмеримо больше, чем знал, чем знаете вы. В России выросло новое поколение, в сущности, именно оно и сделало революцию... Оно не допустит возврата к старому строю в каком бы то ни было виде... Поверьте, песнь эмиграции спета и о ней уже речи не может быть...» [1].

Сама жизнь белой эмиграции, с ее фантастическими планами свержения «антихристов-большевиков», с беспрерывными склоками все отчетливее указывала на агонию «белого движения», понимание того, что «русский народ не думает о монархии, во всяком случае, о монархии старого типа, с помещиками, губернаторами, и жандармами, и урядниками...» [2].

Мир, окруживший беженцев из России, не встретил их с распростертыми объятиями. У него были свои законы. А безбедно прожить в «новых отечествах» могли лишь немногие из белоэмигрантов.

«В жестокой борьбе за существование большинству эмигрантов, каково бы ни было их социальное положение на родине, пришлось спуститься на самые низкие ступени общественной лестницы, опролетаризоваться, — писал В. Руднев, подводя «итоги» первых лет эмиграции. — В Европе эмиграция могла занять место только среди наименее квалифицированной части пролетариата. Однако по сравнению с местным рабочим населением даже этой всего хуже оплачиваемой категории русские эмигранты оказываются в положении наиболее неблагоприятном: над ними сверх того тяготеют установленные во всех государствах Западной Европы для иностранного труда ограничения... Вследствие этого русский эмигрант, чтобы не умереть с голоду, часто вынужден брать работу на любых, более низких, чем существующие на местном рынке, условиях оплаты. Но, и получив работу, эмигрант никогда не может быть спокоен за завтрашний день: при малейшем признаке промышленного кризиса... русский

---

[1] Неотвратимое возмездие. М., 1979, с. 56.
[2] Свободная Россия. Париж, 1925, № 8, с. 513.

эмигрант как иностранец подлежит увольнению с работы в самую первую очередь» [1].

Жизни нет. Жизнь куда-то ушла,
Где-то в мутной дали затерялась,
И глядит из пустого угла
На меня самого моя жалость.

Где-то глухо пронылл пароход.
Постучалась... должно быть к соседу.
А ко мне уж никто не придет,
Да и я никуда не поеду.

Еще беснуются в середине 20-х годов непримиримые галлиполийцы, ревностные члены «союзов» бывших жандармов или постоянные читатели «Царского вестника» и «Возрождения», но белоэмигрантская масса все явственнее начинает понимать всю трагичность своего отрыва, по бунинскому выражению, от всей «российской человечины». «Извозчик, свободен?» — «Свободен». — «Ну, так кричи: да здравствует свобода!» — эта затертая дореволюционная острота с горечью повторяется в эмигрантских «салонах».

Прокуроров было слишком много.
Кто грехов твоих не осуждал?
А теперь, когда темна дорога
И гудит-ревет девятый вал,
О тебе, волнуясь, вспоминаем, —
Это все, что здесь мы сберегли...
И встает былое светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли... —

с тоской писал Саша Черный, некогда блестящий сатирик и юморист, в эмиграции почти полностью переключившийся на детскую тематику: его главной заботой стало — уберечь молодое поколение эмиграции от потери русского языка, от забвения Родины. Многие поняли, что причины их «теперешнего плача на реках вавилонских» кроются не в ошибках их родного народа, а в их собственных ошибках. Чего только не породило это осознание трагичности и никчемности? В эмигрантских газетах можно было нередко натолкнуться на такие объявления: «Имею кроликов. Хочу жениться. Чем неинтеллигентнее, тем лучше». Некоторые поэты стали творить под девизом: «Я могу из падали создавать поэмы».

---

[1] Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. — Русская школа за рубежом. Прага, 1928, кн. 26, с. 3.

И рождались на свет строки — «в этом мире нужно растлевать невинных».

Размышляя о комплексе эмигрантской неполноценности, захлестнувшем в 20-е годы белоэмиграцию, В. Варшавский отмечал: «Люди на чужбине так же чахнут, как пчелы вдали от родного улья. Не участвуя по-настоящему в жизни общества, эмигрант лишен всех тех сил жить и действовать и того чувства укрепленности в чем-то прочном, которые даются таким участием. Как определить, что овладевает тогда душой? Скука, тоска, невыносимое чувство остановки жизни, томительные, сводящие с ума головокружения пустоты» [1]. Отрыв от Родины очень тяжело сказался на творчестве покинувших Россию писателей, музыкантов, художников.

Лишенные корней родной земли, они, как правило, не приживались на чужбине. Картины поразительного творческого бесплодия российской эмиграции, несмотря на отдельные удачи Шаляпина, Бунина, Рахманинова, Плевицкой, Лифаря, Нижинского, Павловой, Мозжухина, Михаила и Ольги Чеховых (также мучительно переживавших разрыв с Родиной), убеждают нас в этом.

Вспомним известное признание Сергея Васильевича Рахманинова американскому журналисту Норману Камерону в 1934 году: «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний». В другом интервью, возвращаясь к теме Родины, Сергей Васильевич подчеркивает: «После России мне как-то не сочиняется... Воздух здесь другой, что ли...»

Время все решительнее требовало от эмигрантов политического реализма. Тягостнее тянутся годы вдали от родной земли. Шестой, седьмой, восьмой...

Девятый год стоит Россия
Моей заморскою страной.

Не видно проблеска надежд на бездорожье белоэмиграции. Заиграны уже до хрипоты пластинки с белогвардейскими гимнами. «В длинные осенние и зимние месяцы эти люди, влачившие на чужбине жалкое существо-

---

[1] Варшавский В. Указ. соч., с. 186.

6*

вание, ждали и питались надеждами на «весенний поход» под предводительством или Вел. кн. Кирилла Владимировича, или Вел. кн. Николая Николаевича (зависимо от того, кого из двух главных претендентов на вакантный трон России они признавали), — отмечает норвежский историк Енс Петтер Нильсен в своем интересном исследовании о политической эволюции П. Н. Милюкова в эмиграции, вышедшем в 1983 году в Осло. — А когда наступала весна, ничего не случалось, и это повторялось из года в год». Поезда в Россию все нет, и очевидно, что не появится никогда. Самые «непримиримые», вернее, твердолобые, изводят горы бумаги, тщась доказать идеи вроде той, что «большевики не знали ни жизни, ни России, не понимали русского крестьянства», с пеной у рта твердя о «случайности» и «нелепости» Октябрьской революции. Но таких становилось все меньше.

Быстро тает вера в мессианскую роль эмиграции — «спасительницы России». «Мысль об эмиграции, как единственной хранительнице русской культуры, была широко распространена и в самих эмигрантских кругах. И только с прекращением блокады России и с развитием сношений с ней эта мысль конфузливо начала прятаться, сошла со столбцов газет, а потом и совсем исчезла... Далее, уже сама по себе нелепа мысль о какой-то самостоятельной культурной миссии, возложенной на эмиграцию, ибо эмиграция прежде всего явление нездоровое и, во всяком случае, скорее вымирающее, а не усиливающееся и налаживающее здесь силу и мощь» [1]. Происходит понимание того, что идея зарубежья, объединительная идея, зазывающая под одни знамена «монархистов, республиканцев, демократов, даже социалистов» для освобождения родной земли от «оккупировавшего ее третьего интернационала», — с самого начала была всего лишь идеей реставрационной, направленной на возрождение навсегда канувшей в Лету самодержавно-помещичьей и капиталистической России.

Многих прозревающих людей отталкивала истерическая ностальгия квасных патриотов, выражавшаяся в воплях о готовности «до России доползти на брюхе»; на поверку же оказывалось, что Россия для таких патриотов — прежде всего «красотки с берегов Невы и папень-

---

[1] Воля России. Прага, 1925, № 1, с. 33.

кин рысак орловский». «Забота о жизненных, государственных интересах родины постепенно побуждала немало эмигрантов, в том числе и правых, оставить свою «непримиримость», — делает вывод о причинах политической эволюции части белоэмиграции Е. П. Нильсен. Патриотически настроенные зарубежные русские начинают в массе задумываться над тем, что «Россия — нам мать, а о матери плохо не говорят». Одним из первых об этом в эмиграции открыто заявил Александр Вертинский:

И еще понять
беззлобно,
Что свою, пусть
злую Мать
Все же как-то
неудобно
Вечно в обществе
ругать.

Популярный шансонье был не одинок. Несмотря на яростные нападки правого крыла эмиграции, на эту тему заговорили... Князь Ю. А. Ширинский-Шахматов, бывший кавалергард и военный летчик, в эмиграции шофер такси (забитый насмерть палками в 1942 году в концлагере Освенцим) осуждал попытки «подменить Россию сущую Россией выдуманной, зарубежной»: «Когда наши дети будут учить историю России — они будут учить историю той самой страны, которую эмигрантские газеты все еще называют «Совдепией». А о «послах», «вождях», «императорах», «земгорах», «учредилках» и пр. останутся лишь следы в юмористических альманахах». Марина Цветаева, сказавшая в одном из стихотворений, что 17 лет, проведенные на чужбине, прошли «под золой эмиграции», писала:

Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?

Под этими горькими строками могли подписаться многие русские люди, покинувшие родную землю. Отметим, что на страницах эмигрантских газет, журналов, сборников в 20—30-е годы разбросано большое количество стихотворений, созвучных цветаевской «Родине». Об утерянной России с грустью и нежностью писали Игорь Северянин и Константин Бальмонт, Иван Бунин и Саша Черный. Пожалуй, в этих поэтических строках мы в наиболее обнаженной форме сталкиваемся с мыслями и чувствами, обуревавшими сердца и души эмигрантов.

Да, чувство Родины — одно из сложнейших проявлений человеческого духа, одно из самых сильных, действенных и стойких понятий в духовной жизни человечества. «Отчизну мою, — писал Федор Шаляпин в 1935 году друзьям, — обожаю! И обожание это ношу и буду носить в сердце моем до гробовых досок»[1]. Печальный ореол безродности никогда не может принести человеку удовлетворения. Очень непросто разорвать духовные узы со своей Родиной, родиной отцов и дедов — об этом говорит история всех российских эмиграций. И человек, как правило, не может быть безразличен к исторической судьбе народа, к которому он принадлежит. Другое дело, какие чувства вызывало и вызывает у эмигранта утраченное Отечество — любовь или ненависть...

Резко отделял себя от политиканствующей эмиграции Игорь Северянин, застигнутый революционными событиями в Эстонии и там осевший на долгие годы:

Нет, я не беженец, и я не эмигрант, —
Тебе, родительница, русский мой талант,
И вся душа моя, вся мысль моя верна
Тебе, на жизнь меня обрекшая страна!..
Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой...

«Когда мне говорят мои близкие и мои друзья, что той России, которую я люблю, которую я целую жизнь любил, все равно сейчас нет, — писал К. Бальмонт, — мне эти слова не кажутся убедительными». Поэт, «лишенный родины, меж призраков бездушных», страдающий от неукротимой тоски по утраченной России — «Я не умер. Нет. Я жив. Тоскую...» — признается:

И поняв, что выгорела злоба,
Вновь я буду миру не чужой.
И, дивясь, привстану я из гроба,
Чтоб идти родимою межой.

Заговорили высоким слогом и «дети эмиграции». Надо отметить, что отношения между «старшими» и «младши-

[1] Когда Ф. И. Шаляпин умер, один критик писал в «Современных записках» о таланте покойного: «Исключительность Шаляпина в том, что он был не только великим русским человеком, но сверх того еще и самой Россией. Всякий русский человек в разлуке с родиной должен хотя временами исходить тоской по ней; Россия же о России тосковать не может — они неразлучны».

ми» русскими эмигрантами были неблестящими. Одна сторона мало замечала другую, мало ею интересовалась, «младшая часть» эмиграции чувствовала себя обойденной, самолюбие ее было уязвлено. Поэтессе Ирине Кнорринг было четырнадцать лет, когда надо было «принимать решение», — ее увезли из России в годы гражданской войны. И она вдруг однажды осознает горечь этого нелепого отрыва от далекой, не совсем ей понятной Родины:

Однажды случайно, от скуки
(Я ей безнадежно больна),
Прочла я попавшийся в руки
Какой-то советский журнал.
И странные мысли такие
Взметнулись над сонной душой...
Россия!
Чужая Россия!
Когда ж она стала чужой?

Анна Ахматова писала о ее стихах: «Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе» [1].

Я верю в Россию. Пройдут года,
Быть может, совсем немного,
И я, озираясь, вернусь туда
Далекой, ночной дорогой.

Я верю в Россию. Там жизнь идет,
Там бьются скрытые силы.
А здесь у нас темных дней хоровод,
Влекущий запах могилы.

Я верю в Россию. Не нам, не нам
Готовить ей дни иные.
Ведь все, что вершится, так только там,
В далекой Святой России.

Не вернулась на Родину русская поэтесса Ирина Кнорринг — умерла в оккупированной Франции в 1943 году, навеки осталась в чужой земле — на парижском кладбище Иври. Но вернулась в Советский Союз в 1955 году ее семья — сын, муж, отец. Возвращаются ее стихи...

Душно и скучно на Западе стало с первых же лет эмиграции абсолютному большинству зарубежных русских. «Ведь за границей только тогда хорошо, когда мо-

---

[1] См.: Ирина Кнорринг. Алма-Ата, 1967, с. 4.

жешь хоть сейчас домой уехать», — писал в свое время П. И. Чайковский в письме к своему брату. Белоэмигрантам ехать было некуда...

Мы с тобой два знатных иностранца:
В серых куртках, в стоптанных туфлях.
Карусель кружится в ритме танца,
И девчонки ввысь летят в ладьях...
Вдосталь хлеба, смеха и румянца,
Только мы — полынь в чужих полях.

Саша Черный, автор этих строк, прав. Всего лишь в двух странах — Чехословакии и Югославии — с относительной доброжелательностью относились как к самим белоэмигрантам, так и к их творчеству. Для Франции и Германии, Англии и США они были совсем чужими. Лишь западная интеллигенция с болезненным интересом всматривалась в русское послереволюционное зарубежье. Ее любопытство возбуждают русские эмигранты — еще бы, они могут рассказать о неведомом, неслыханном, невиданном. На русских женятся Сальвадор Дали, Луи Арагон, Пабло Пикассо, Фернан Леже, Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Поль Элюар... На Западе оказываются основатели абстракционизма Василий Кандинский и Казимир Малевич, еще до революции покидает Россию Игорь Стравинский (кстати, многими он воспринимался как беглец от большевиков, хотя уехал он из-за консерватизма царских музыкальных чиновников, не принявших его новаторства). В Париже обосновываются первооткрыватели современной философии существования, представлявшие Россию как родину экзистенциализма, уже упоминавшийся Н. Бердяев и Л. Шестов.

Образы русских эмигрантов вскоре замелькали на страницах романов, на театральных подмостках, на экранах синема, тогда еще беззвучного. Михаил Чехов, знаменитый актер, эмигрант, блистательно сыграл роль русского князя, работающего слугой во французской буржуазной семье. Громовым смехом и бешеной овацией встречала публика финальную сцену пьесы, когда князь-слуга, отправляясь на эмигрантский прием в своем полинялом, но тщательно сохраняемом раззолоченном мундире, прихватывает мусорное ведро, чтобы попутно завернуть на помойку. Агата Кристи помещает русскую княгиню среди пассажиров своего «Восточного экспресса». Джон Голсуорси в «Саге о Форсайтах» не

случайно дает скульптору-модернисту, чья Венера похожа на покосившуюся водокачку, сложное для англичан славянское имя Борис Струмоловский. Ремарк в «Триумфальной арке» ставит русского полковника швейцаром у ресторана — опять же русского. В Западной Европе и вправду появилось много таких ресторанов. В них создается особый стиль, романс «Очи черные» входит в репертуар всей мировой эстрады...

Но мода на «белых» русских быстро прошла.

«Из мира, где мои стихи кому-то нужны были, как хлеб, я попала в мир, где стихи — никому не нужны, ни мои стихи, ни вообще стихи, нужны — как десерт: если десерт кому-нибудь — нужен...» [1] — горестно замечает Марина Цветаева. Белоэмигранты, попав на Запад, увидели полное равнодушие прежних союзников царской России, Временного правительства и белых армий Деникина, Колчака, Врангеля к их дальнейшей судьбе. Они рассчитывали на такое сочувствие и содействие, что, казалось, камни должны были «возопиять», но никто не хотел их слушать. Для «новых отечеств» они являлись лишь бесправной толпой нежелательных иностранцев.

Если и до революции русские люди, сталкиваясь с Европой, нередко испытывали разочарование, то теперь, оказавшись там без средств к существованию, они быстро «открывали» недостатки западной жизни уже не в итоге туристических наблюдений, а в тяжелом каждодневном опыте отверженности и унижения граждан второго сорта.

«Мы идем по красивым, удобным, благоустроенным улицам европейских столиц, которыми мы прежде восторгались, и не понимаем, что в них хорошего: ровная плоскость асфальта, однообразные высокие дома пошлой архитектуры; гудят и мчатся автомобили, развозя праздных жуиров, жадных спекулянтов или озабоченных, духовно пустых «деловых людей»; внутри домов — десятки и сотни одинаковых квартир мещанского уклада, в которых копошится разбитый на семейные ячейки людской муравейник — чему тут радоваться? Тоска, тоска беспросветная! Мы видим кучера или шофера, читающего газету на своем сиденье, — в какой восторг

---

[1] Цветаева М. Нездешний вечер. — Современные записки, 1936, № 61, с. 176.

перед его просвещенностью и политической сознательностью мы приходили раньше при этом зрелище! Теперь мы равнодушно проходим мимо, а если живем в Германии, то злобно думаем: «Наверное, тоже играет на бирже», — и уверены, что теперь мы оцениваем это явление правильнее, чем прежде. Где трепет, с которым мы когда-то всходили на галереи европейских парламентов и прислушивались к страстным, вдохновенным речам политических ораторов? Едва ли мы читаем внимательно эти речи и в газетах, а если и пробежим глазами, то с равнодушием и скукой; мы заранее знаем их содержание: либо безответственная демагогия, либо официально-лицемерное провозглашение каких-либо священных принципов, в которые никто не верит и которые никогда не осуществляются, оправдание какого-нибудь зла под тем или иным высоким предлогом, либо, наконец, сознание своего бессилия и безвыходности положения; от всей текущей политики на нас уже заранее веет или человеческой глупостью, или человеческой подлостью, или тем и другим вместе — и во всяком случае — пошлостью, унынием, безнадежностью серых будеп»[1], — сокрушался С. Франк.

Дон Аминадо, претендовавший наряду с Тэффи на звание лучшего сатирика и юмориста русского зарубежья, писал о том же, что и С. Франк, в более лаконичной форме. Вот его замечание, характеризующее обывателей — бельгийцев: «Присягают королю, голосуют за социалистов, верят в текущий счет».

Наряду с разочарованием в Западе, — «здесь даже камни сонно устают. Колокола, и те не очень голосисты» — среди многих эмигрантов растет непонимание, неприятие мира капиталистического чистогана, опустошающего и уничтожающего человеческую личность, низводящего человека до уровня «раба своих вещей», утоляющего лишь самые низменные потребности.

Будто кто-то каленой иголкой
Выжег в душах надежду дотла.
И в надеждах, в призывах
Что толку?
Толк от жирного только котла.
Поработал — наешься и выпей,
А наешься — слегка посудачь.
Тихо плавай по жизненной зыби... —

[1] Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924, с. 41—42.

с иронией пишет в 1935 году Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Эмигранты из России зачастую ощущали себя живущими как бы на островках среди океана чужой жизни. «Здесь шумят чужие города, и чужая плещется вода, и чужая светится звезда!..» — пел Александр Вертинский Он выступил в 1935 году с песней, взорвавшей русское зарубежье:

Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски...
И пора уже сознаться,
Что напрасен долгий путь...

Слова Вертинского о покинутой Родине, которая «цветет и зреет, возрожденная в огне, и простит и пожалеет и о вас, и обо мне», одними были восприняты враждебно, многими сочувственно...

Фашистская угроза, нависшая над миром, многое изменила в настроениях мировой общественности, в частности в ее отношении к СССР. Трезвомыслящие люди не могли не видеть в Советском Союзе полюса противодействия силам зла, агрессии и варварства. Уходило на второй план неприятие советской системы. Приходило понимание того, что подрывная деятельность против СССР ослабляет всемирные силы свободы и демократии.

Эти сдвиги в политическом сознании не в последнюю очередь затронули и российскую эмиграцию, в том числе и ее еще недавно активные антисоветские слои. Чем ближе надвигалась мировая война, тем настоятельнее становился вопрос — с кем ты, зарубежный россиянин? В лихую годину войны бывший министр иностранных дел Временного правительства России П. Милюков скажет в 1942 году: «Бывают моменты, когда выбор становится обязателен». Многие же из эмигрантов решающий для себя выбор сделали еще раньше.

Немало было пролито чернил, чтобы доказать ложный тезис: есть, мол, вечная Россия, страна берез и церквей, Россия сияющих на солнце куполов кремлевских соборов и изысканной красоты Петербурга, а, кроме того, отдельно, разумеется, существует какая-то Советская власть, какой-то социализм, живущие на другой орбите от народа России, и он при ближайшей возможности постарается от них избавиться...

Миф «их Россия не наша, а наша Россия не их»

культивировался очень упорно. Но и он с треском развалился. Горечь чужбины у честных эмигрантов усугублялась горечью оторванности от родного народа, превращающего свою страну в могучую державу.

От горького чувства, чуть странного
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...
Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!
И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок и пуст, —
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст, —

писал Игорь Северянин в 1936 году в стихотворении «Без нас». В 30-е годы и «верхи» и «низы» белой эмиграции хотели, по выражению одного поэта, «под алым покрывалом найти русскую красоту». И нередко находили. «В сталинской России старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. От центра к периферии движение интеллектуальной крови совершается без перебоев и задержек. Россия в культурном смысле стала единым организмом. Этот факт непреложен и неотменяем, — писал в «Современных записках» Г. Федотов. — ...Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни... Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно. Народ теперь почти уже грамотный, весь прошедший через школу, жадно тянется к просвещению. Он выделяет из себя молодую, огромную по численности интеллигенцию, которая, не щадя себя, не боясь никаких жертв, вгрызается в «гранит науки», идет на заводы, в поля — строить новую Россию, счастливую, богатую, великую. Героическая мечта этого поколения — завоевать воздух, пустыни, полярные льды. Бесстрашие русских летчиков и полярных исследователей вызывает изумление во всем мире. Сколько талантов родит русская земля во всех областях творчества: изобретателей, музыкантов, чемпионов. Как хороша русская молодежь в массовых спортивных соревнованиях... Лю-

ди, смотревшие русские футбольные команды за границей, отмечали, что сила русской игры не в отдельных достижениях, не в атлетических талантах, а в согласованности и в дисциплине. Это ново и поистине удивительно»[1].

Конечно, признания новой России не могли носить сразу безоговорочного характера, они часто делались с различными «жесткими» оговорками вроде того, что «несмотря на все наше враждебное отношение к Советской власти, мы не можем не испытывать некоторого национального удовлетворения, когда восстанавливается в глазах Европы мировое значение России»[2].

Но окончательно прозревшие за годы скитаний на чужбине эмигранты уже бесповоротно шли дальше чувства «некоторого национального удовлетворения», осознав, что, только став советской, Россия обрела истинное величие, достойное ее нелегкой и славной истории.

Жизнь раскрылась мне в черной работе,
Трезвой, честной, нелегкой, иной.
В эти жесткие годы впервые
Жизнь увидел по-новому я.
К трудовой потянулись России
Ее блудные сыновья.
Так фабричный гудок и лопата,
Трудный опыт, прошедший не зря,
Нам открыли, жестоко и внятно,
Смысл и чаянья Октября, —

писал в 1936 году эмигрантский поэт Юрий Софиев. Угроза фашистского вторжения на родную землю все чаще заставляла этих людей чувствовать своим сердцем, что они не будут «тихо плавать по жизненной зыби». И они упорно начинают искать пути служения своему Отечеству. Как клятва звучат сегодня довоенные строки Е. Ю. Кузьминой-Караваевой:

В каждом деле будь мне жезл и вождь,
Солнце незакатное с Востока.

В последние годы на страницах некоторых наших книг, на кинотелеэкране, к сожалению, все чаще оживает образ какого-то «ходульного» русского эмигранта,

---

[1] Современные записки, 1938, № 68, с. 389; 1936, № 62, с. 362—364.

[2] Современные записки, 1939, № 69, с. 318.

пропивающего жизнь, плачущего по белоберезовой матушке-России и страдающего от невозможности услышать малиновый перезвон сорока сороков московских колоколен. И появляются на свет произведения, в которых конкретные исторические личности, никогда не помышлявшие о каком-либо признании Советской власти, вдруг предстают перед нами как «большевизаны». И наоборот. Людей, пытающихся в 20—30-е годы мучительно разобраться в смысле социалистических преобразований на родной земле, иной раз изображают легковесно, одноцветно одетыми в этакие «непримиримые» антисоветские одеяния.

Российское зарубежье — сложное и неоднозначное явление, имеющее весьма драматическую биографию.

Советский посол во Франции А. Е. Богомолов, выступая 21 июля 1946 года перед многотысячным собранием русских эмигрантов в парижском зале «Мютюалитэ», дал следующую характеристику эволюции взглядов белоэмиграции в 20—30-е годы: «Эмиграцию пытались превратить в оружие борьбы с СССР. Это удавалось лишь отчасти. Антисоветские настроения оставались распространенными в эмиграции, но отнюдь не объединяли ее. Политическая борьба различных мелких эмигрантских групп, множество всяких «ориентаций», обыкновенные эмигрантские дрязги и материальные трудности обыденной жизни — все это разъедало эмиграцию изнутри и порождало отход значительных слоев эмиграции от политической деятельности. Большинство эмигрантов стало простыми рабочими, служащими, и это начало оказывать известное влияние на их психологию и на их политические убеждения» [1]. Политическое расслоение русской эмиграции в 30-е годы происходит быстрыми темпами; подобное расслоение наблюдается и в среде националистической эмиграции.

Уже в 1925 году — удравшие за границу деятели закавказской реакции — грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты — сколотили в Париже антисоветский блок «Прометей». Националисты начинают связывать свои планы с планами фашистского «натиска на Восток».

В июле 1934 года представители азербайджанского, северокавказского и грузинского эмигрантских центров

---

[1] Русские новости. Париж, 1946, № 63, 26 июля.

заключили так называемый «Брюссельский пакт». Его подписали битые деятели периода гражданской войны: от Грузии — А. Чхенкели и Н. Жоржания, от Азербайджана — М. Разул-Заде и А. Топчибашев, от Северного Кавказа — И. Чулик, Г. Сунш и Т. Шахман. После подписания пакта они призывали всех кавказских эмигрантов «к беспощадной борьбе с русско-большевистской оккупацией».

Только в Польше после гражданской войны собралось около 35 тысяч участников украинских буржуазно-националистических формирований. В Чехословакии с 1921 года действовал «Украинский громадский комитет» во главе с одним из лидеров украинской контрреволюции, бывшим председателем Центральной рады М. Грушевским. Еще раньше был создан монархический «Украинский союз хлеборобов-державников», который возглавил бывший гетман Украины П. Скоропадский, обосновавшийся в Берлине. Активно действовала эмигрантская «Казачья рада» под руководством И. Полтавца-Остряницы. Контрреволюция, группировавшаяся вокруг С. Петлюры, создала объединение «Украинская народная республика».

«Прочь от Москвы, от всякой Москвы — красной и белой, от всякого режима — царского, большевистского и демократического, от всякого имперского единства — внешнего и внутреннего — прочь от России вообще» [1], — кликушествовал М. Славинский, идеолог украинского сепаратизма. Ему вторил главарь так называемой мусульманской эмиграции Мустафа Чокаев: «Теперь только мы, т. е. туркестанцы, находящиеся за границей, можем открыто требовать права собственной нации и родины. Да, мы — туркмены, узбеки, казахи, киргизы, башкиры, татары — все являемся членами одной турецкой семьи. Все мы стремимся быть турецкой нацией, основавшей единое государство» [2]. Появились даже... сибирские сепаратисты. О них поведал миру некий Головачев, издавший на японские деньги в Харбине брошюру «Сибирское движение и международное положение» (1936 г.).

Эмигрантские националисты, торопящиеся как можно

---

[1] Национально-государственная проблема в СССР. Издание Комитета дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины. Париж, 1937, с. 74.

[2] Комин В. В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979, с. 15.

быстрее приблизить «час освобождения» своих родных народов, «томящихся под игом большевизма», всячески искажали дореволюционную историю нашей страны. «Россия в Азии является фактом деструктивным и угрожающим», — злобствовал журнал «Северный Кавказ», известный своими прояпонскими и протурецкими настроениями. Реакционные круги Запада льстиво подогревали националистические амбиции сепаратистов, толкая их на путь оголтелого, бешеного антисоветизма. Это авантюристически настроенное крыло белой эмиграции без лишних колебаний и сомнений сделало свой выбор.

Сепаратисты начинают буквально молиться на «восточную политику» фашистской Германии (меньшевик Цагурия «решительно призывает своих грузинских соплеменников» сражаться в союзе с Гитлером и Муссолини против Москвы, дабы выполнить «благородную миссию» «расчленения России на окрошку мелких государств» [1]). Они «предостерегают» некоторые западные страны, стремящиеся в тяжелой предвоенной атмосфере к сотрудничеству с Советским государством. «Заключающие союз с СССР государства должны твердо помнить, что во всяком грядущем военном столкновении Москвы с любой иностранной державой все порабощенные Великороссией народы окажутся не на стороне угнетающей их власти, а на стороне тех, кто, нанося удары Москве, разбивает их оковы и несет им освобождение и независимость» [2].

Чем в действительности закончились подобные прогнозы, надеемся, напоминать нашему читателю не надо...

Именно в 30-е годы на страницы даже респектабельных буржуазных газет, журналов и книг с легкой эмигрантской руки проникли фантастические домыслы о неких «плачущих под московской пятой» исторических образованиях «Козакия» (читай — государство «вольных казаков») и «Идель-Урал» (читай — государство «заволжских татар») [3]. Удивительно, но эта развесистая клюква — одна из любимых тем сегодняшней «желтой

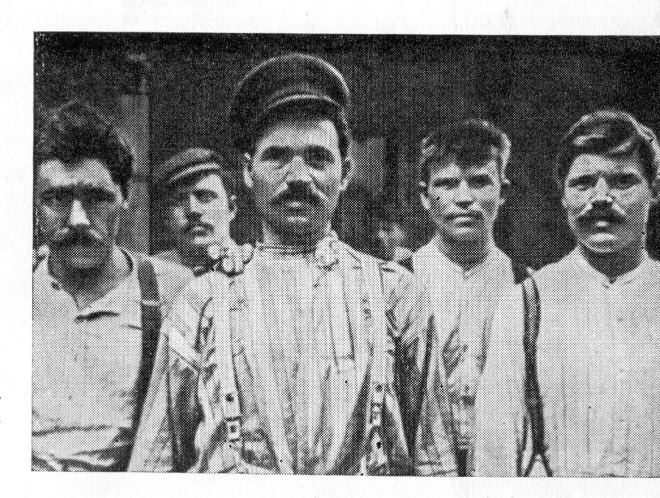
---

[1] D. de Sonramy. Tiflis contre Moscou. Bruxelles, 1937, p. 18—19.

[2] Кавказ. Париж, 1937, с. 72.

[3] Postnikov S. Separatist tendencies among the Russian èmigrés. Slavonic and East European revien. L., 1939, vol. 19. N. 50, p. 356—359.

Первая группа духоборов, прибывшая на канадскую землю в январе 1899 г.

Русские иммигранты-металлурги из Питсбурга Снимок 1908 г.

Кладбище в Мармулене, где захоронены солдаты Русского экспедиционного корпуса, воевавшие во Франции в первую мировую войну.

Бегство белых из Новороссийска на английских кораблях. 1920 г.

Пометки, отчеркивания и подчеркивания В. И. Ленина на странице книги А. И. Деникина «Очерки русской смуты».

— 40 —

кивали ихъ отъ командного состава. Нужно было особенно счастливое сочетаніе двухъ столь несходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ элементовъ, чтобы совмѣстная работа ихъ была не только возможна, но и плодотворна; въ очень рѣдкихъ случаяхъ это имѣло мѣсто.

Цѣли своей институтъ не достигъ. Въ солдатской средѣ, какъ органъ принужденія, иногда усмиренія, комиссары уже тѣмъ самымъ не могли найти популярности, а отсутствіе правой, разящей власти не могло создать имъ авторитета силы — наиболѣе чтимаго даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось впослѣдствіи, послѣ захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними изъ первыхъ съ большой поспѣшностью и тайно покинуть свои посты.

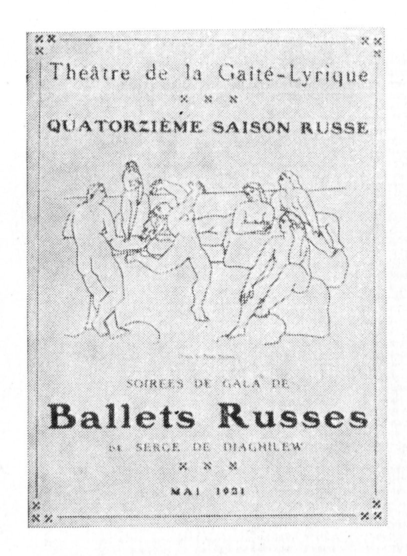
«Крамолы» они не избыли: начальники, за рѣдкими исключеніями, отстояли свое право высшихъ назначеній въ случаяхъ комиссарского неодобренія. Революціонная власть не довела своего мѣропріятія до логическаго конца, какъ это сдѣлали потомъ большевики, вручивъ комиссарамъ право распоряженія жизнью и смертью опекаемыхъ ими военныхъ начальниковъ. Впрочемъ, и такъ этотъ опытъ приходитъ къ концу: постепенно отбрасывая всѣ «завоеванія революціи» въ области демократизаціи арміи, какъ то выборное начало, митинги, комитеты, упраздненіе единоличной дисциплинарной власти, совѣтская власть посягнула и на институтъ войсковыхъ комиссаровъ: по докладу Троцкаго еще на 7-мъ съѣздѣ совѣтовъ принципіально рѣшенъ былъ вопросъ объ уничтоженіи этого института; мѣру эту предполагалось провести постепенно, причемъ комиссаровъ должны были замѣнить помощники командировъ по политической части.

И такъ, въ русской арміи, вмѣсто одной, появились три разнородныхъ, взаимно исключающихъ другъ друга власти: командиръ, комитетъ и комиссаръ. Три власти призрачныя... А надъ ними тяготѣла, на нихъ духовно давила своей безумной, [illegible] тяжестью — власть толпы.

Разсматривая вопросъ о новыхъ органахъ — комиссарахъ и комитетахъ и ихъ роли въ судьбахъ русской арміи, я стоялъ исключительно на точкѣ зрѣнія сохраненія нашей вооруженной силы, какъ важнаго фактора въ грядущихъ судьбахъ націи. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса внѣ зависимости его отъ общихъ законовъ, управлявшихъ жизнью народа и ходомъ революціи. Скажу больше: всѣ эти *исследованія явленія носятъ печать логической последовательности и неизбежности въ силу той роли, которую пожелала играть революціонная демократія*. Въ этомъ былъ весь трагизмъ положенія.

В парижских подвалах «непримиримые» готовились к реваншу. Снимок 1925 г.

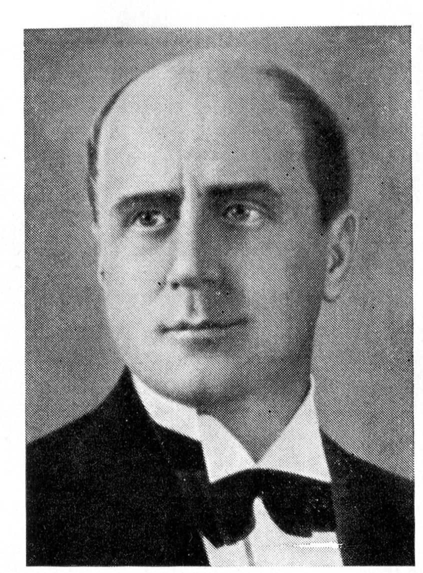

Пабло Пикассо. Обложка программы Русских балетов в Париже. 1921 г.

Анна Павлова.

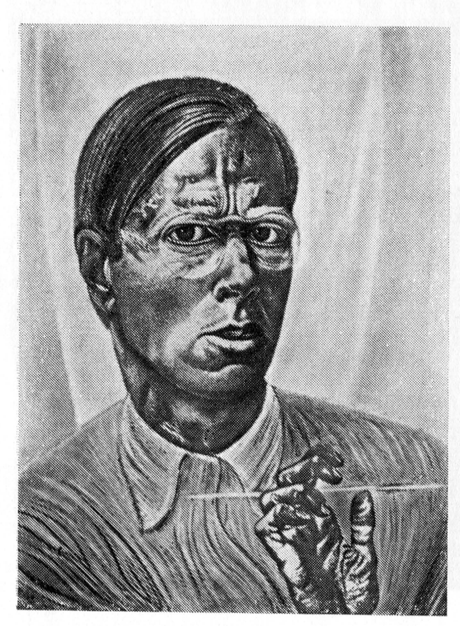
Михаил Фокин.

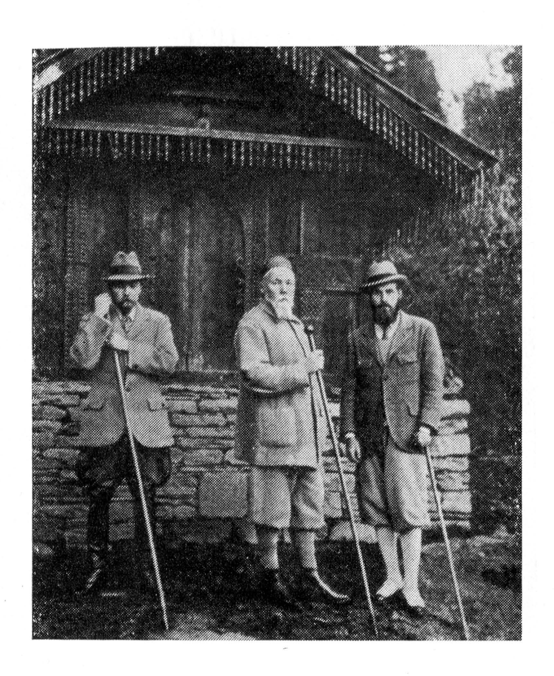
Ф. И. Шаляпин,
И. М. Москвин и
С. В. Рахманинов
в Нью-Джерси.
1923 г.

Григорий Шилтян.
«Эмигрант». 1936 г.

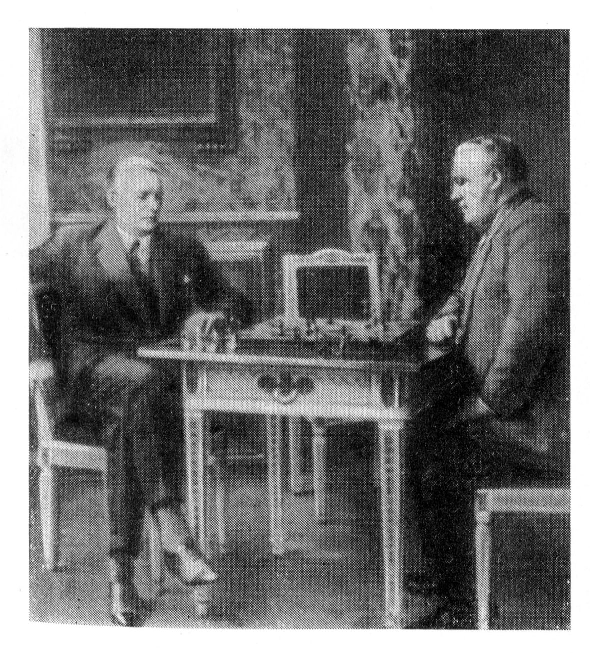

Борис Григорьев.
«Автопортрет».
1938 г.

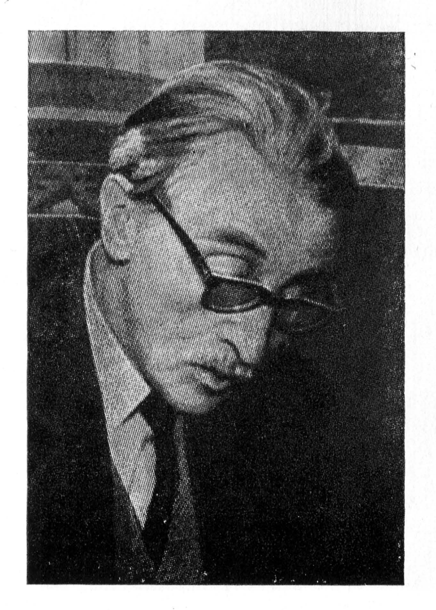

Н. К. Рерих с сыновьями Юрием и Святославом. 1933 г.

А. А. Алехин (слева) и Е. Д. Боголюбов. 1934 г.

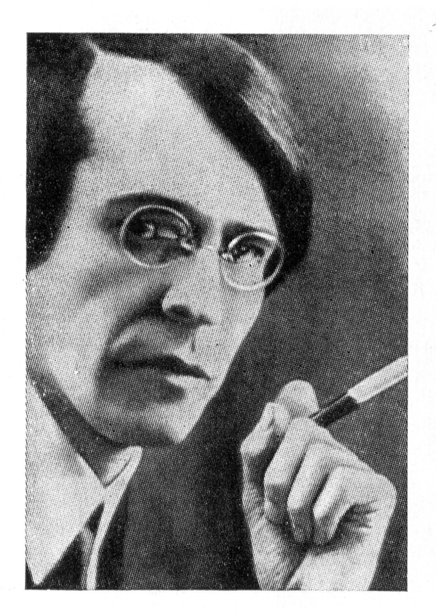
ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

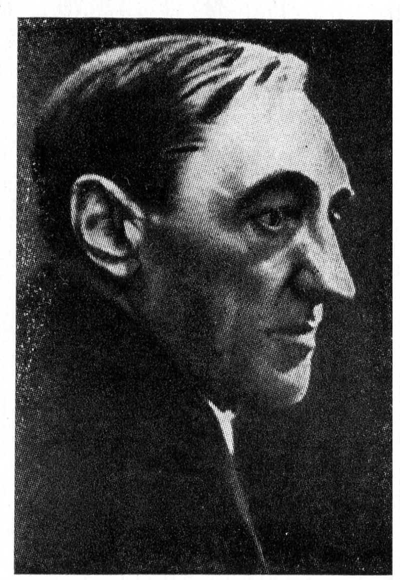
Б. К. Зайцев.

М. И. Цветаева.

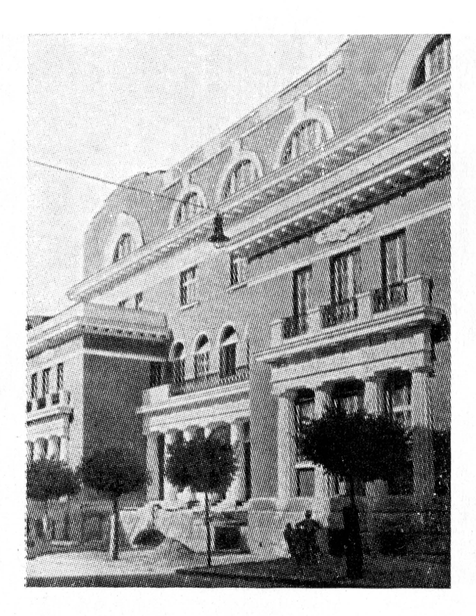
В. Ф. Ходасевич.

И. С. Шмелев.

Е. Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария) с детьми Юрой, Настей и Гаяной.

Русское кладбище в парижском предместье Сен-Женевьев-де-Буа.

«Русский Дом» в Белграде — центр белоэмиграции в Югославии.

▶ *Листовки прогрессивных эмигрантских организаций в США. Вторая половина 30-х годов.*

Руководитель Русской секции профсоюза «Интернациональный рабочий орден» (США) Д. В. Казущик (справа) преподносит подарок экипажу В. П. Чкалова. 1937 г. ▶

Обложка книги одного из фашиствующих белоэмигрантских «вождей».

МАССОВЫЙ
МИТИНГ
ПРОТЕСТА

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ДЕКАБРЯ

Начало в 2 часа дня

СИМПОЗИУМ
о 7-ом Конгрессе Коминтерна

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 15 ДЕКАБРЯ, 1935 Г.

1. "Единый Пролетарский Фронт"
2. "Единый Народный Фронт"
3. "Рост Фашистской Опасности в САСШ"

Начало в 3 часа дня
Вход 10 центов

FINE ARTS THEATR
MASSACHUSETTS AVE. ... BOSTON

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК
в Суб., 18-го Февраля

ПО ИНИЦИАТИВЕ ОБЩЕСТВ ВЗАИМОПОМОЩИ БОСТОНА И ЧЕЛСЫ
Русской Драматической Труппой

“ВРАГИ”

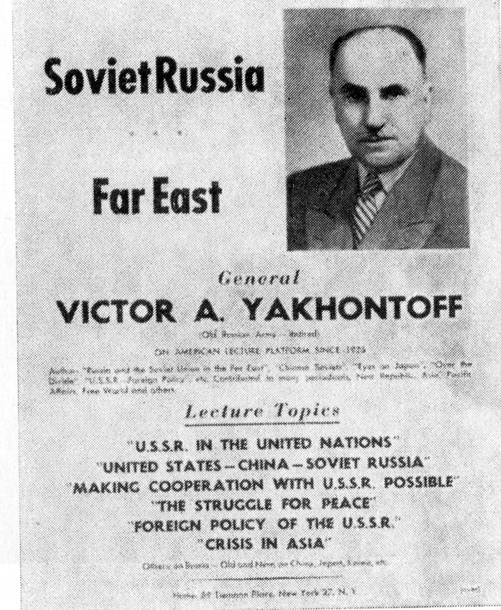
Участвует 25 человек.
Режиссер Н. КИСЕЛЬ
Цены местам: 50c. 75c. 1.10

Облигации прогрессивных организаций зарубежных соотечественников в Латинской Америке периода второй мировой войны.

Сбор вещей для сирот Великой Отечественной войны в Уругвае.

Второй Славянский конгресс в Монтевидео. Апрель 1944 г.

◀

Афиша выступлений В. А. Яхонтова в Нью-Йорке.

Героиня французского Сопротивления Вера Оболенская.

Штаб партизанского отряда, где плечом к плечу сражались с фашистами французские патриоты, русские эмигранты и советские воины, бежавшие из плена. Крайняя справа (сидит) — «красная княгиня» Тамара Волконская.

Борис Вильде.

Анатолий Левицкий.

Федор Махин — генерал-лейтенант Югославской народно-освободительной армии.

Кирилл Радищев.

прессы» Запада. Примечательно и то, что даже ничтожные группки националистов моментально находили себе покровителей из влиятельных иностранных кругов. «Поражает в литературе сепаратистов ее изобилие, не находящееся ни в каком соответствии с численностью отдельных национальных групп в эмиграции», — отмечал в 1937 году журнал «Современные записки». Трезвомыслящий украинский эмигрант Б. Панейко предостерегал националистов, собирающихся вместе с гитлеровцами в поход на Восток: «Так ли уж можно быть уверенным в сокрушительной победе над СССР, который, что бы ни говорить, является наследником той же России и той же Украины, где столь многие завоеватели пробовали свои силы: монголы, шведы Карла XII, великая армия Наполеона? Не говоря уже о поляках Пилсудского в 1920 году?» [1]

Осознание опасности грядущей войны фашистской Германии с СССР разделило многочисленное русское зарубежье в основном на два лагеря. Первый лагерь составляли «непримиримые» — главари РОВСА (Российского общевоинского союза), фашиствующих группировок и т. д. Они решительно выступали против защиты Советского государства и готовы были отправиться, как и всякого рода «самостийники», на родную землю в обозе армий германских фашистов, чернорубашечников дуче, японских милитаристов. С кем угодно... Только бы против большевиков!

Другой лагерь, прозревший за годы скитаний на чужбине, был убежден в необходимости защиты СССР. Оборончеcкие настроения захватили все слои эмиграции, особенно «низы». Движение было сложным и весьма противоречивым.

Одни безоговорочно признавали достижения Советского Союза, горячо ратовали за возвращение на родную землю. Во Франции был создан Союз возвращения на родину, позднее переименованный в Союз друзей Советской родины и Союз оборонцев. Другие, выступая и против «непримиримых» русских, и против сепаратистов взамен своей поддержки «требовали» от Советской власти «реформ» на родине, «либерализации», «возврата к Февралю». В таком духе выступали например, Керенский и Милюков. Последний, однако, в 1933 году в Пра-

[1] Paneyko B. Autour du probleme ukrainen, Paris, 1939, p. 137.

ге «заявил, что в случае войны эмиграция должна безоговорочно быть на стороне своей родины»[1]. Вся его деятельность в предвоенные и военные годы соответствовала этим заявлениям. Но при этом не следует забывать, что и Милюков и Керенский всегда видели свою родину буржуазной республикой и защищали именно ее.

Другие желали победы Красной Армии в парадоксальной надежде на то, что это приведет к ликвидации... большевизма. Л. Д. Любимов в своих мемуарах «На чужбине» вспоминал, как в одном из публичных докладов Деникин обрушился на тех, кто доказывал, будто стоит только гитлеровским дивизиям хлынуть через советскую границу, как Красная Армия обязательно побежит. «А может, не побежит! — патетически воскликнул Деникин. — Нет, не побежит. Храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков». Такого рода откровения одного из вождей «белого движения» импонировали многим русским эмигрантам, настроенным еще враждебно к Советской власти, но в то же время страдавшим от ностальгии, от ущемления их национального достоинства[2]. Н. К. Рерих, остановившись в 1934 году в Париже по пути из Индии в США, побывал на одном из собраний «оборонцев». Он обратился к присутствующим с яркой приветственной речью. Тогда злобная эмигрантская газета «Возрождение» (в «русском Париже» ее едко и часто именовали «Вырождение») выступила с нападками на Николая Константиновича, его общественную деятельность и заодно против... его творчества.

Пролог разгорающейся второй мировой войны — гражданская война в Испании 1936—1938 годов — зафиксировал во многом изменившееся соотношение сил в российском зарубежье. 1 августа 1936 года харбинская газета «Наш путь» опубликовала интервью испанского профессора Е. Афенисио под заголовком «Испанское восстание подняли русские эмигранты, чины иностранного легиона в Марокко». «Это сделали, как я совершенно убежден, ваши русские эмигранты, — сказал профессор. — Убеждение мое основывается на том факте, что, во-первых, я только 35 дней назад видел моих

---

[1] Мейснер Д. И. Миражи и действительность. М., 1966, с. 231.

[2] Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981, с. 169.

друзей, приехавших перед моим отъездом из Марокко, которые мне передали о замыслах иностранного легиона, где русские составляют наибольший процент как солдат, так и офицеров, а с другой стороны, и теми настроениями, которые окружали русских в Испании. Первые события, какие я знаю из телеграмм, начались в Мелилле и Цеуте, гарнизонах Испанского Марокко, где как раз стояли части, исключительно состоящие из русских эмигрантов... Как известно, в последнее время у нас к власти пришел «народный фронт». Красные командиры были фактическими руководителями политики Мадрида. Поэтому красные, которые уже давно косились на белых эмигрантов, в последнее время подняли вопрос об их выселении из пределов Испании вообще. Русских же в самой Испании живет немного, но в колониях — достаточно большое число. Они все были связаны узами симпатии с нашими националистическими организациями... Русские эмигранты платили красным такой же ненавистью и всячески старались уже давно уговорить своих испанских друзей выступить против красных комиссаров. Русские при этом делились своим опытом в борьбе с большевиками, и к их мнению очень прислушивались в наших военных кругах. Поэтому я убежден, что восстание в Марокко, которое перекинулось сейчас и на континент, дело рук ваших соотечественников, которые первые предоставили в распоряжение восстания свою реальную силу в лице полков нашего иностранного легиона».

Немецкая разведка использовала «нацмальчиков» из яро антисоветской организации НТС для совершения диверсионных актов против Испанской республики. Энтеэсовцы, например, организовали поджог самолетов, купленных для республиканской армии, на французском аэродроме Туссю-Пари.

Один из руководителей «Русского общевоинского союза» (РОВС), генерал П. Шатилов, отмечал, что в Испании «продолжается вооруженная борьба белых против красных сил». Генерал вел переговоры о направлении добровольцев из белоэмигрантов во франкистскую армию. Правда, желающих воевать оказалось всего около семидесяти человек, а затем часть из записавшихся раздумала ехать. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (бывший князь Шаховской), многие послевоенные годы ведущий религиозные передачи «Голоса Америки», стал

духовным наставником батальона франкистских мятежников. Но далеко не все эмигранты солидаризировались с франкистами.

Честные люди планеты поднялись на борьбу с мятежниками-франкистами, получившими благословение Гитлера и Муссолини при лицемерно-предательском молчании большинства западных государств. Политика «невмешательства» Парижа и Лондона фактически отдала республиканскую Испанию на растерзание путчистам и германо-итальянским интервентам. Не поддержала фашистских прихвостней из белоэмиграции и масса российского зарубежья, особенно ее «низы».

Без малого три года — 32 месяца — отмерила история Испанской республике. Эти 986 дней ее героического существования освещены ярчайшим проявлением международной солидарности — прежде всего в создании легендарных интернациональных бригад. Луиджи Лонго, бывший в то время генеральным комиссаром интербригад, отмечал, что «их численность за период с осени 1936 года до лета 1938 года превысила 30 тысяч бойцов, съехавшихся почти со всех стран Европы, из Северной и Южной Америки и даже из Африки, Индии и Китая».

Будущие полководцы и военачальники Великой Отечественной войны К. А. Мерецков и Р. Я. Малиновский, А.И. Родимцев и М. И. Неделин, Н. Н. Воронов и П. И. Батов стали помощниками руководителей молодой республиканской армии. Героически сражались с франкистами советские летчики, артиллеристы, танкисты. Каждый шестой из добровольцев — летчиков и танкистов — не вернулся на Родину.

Среди «волонтеров свободы» — бойцов интербригад — было немало наших зарубежных земляков, по самым различным причинам оказавшихся вдали от Родины. Многие русские, белорусы, украинцы, уехавшие до 1917 года в поисках лучшей доли за океан — в США, Канаду, Бразилию, Аргентину, — вступили в испанскую республиканскую армию и отважно боролись с фашистами. Так, сотни российских эмигрантов из Канады были представлены не только в канадском батальоне имени Маккензи-Папино, но и в XIII интербригаде имени Домбровского и в балканском батальоне имени Димитрова. Интербригадовцами стали около восьмидесяти членов русских рабоче-фермерских клубов из Канады.

«Семнадцать из них погибли в битве за правое дело испанского народа — Назар Демьянчук, Иван Демидюк, Самуил Шумик, Гавриил Шишов, Корнил Жигаревич, Антон Мартынюк, Михаил Кодебский, Илья Авиезор, Степан Корнейчук, Андрей Сыч, Иван Лукашевич, Феофил Харчук, Григорий Сусь, Даниил Вознюк, Игнатий Деркач, Михаил Нестерук и Владимир Бегель»[1].

Несколько сот белоэмигрантов (по некоторым данным, около тысячи человек) сражались на стороне республиканцев. В славную летопись интернациональных бригад вошли имена русских эмигрантов П. Н. Пелехина, А. А. Эйснера, Д. Г. Смирягина. Заместителем командующего республиканской авиацией являлся М. В. Кригин. Политкомиссар одной из интербригад, Лидле, работавший в Париже шофером такси, посмертно был удостоен почетной золотой медали. Правительство республиканской Испании передало медаль дочери Ф. Ф. Лидле в Париже через Всеобщую конфедерацию труда. «Я умираю как большевик за рабочее дело, и мое последнее желание, чтобы вы позаботились о том, чтобы моя Таняшка была отправлена в СССР[2], — писал перед смертью Федор Федорович.

С насыщенной хроникой «Русские эмигранты в рядах антифашистов» знакомил читателей выходивший во второй половине 30-х годов в Париже «оборонческий» журнал «Наша Родина».

После окончания второй мировой войны вернулись на Родину бывшие гардемарины царского флота Н. Н. Роллер, получивший звание лейтенанта республиканской армии, и Г. В. Шибанов, политкомиссар интербригады (в 1965 году Георгий Владимирович за активное участие во французском движении Сопротивления был награжден орденом Отечественной войны I степени; скончался он в 1970 году).

Иван Иванович Троян — еще один герой французского Сопротивления, погибший в 1944 году в гестаповском застенке и награжденный посмертно орденом Отечественной войны, был также бойцом республиканской армии. «Бывший поручик И. И. Остапченко поехал в Испанию из Эльзаса. Он командовал ротой в батальоне имени Домбровского и под Гвадалахарой был тяжело

---

[1] Куликов Н. Г. Честь и достоинство русского имени. М., 1973, с. 37—38.

[2] Наша Родина, Париж, 1937, № 1, с. 12.

ранен в грудь. Известно, что капитаном республиканской армии стал сын Б. В. Савинкова — Лев Савинков» [1].

Немало ярких свидетельств о встречах с эмигрантами — бойцами интернациональных бригад, — их патриотизме и смелости имеется в мемуарах советских людей, сражавшихся на испанской земле. Генерал армии П. И. Батов вспоминал, как однажды приемник поймал передачу московской радиостанции:

«Не передать радости, охватившей всех, когда радио донесло до нас мелодию самой популярной в те годы советской песни «Широка страна моя родная». У окон виллы я увидел десятки добровольцев. Плечом к плечу стояли не только наши, советские граждане, но и русские эмигранты. Все как зачарованные слушали песню, доносившуюся из далекой Советской страны. У многих на глазах были слезы...

Откровенно признаюсь, что до той минуты я относился с недоверием, а порой даже и с неприязнью к русским белоэмигрантам, вступившим в интернациональную бригаду. Ведь, вольно или невольно, они предали Родину в самые тяжелые для нее годы гражданской войны. Но в тот момент я прочел на их лицах искреннее раскаяние.

Впоследствии мое убеждение в искренности раскаяния эмигрантов подтвердилось многими другими фактами. Во время тяжелых боев на наш наблюдательный пункт пришел начальник медицинской службы бригады доктор Хельбрунн.

— Вас очень просит зайти тяжелораненый, — сказал он.

Я опустился на противоположный скат высоты и увидел на носилках русоволосого человека средних лет. Голубые глаза его были устремлены куда-то вдаль и смотрели с тоской. Когда я подошел, он тихо проговорил:

— Умираю... Передаю через вас Родине: я очень хотел увидеть новую русскую землю...»

Ответственный и высокий пост члена военного совета, командующего артиллерией Арагонского фронта, занимал полковник В. К. Глиноедский. О встречах с ним рассказал писатель Илья Эренбург:

«Когда совещание кончилось, Хименес подошел ко мне и представился: «Полковник Глиноедский». Имя я

---

[1] Шкаренков Л. К. Указ. соч., с. 173.

помнил: еще в Париже меня просили передать в испанское посольство, что полковник Глиноедский — русский эмигрант, член Французской коммунистической партии, хороший артиллерист — хочет сражаться на стороне республиканцев.

Рассказывали, будто в годы гражданской войны полковник В. К. Глиноедский под Уфой воевал против Чапаева. Не знаю, правда ли это, — он со мною никогда не заговаривал о своем прошлом; знаю только, что он был в белой армии и в Париже стал рабочим. В Барселону он приехал одним из первых, еще не было интербригад. Он попал в батальон «Чапаева», поразил немногочисленных испанских офицеров, оставшихся верными правительству, своими военными знаниями, его перевели в штаб колонны...

...Человеком он был на редкость привлекательным, смелым, требовательным, но и мягким. Прошел он нелегкий путь, это помогало ему терпеливо сносить чужие заблуждения. Он настаивал на том минимуме дисциплины, без которой невозможно было удержать занятые позиции. Два раза анархисты хотели его расстрелять за «восстановление порядков прошлого», но не расстреляли — привязались к нему, чувствовали, что он верный человек. А Глиноедский говорил мне: «Безобразие! Даже рассказать трудно... Но что с ними поделаешь? Дети! Вот хлебнут горя, тогда опомнятся...»

Анархисты были уверены, что Хименес приехал из Москвы и отрицает это по дипломатическим соображениям. Узнай они, что он был белым, они бы его тотчас расстреляли. В ноябре в Каталонию приехали военные действительно из Москвы, и все они говорили испанцам, что полковник Хименес — советский командир. Его авторитет рос, он стал советником Арагонского фронта...

Член военного совета Арагонского фронта, полковник Хименес как-то сидел со мной и расспрашивал про Россию, вспоминал детство. Я сказал ему: «Ну вот, после войны сможете вернуться домой...» Он покачал головой: «Нет, стар я. Это, знаете, хуже всего — оказаться у себя дома чужим человеком...» Он помолчал и начал говорить о положении на фронте.

При последней встрече он мне показался очень усталым. Я не раз видал на войне, как люди от усталости становятся неосторожными, кажется, что их притягивает смерть. Член военного совета, командующий артил-

лерией фронта пошел с десятком бойцов в разведку. Он был смертельно ранен. Сестра рассказывала, что в полевом госпитале он что-то говорил по-русски, никто не мог его понять.

Полковника Хименеса хоронила вся Барселона. За гробом шли Компанис, Антонов-Овсеенко, представители правительства, армии, всех политических партий. Анархисты несли венок с красно-черной лентой: «Дорогому товарищу Хименесу» [1].

— Черт знает что! — разводил руками в те дни в Париже издатель злобной эмигрантской газеты «Возрождение» Гукасов. — Думаю, думаю и никак не пойму, как это могло получиться: русские эмигранты, а сражаются за революцию?

...Пока гукасовы недоуменно разводили руками, лучшие представители русского зарубежья держали на испанской земле первый открытый бой с фашизмом.

«Во встретившейся колонне машин штаба 14-й интернациональной бригады меня ожидал сюрприз, — писал маршал Р. Я. Малиновский. — Долго и безуспешно объяснялся я по-французски с капитаном, представившимся комендантом штаба. Вдруг слышу:

— Я вижу, вы русский, так давайте и говорить по-русски...

Долго буду помнить я тебя, капитан Кореневский, бывший петлюровец, эмигрировавший во Францию и оказавшийся все-таки по нашу сторону баррикад! Это был изумительно храбрый человек. Он самоотверженно дрался с фашистами».

Как мы видим, в рядах борцов за испанскую демократию находилось немало наших зарубежных земляков. Они с честью и отвагой представляли свою Родину в тяжелой схватке с поднимающейся коричневой чумой. И история их участия в гражданской войне в Испании 1936 — 1938 годов практически не написана. Тема эта еще ждет своих исследователей...

К началу второй мировой войны совершенно очевидным становится крах белоэмигрантских иллюзий о возможности вернуться на Родину на белом коне. Лишь ничему не научившиеся «непримиримые» жаждали вернуться в родные места в обозе фашистских завоевателей.

---

[1] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Книги третья и четвертая. М., 1963, с. 568—570.

Крах же реставрационной идеологии белоэмиграции был налицо. «Эмигрантам не суждено было стать ни освободителями, ни организаторами своей родины. Если еще возможно рисовать себе картины политического воздействия со стороны эмиграции в будущем, то, очевидно, такое воздействие могло бы быть только идейным: воздействовать пришлось бы на обладателей реальной силы, то есть на тех неведомых людей, которые народились за эти годы в России, — отмечал в статье «Конец зарубежья» эмигрантский публицист Ю. Рапопорт, которого трудно заподозрить в симпатиях к коммунистической идеологии, — но, очевидно, для этого идея зарубежья со стремлением к внешнему единству, с боязнью ярких формул и с непоправимым смешением бытовых и политико-революционных задач является совершенно непригодной» [1].

Окончательный раскол белой эмиграции завершила вторая мировая война.

...Около пяти часов вечера 23 февраля 1942 года из парижской тюрьмы Фрэн в пригородный форт Монт-Валериен под усиленной охраной доставили семерых приговоренных к смертной казни участников подпольной организации «Национальный комитет общественного спасения». Среди них находились и руководители этой организации — русские эмигранты Борис Вильде и Анатолий Левицкий. В прощальном письме к жене Ирэн за несколько часов до расстрела Борис писал: «...знал уже, что это будет сегодня. Вы могли убедиться, что я не дрожал, а улыбался, как всегда. Да, я с улыбкой встречаю смерть...» Левицкий за день до казни пишет своим родным и друзьям: «Я не ожидал столь быстрой развязки, но, быть может, лучше, что это так. Я готов уже давно и совершенно спокоен».

У стены, где должна была состояться казнь, не хватило места, чтобы расстрелять сразу семерых. Вильде и Левицкий попросили, чтобы им не завязывали глаза и расстреляли последними...

Борис Вильде и Анатолий Левицкий вступили в схватку с фашизмом еще до вероломного нападения гитлеровцев на их Родину. Именно они — создатели одной из первых антифашистских организаций, образованной в августе 1940 года, вскоре после оккупации Пари-

[1] Современные записки, 1939, № 69, с. 381.

жа немцами, дали название антифашистскому движению во Франции «Резистанс» («Сопротивление»). В передовой статье первого номера подпольной газеты «Резистанс», который вышел 15 декабря 1940 года, Борис Вильде писал: «Сопротивляться!» — Этот крик идет из глубины ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое ввергло вас несчастье... Это голос всех, кто не смирился, всех, кто хочет выполнить свой долг».

Группа «Музея человека» (так еще во Франции называли возглавляемую Вильде и Левицким антифашистскую организацию) до конца выполнила свой долг. В «Истории Сопротивления» о ней сказано: «Вильде и Левицкий выполняли самые разнообразные функции. Они не ограничивали свою деятельность ни территориальными рамками, ни специальными заданиями. Шла ли речь о спасении английских летчиков, о переброске их через Испанию в Англию, о переправке людей в армию де Голля в Африку, о сборе сведений об аэродромах или секретных базах подлодок, об организации мелких боевых групп, об антифашистской пропаганде, распространении листовок во всех доступных местах — Вильде никогда не говорил, что это его не касается. Наоборот, он считает, что его долг — взять на себя все, что поможет Сопротивлению». Анатолий Левицкий практически отвечал и за издание «Резистанса». Все статьи проходили через его руки, он сам отпечатал в типографии «Музея человека» два первых номера в газете. Когда многие во Франции опустили руки, сломленные гитлеровской мощью, группа «Музея человека», объединившая в основном представителей интеллигенции, как и организации, созданные французскими коммунистами, стремились сколотить единый фронт борьбы против оккупантов. За семь месяцев неравного противоборства — с июля 1940 года по март 1941 года — было сделано немало... Предательство прервало антифашистскую деятельность группы.

Начался новый этап борьбы. Допросы, пытки, очные ставки в тюрьме Фрэн не сломили духа Бориса Вильде и Анатолия Левицкого. Особенно жестоким пыткам подвергался Левицкий. Но фашисты не узнали от него ничего. Вильде, находясь в заключении, создал свои знаменитые «Диалоги в тюрьме», которые можно сравнить с «Репортажем с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Предчувствуя смертный приговор, он писал о собственном

пути от «я» к «мы», о чувстве ответственности перед человечеством. «Диалоги» — это высокая поэзия, проникнутая жаждой жизни. Прочтя их, еще сильнее постигаешь силу духа и мужество Бориса Вильде.

Десять месяцев тюремного заключения окончились шумным 40-дневным судебным процессом, всколыхнувшим всю Францию. Немецкий военный суд вынес 17 февраля 1942 года смертный приговор Вильде, Левицкому и их пятерым товарищам. В последнем слове Борис о себе не говорил, его речь целиком была посвящена одному — защите жизни «Мальчугана», самого молодого участника подпольной группы.

3 ноября 1943 года генерал де Голль в Алжире подписал приказы о посмертном награждении медалью Сопротивления Бориса Вильде и Анатолия Левицкого.

...На парижской площади Трокадоро высится здание всемирно известного этнографического «Музея человека». Каждого посетителя встречает в вестибюле музея мраморная доска. На ней выгравировано:

«Борис Вильде (1908—42), русский, принявший французское гражданство, окончил историко-филологический факультет и Этнографический институт, работал при европейском отделе Музея человека. Мобилизован во французскую армию в 1939—40 гг. Во время оккупации был предан суду и расстрелян 23 февраля 1942 года. Награжден медалью Сопротивления согласно следующему приказу: «Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 года. Арестован гестапо и приговорен к смертной казни. Своим поведением во время суда и под пулями палачей явил высший пример храбрости и самоотречения».

«Анатолий Левицкий (1901—42), русский, принявший французское гражданство, окончил историко-филологический факультет и Этнологический институт, был заведующим одним из отделов Музея человека и самым деятельным организатором этого музея известен своими трудами о шаманах. В 1939—40 гг. мобилизован во французскую армию. Во время оккупации был предан суду и расстрелян 23 февраля 1942 года. Награжден медалью Сопротивления согласно следующему приказу: «Левицкий. Выдающийся молодой ученый,

с самого начала оккупации, в 1940 году, принял активное участие в подпольном Сопротивлении. Будучи арестованным гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение».

Эмигрантов из России, включившихся в борьбу с фашизмом до нападения фашистской Германии на Советский Союз, было немало. Во время так называемой «странной войны» во французскую армию «было мобилизовано около 6000 русских... и многие были убиты, ранены и заслужили боевые отличия» [1].

...И вот несут. Глаза в тумане.
И в липкой глине сапоги.
А в левом боковом кармане
Страницы Тютчева в крови.

Заключительное четверостишие из стихотворения лейтенанта французской армии Н. Оболенского, посвященного памяти геройски погибшего в 1940 году в бою под Сент-Менульдом лейтенанта маршевого полка иностранных волонтеров А. Зборовского, обошло затем многие эмигрантские журналы и сборники.

Отца известной французской киноактрисы Марины Влади, коренного москвича Владимира Васильевича Полякова-Байдарова, во Францию забросила первая мировая война. Он был летчиком-добровольцем в составе Русского экспедиционного корпуса, сражавшегося на чужой земле за интересы русской и англо-французской буржуазии. Перед второй мировой войной В. Поляков-Байдаров изобретает устройство для быстрого снижения скорости самолета в полете. Естественно, такое изобретение представляло большую ценность для военной авиации, и его автор надеялся на приличное вознаграждение, которое бы не помешало скромно живущей семье русского эмигранта. Когда немцы оккупировали Париж, они узнали об изобретении и предложили за него В. Полякову-Байдарову большую сумму. Он сжег чертежи и бежал на юг Франции. Как и В. Поляков-Байдаров, многие русские эмигранты не желали сотрудничать с немецкими оккупантами.

---

[1] Ковалевский П. Е. Указ. соч., т. 1, с. 231.

За Советскую Россию или за фашистскую Германию

22 июня 1941 года каждого выходца из России, проживающего за рубежом, заставило ответить на вопрос: «Каково мое подлинное отношение к Родине?»

Ответы были разные.

Многие непримирившиеся «бывшие» в этот день приглашали друг друга в гости в псковские или рязанские имения, считая, что теперь-то они непременно туда вернутся...

Многие эмигранты явились в этот день в советские представительства в разных странах с просьбой направить их в Красную Армию и дать им возможность защищать родную землю.

На бывшем здании русского посольства в Белграде в этот день был вывешен плакат «Победа Германии — воскресение России».

«Кончилось двадцатилетие, тусклое и тяжкое, но, по существу, безответственное внутренне беспечное эмигрантское бытие. Впервые за эти двадцать лет каждый поставлен перед необходимостью в последний раз выбрать — «за» или «против». За народ, но и непременно вместе с его теперешней властью или по-прежнему против этой власти, но и — и на этот раз особенно остро — непременно против народа (...). Для каждого из эмигрантов пришли дни самые страшные и самые суровые, грозные... Каждый предоставлен только самому себе, своему разуму и совести, каждый вновь сам решает свою судьбу — как в годы гражданской войны. Ошибутся и на этот раз? Почти уверен, что нет»[1]. Такую запись делает в своем дневнике 23 июня 1941 года эмигрант Николай Рощин, ставший затем бойцом Сопротивления.

Героическая борьба советского народа заставила перетряхнуть свой идейный багаж даже многих деятелей российской зарубежной контрреволюции. Война, вспоминал Василий Шульгин, один из лидеров монархически настроенного крупного дворянства дореволюционной России, на многое открыла глаза. В 1941 году, по его признанию, он так думал о Советской власти: «Пусть только будет война!» Пусть только дадут русскому на-

---

[1] Рощин Н. Я. Дневник. — В кн.: Встречи с прошлым. М., 1978, с. 276.

роду в руки оружие. И он свергнет ее!» Но война началась, и народ, получив в руки оружие, не только «не свергнул Советскую власть, а собрался вокруг нее и героически умирал в жестоких боях». Истекая кровью, он дрался за Родину, и для Шульгина, как и для многих других эмигрантов, стало ясно, что «своей родиной эти люди считают Советский Союз, а Советскую власть считают своей властью».

«22-е июня 1941 года, день вторжения германских полчищ в Советский Союз, является не только поворотным моментом в ходе мировой войны: это дата, с которой начался глубокий сдвиг для громадного большинства наших читателей, — писала газета «Русские новости», подводя итоги эволюции взглядов белоэмиграции за военные годы. — Русские во Франции разделились на две непримиримые части. Это не было больше делением на «правых» и «левых», — делением, которое становилось все более и более условным. Деление произошло по другому признаку: сообразно отношению каждого к происходящей борьбе. Лишь меньшинство пошло за Германией, причем часто даже не по идейным, а по своекорыстным мотивам личной наживы. Большинство стало на позицию необходимости защиты Родины и постепенно шло к признанию советского правительства национальной властью» [1].

Вспомним ленинское высказывание 1918 года о патриотизме. «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны...» (т. 37, с. 190). Крестьянство и вся мелкобуржуазная демократия, по Ленину, «шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства, потому что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе, как иностранными штыками» (т. 37, с. 215—216).

---

[1] Русские новости. Париж, 1945, № 1, 18 мая.

В связи с ростом патриотических настроений в среде русского зарубежья после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз газета «Правда» отмечала 13 ноября 1941 года, что «у известной части русской эмиграции, в частности молодежи, которая сама лично не боролась против Советской власти, живет и национальное чувство, чувство Родины. Этому чувству гитлеризм с его программой уничтожения и порабощения славянских народов особенно чужд... Только отдельных негодяев, совершенно растленных людей, лишенных всех следов национальной чести и совести, Гитлер нашел среди русских и украинских белоэмигрантов. Расчет немецких фашистов на то, что русские и украинские люди, хотя бы и враждебные большевизму, в сколько-нибудь значительном числе пойдут на подлейшую национальную измену и отдадут Россию в услужение немецким баронам, оказался еще одним просчетом Гитлера».

Патриотизм немалой части эмиграции стал поворачивать «в нашу сторону» лишь в годы Великой Отечественной войны, когда они увидели и поняли, что вставшее в полный рост во время войны героическое прошлое России органически соединяется с настоящим и будущим Советского Союза. «Через любовь к России мы пришли к пониманию СССР, к великому уважению к этой стране. Мы ясно увидели свое будущее. Оно с Россией. Обойтись без нее мы не смогли» [1], — писала в шанхайской газете «Новая жизнь» Наталия Ильина (она попала после гражданской войны в Китай ребенком вместе с семьей; после своего возвращения на Родину написала интересные книги автобиографической прозы «Возвращение», «Судьба», «Дороги» и продолжает работу в этом жанре).

В военные годы значительно обострилось чувство отверженности и раскаяния в среде российских эмигрантов.

Нам осталось очень, очень мало!
Мы не смеем ничего сказать.
Наше поколение сбежало,
Бросило свой дом, семью и мать...
И, пройдя весь ад судьбы превратной,
Растеряв начала и концы,
Мы стучимся к Родине обратно,
Нищие и блудные отцы!

---

[1] Ильина Н. В защиту оборонцев. — Новая жизнь. Шанхай, 1942, 11 октября.

Что мы можем? Слать врагу проклятья?
Из газет бессильно узнавать,
Как идут святые наши братья
За родную землю умирать? —

пел Александр Вертинский в песне «Наше горе», сложенной в 1942 году в Шанхае.

О повороте «в нашу сторону» части белоэмиграции в минувшую войну пишут и серьезные западные исследователи истории российского зарубежья. Американский историк Роберт Джонстон в насыщенной богатым фактическим материалом статье «Великая Отечественная война и русские изгнанники во Франции» делает вывод, что именно Сталинград стал поворотным пунктом в оценке перспектив войны всем миром и «русскими изгнанниками», рассеянными едва ли не по всей оккупированной фашистами Европе. «Самым значительным,— пишет он, — был тот факт, что с начала второй зимы советско-германской войны эмиграция осознала свое явно ошибочное мнение о советском обществе и его правительстве по одному узловому пункту: Сталин и народ были едины» [1].

Как в годы революции и гражданской войны, зарубежным россиянам надо было принимать решение и в годы Великой Отечественной войны. С кем и против кого сражаться — с фашизмом или социализмом? Как относиться к судьбе своего Отечества — быть заодно с его врагами или бороться с ними? Третьего пути практически не было дано. Лишь ничтожная часть российского зарубежья смогла «отсидеться» в годы второй мировой войны.

«Русские патриоты» из недобитых белогвардейцев просили немцев использовать их для участия в борьбе, начатой «третьим рейхом». Рвались в бой с большевиками генералы в обветшалых мундирах — Головин и Кусонский во Франции, Абрамов в Болгарии. Бискупский и фон Лампе в Германии. В Югославии свирепствовал карательный «охранный корпус» под командованием белогвардейского генерала Штейфона, в формировании которого активное участие приняли карловацкие раскольники во главе с митрополитом Анастасием

---

[1] Johnston R. H. Great Patriotic Warand and the Russian Exiles in France. — The Russian Review. Julu 1976. vol. 35, N 3, p. 307.

из так называемой «русской зарубежной церкви», благословлявшие на «ратный подвиг всех антибольшевистских борцов» и «великого вождя германского народа». Командовавшие воинскими частями, состоявшими из предателей Родины, белогвардейские генералы Шкуро и Султан-Гирей Клыч, произведенные немцами в генерал-майоры Доманов и Семен Краснов, его дядя — «знаток казака и его души» — атаман Петр Краснов были повешены в 1947 году по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Но были в эмиграции и другие генералы. Генералы, заслужившие высокое воинское звание в борьбе с фашизмом. Так, генерал-майором Югославской народноосвободительной армии стал русский эмигрант Владимир Смирнов, во время войны занимавший пост начальника технического отдела Верховного штаба НОАЮ. Бывший полковник царской армии Федор Евдокимович Махин, чьи точные по своей объективности и прозорливости довоенные прогнозы действий гитлеровской армии вспоминались после 1945 года многими, всю войну являлся одним из руководителей отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и начальником его исторического отдела. Умер Ф. Е. Махин в июне 1945 года в звании генерал-лейтенанта НОАЮ.

Из вождей белого движения до второй мировой войны дожил — и пережил ее — лишь А. И. Деникин[1]. После начала военных действий он переехал в маленький городок Мимизан под Бордо, рядом с которым немцы начали возводить Атлантический вал (примечательно, что в то же время одними из основных подрядчиков огромнейшего строительства были русские эмигранты отец и сын Ошмянские). В конце 1942 года Деникину от имени немецкого командования было предложено перебраться «на самых лестных условиях» в Берлин, «но, в противоположность многим генералам, он весьма решительно и с риском для себя отклонил всякую мысль о сотрудничестве с врагами России»[2].

Другой «зубр» российской эмиграции, П. Н. Милюков, на излете своей жизни — он умер 31 марта 1943 года в городке Экс-ле-Бэне на юге Франции — написал статью «Правда большевизма». Она являлась ответом

[1] А. И. Деникин умер в 75-летнем возрасте 8 августа 1947 года в клинике Мичиганского университета (США).

[2] Русские новости. Париж, 1947, № 115, 15 августа.

на опубликованную в нью-йоркском «Новом журнале» статью «Правда антибольшевизма». Ее автор М. Вишняк, в частности, утверждал, что «общее отношение русского населения к большевистскому режиму осталось таким же враждебным, каким оно было в голодные годы. Русский народ проявляет сейчас чудеса храбрости не благодаря советскому режиму, а вопреки режиму». Милюков ему отвечает: «Утверждать, что отношение к власти армии и населения сплошь «остается враждебным», — значит присоединиться к ожиданиям неприятеля, тоже не сомневавшегося, что народ восстанет против правительства и режима при первом появлении германских штыков. В действительности этот народ в худом и в хорошем связан со своим режимом. Огромное большинство народа другого режима не знает. Представители и свидетели старого порядка доживают свои дни на чужбине. Народ не только принял советский режим как факт, он примирился с его недостатками и оценил его преимущества. Советские люди создали громадную промышленность и военную индустрию, они поставили на рельсы нужный для этого производства аппарат управления. Упорство советского солдата коренится не только в том, что он идет на смерть с голой грудью, но и в том, что он равен своему противнику в техническом знании, вооружении и не менее его развит профессионально».

Милюков говорит о некоторых русских людях, пошедших вместе с немцами «освобождать Россию от сталинского режима» и приведших много невольных признаний «оттуда», опровергающих доводы Вишняка о ненависти народа к режиму. Он подчеркивает, что советские люди оказались намного развитее досоветского поколения: «Советский гражданин гордится своей принадлежностью к режиму... Он не чувствует над собой палку другого сословия, другой крови, хозяев по праву рождения».

«Русские изгнанники» всячески уклонялись от немецкой регистрации и направления на принудительные работы. Желая сделать подконтрольной жизнь эмигрантов в Германии и Франции, фашисты создали «управления делами русской эмиграции». В Париже оно разместилось в одном из лучших домов города на рю Гальера. Начальником «управления» стал промышлявший до войны танцами некий Жеребков, внук одного

из генерал-адъютантов Николая II. Но «русские парижане и парижанки» не спешили в особняк на рю Гальера... Выходящий из себя «русский фюрер» Жеребков грозил, что эмигранты, «которые должным образом не зарегистрированы... будут находиться на положении граждан СССР» [1]. Но угрозы не действовали. Примерно половине из 60 тысяч русских с нансеновскими паспортами (то есть не имевшими французского гражданства) удалось избежать принудительной регистрации.

Гроза второй мировой войны высветила в среде российского зарубежья много активных антифашистов и стойких патриотов. Они шли на подвиги, а часто и на смерть в борьбе с коричневой чумой, движимые ненавистью к фашизму и силой любви с родной земле и родному народу. И Советская Родина не забывает их имена...

19 июня 1978 года нам довелось присутствовать в советском посольстве в Брюсселе при вручении ордена Отечественной войны I степени, которым была посмертно награждена национальная героиня Бельгии М. А. Шафрова-Марутаева, ее мужу Ю. Н. Марутаеву. Марина Александровна обезглавлена 31 января 1942 года перед строем эсэсовцев во дворе Кёльнской женской тюрьмы за убийство в Брюсселе двух высокопоставленных офицеров, ей было всего 33 года... Она стойко держалась на допросах в гестапо, заявив, что хотела помочь своему Отечеству победить его врагов.

— Но ведь у вас двое детей! Понимаете ли вы, что вы сделали?

— А когда вы убиваете советских людей и красноармейцев, думаете ли вы о том, что у них тоже есть дети, которые остаются сиротами?

— Сожалеете ли вы о том, что совершили?

— Нисколько. Если бы я была сейчас на свободе, то

---

[1] Парижский вестник, 1943, № 53, 19 апреля, с. 7. Интересно, что 1 сентября 1939 года, когда Франция объявила себя в состоянии войны с гитлеровской Германией, «многие префектуры арестовали... поголовно всех русских, так как СССР был союзником Германии и тем самым враждебной страной, и все русские рассматривались ими как советские граждане (имеется в виду пакт о ненападении, заключенный нашей страной с Германией в 1939 году. — *А. А.*). Они были освобождены только через 48 часов по распоряжению из Парижа». — Ковалевский П. Е. Указ. соч., т. 1, с. 231.

продолжала бы до последнего вздоха бороться против фашизма.

Простая русская женщина, волею судьбы попавшая в Бельгию, Марина Александровна пожертвовала своей жизнью для того, чтобы вдохновить бельгийский народ на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В Бельгии ее часто называют «нашей Жанной д'Арк», она посмертно награждена высшими бельгийскими военными орденами.

Высшими наградами Франции — орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами и медалью Сопротивления — посмертно награждена и княгиня Вера Аполлоновна Оболенская (Вики, как ее называли друзья), выполнявшая почти три года ответственные поручения подполья.

Когда в декабре 1943 года ее арестовали, следователь гестапо недоумевал, как могла она, русская княгиня, такая красивая женщина, участвовать в Сопротивлении вместе с коммунистами. Он предложил ей «одуматься», рассказать все и тем помочь Германии в «освобождении» России. «Вы не освободители, а поработители России, — ответила Оболенская. — Я прожила почти всю жизнь во Франции, но я русская и никогда не изменю ни моей Родине, ни стране, где я выросла». За исключительное мужество, с каким она держалась на допросах, ее прозвали «Княгиня Ничего не знаю». В. А. Оболенскую ждала такая же страшная казнь, как и М. А. Шафрову-Марутаеву: 4 августа 1944 года фашистские палачи отрубили ей голову в берлинской тюрьме Плетцензее. И как Шафровой-Марутаевой, ей было 33 года. Английский фельдмаршал Монтгомери, подписывая 6 мая 1946 года приказ о ее награждении, отмечал: «Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными Верой Оболенской, которая в качестве добровольца Объединенных Наций отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной» [1].

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся

---

[1] Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947, № 2, с. 57.

против гитлеровской Германии», от 18 ноября 1965 года В. А. Оболенская посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени. Этим же Указом были посмертно награждены орденами Отечественной войны II степени бывшие белые офицеры Иван Иванович Троян и Алексей Петрович Дураков. Медалью «За боевые заслуги» посмертно награжден Кирилл Радищев, потомок великого русского писателя и революционного просветителя Александра Радищева, руководивший в оккупированном Париже подпольной группой эмигрантской молодежи «Мщение».

Накануне 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1985 года «О награждении орденами и медалями СССР соотечественников, участвовавших в антифашистской борьбе во Франции в годы второй мировой войны» была отмечена отвага и стойкость сынов и дочерей нашей Родины, навечно вписавших свои имена в историю французского Сопротивления. Орденами Отечественной войны I степени посмертно награждены Борис Владимирович Вильде и Анатолий Сергеевич Левицкий. Замечательные русские женщины, проявившие в борьбе с гитлеровскими поработителями лучшие черты, свойственные нашему национальному характеру, Тамара Алексеевна Волконская и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева посмертно удостоены орденов Отечественной войны II степени.

Жизнь Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, русской поэтессы, мужественного борца против фашизма, известной многим под именем мать Мария, вобрала в себя столько, что с лихвой хватило бы на добрый десяток иных судеб. Сформировавшаяся как личность, как поэт в предреволюционной атмосфере петербургской элиты, она в решающем для России 1917 году оказывается на стороне победившего народа. Лишь роковое стечение семейных обстоятельств приводит к трагическому разрыву с Россией...

Жизнь русской эмиграции, с ее фантастическими планами свержения «антихристов-большевиков», с беспрерывными склоками, безысходностью жалкого существования наложила глубокий отпечаток на личность Елизаветы Юрьевны, сполна отведавшей горького хлеба чужбины. Тяжелые раздумья над отчаяннейшим положением многих близких ей людей в эмиграции и смерть дочери

приводят ее к постригу. Но, став монахиней, она посвящает свою жизнь обездоленным и безработным соотечественникам.

Накануне второй мировой войны «левое» крыло эмиграции, прозревшее за годы скитаний на чужбине, уже было твердо убеждено в необходимости защиты Советского Союза. Оборонческие настроения захватили все слои эмиграции, особенно «низы».

Убежденным оборонцем была и мать Мария. Она отчетливо различает весь мрак, который несет миру германский фашизм. Во главе избранной «расы господ, — писала она в начале 1941 года в статье «Размышления о судьбах Европы и Азии», — стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной» [1]. Все чаще мать Мария чувствует своим сердцем, что не будет «тихо плавать по жизненной зыби». Все упорнее ищет она свой путь служения родной земле.

Когда мать Мария узнала о нападении немецких войск на Советский Союз, она сказала: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет «русский период» истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее. Но какой океан крови». Ее дом на улице Лурмель в Париже превращается в очаг антигитлеровского Сопротивления.

В самые тяжелые дни войны, в декабре 1941 года, она верила в победу:

Ночь. И звезд на небе нет.
Лает вдали собака.
Час грабителя и вора.
Сторож колотушкой будит.
— Сторож, скоро ли рассвет? —
Отвечает он из мрака:
— Ночь еще, но утро скоро,
Ночь еще, но утро будет.

Ради этого светлого утра вступает в схватку с фашизмом мать Мария, ее ближайшие друзья.

---

[1] Гаккель С. Мать Мария. Париж, 1980, с. 158—159.

Дом на улице Лурмель становится укрытием для многих советских людей, бежавших из фашистского плена, французских антифашистов, поляков, евреев. Сбор пожертвований, снабжение документами людей, преследовавшихся гитлеровцами, переправка их к партизанам — такова «благотворительная» деятельность русской монахини», ставшей организатором нелегального «лурмельского комитета». В это же время она создает поэму «Солдаты», героями которой были выведены борцы Сопротивления и коммунисты. На допросе у немецкого офицера арестованный коммунист отвечает:

К народу вашему мы не враждебны.
Нам всякий труженик всегда товарищ.
К насильникам мы лишь непримиримы,
И с немцами у нас одни и те же
Смертельные враги.

В феврале 1943 года гестапо арестовало мать Марию... Последние два года своей жизни она провела в концлагере Равенсбрюк. 30 марта 1945 года — как же были близки освобождение и победа! — мать Мария погибла в газовой камере. Люди, близко знавшие Елизавету Юрьевну в лагере, свидетельствуют, что самым сильным ее желанием, ее излюбленной мечтой было возвращение на Родину. Она часто говорила: «При первой возможности поеду в Россию, куда-нибудь на Волгу или Сибирь. Буду жить и работать среди простых русских людей».

Это почерпнутое из родной литературы и истории стремление служить Родине, «простому народу» и было источником необычайной стойкости, проявленной Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в невыносимых условиях фашистского рабства. Ее соузница вспоминала: «Мы расспрашивали ее об истории России, о ее будущем... Эти беседы и дискуссии являлись для нас выходом из нашего лагерного ада, помогали нам восстанавливать утраченные душевные силы, вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса». До самой смерти она была непреклонна и верна идее добра, правому делу, своему Отечеству, расточая духовную помощь и поддержку всем окружающим.

Примечательна судьба еще одной замечательной русской женщины — Тамары Алексеевны Волконской. Она попала в Константинополь летом 1918 года будучи сестрой милосердия при раненых русских солдатах после

отторжения турками части Закавказья. Став врачом, она в конце 20-х годов перебралась в Париж. Французские власти из-за иностранного диплома не разрешили ей работать по специальности. Пришлось вкупе с другими открыть ателье по пошиву женского платья... Перед началом войны Тамара Алексеевна приобрела ферму в департаменте Дордонь.

Когда немцы заняли французскую столицу, Волконская выехала в Дордонь. «Вы спрашиваете, почему я покинула Париж? Да потому, что там появились немцы, и не просто немцы, а фашисты, которые вызвали во мне отвращение и ненависть к ним, — писала Волконская известному советскому историку французского Сопротивления Г. Нечаеву. — Ведь за короткое время проживания во Франции я успела полюбить эту прекрасную страну, простых французских людей, трудолюбивых, честных, благожелательных, гостеприимных. К тому же у меня с немцами были старые счеты. Мой отец и два брата в первую мировую войну, находясь в 8-й армии генерала Брусилова, сражались с немцами и все трое в 1916 году погибли... Оказавшись в Дордони, я вступила в ряды борцов Сопротивления, стала на защиту Франции, повела антигерманскую пропаганду среди местного населения. Когда же нацистская Германия напала на СССР, моя ненависть к гитлеровцам утроилась. Я беспредельно любила свою Родину и считала своим священным долгом помочь ей в тяжелой борьбе с фашистскими захватчиками...»

Тамара Алексеевна полностью отдается борьбе с гитлеровцами. Ее подпольное имя — Терез Дюбуа. Французские и советские партизаны чаще называли ее «красной княгиней». С 1943 года она занимается организацией партизанских отрядов из советских военнопленных, бежавших из лагерей. «Работа Т. А. Волконской чрезвычайно разнообразна, — отмечалось в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1947, № 2), — уход за ранеными и больными в качестве врача на ее хуторе, превращенном в санпункт, пропаганда и распространение прокламаций... Наконец, борьба с оружием в руках в партизанском отряде. Вместе с этим отрядом она участвовала в боях за освобождение многих городов юго-запада Франции».

В конце марта 1944 года Т. А. Волконская была арестована. Но гестаповцы, несмотря на жестокие пытки

(ей искалечили правую руку), ничего от нее не добились и были вынуждены за неимением улик освободить Тамару Алексеевну. С еще большей энергией продолжила она антифашистскую деятельность. Отметим, что в этом ей помогало немало русских людей, осевших в этом уголке Франции.

После войны Волконская получила советское гражданство, готовилась к возвращению на Родину. Но годы военного лихолетья значительно подорвали ее здоровье. Ей не довелось увидеть родной земли: 3 июня 1967 года она скончалась. Кавалер ордена «Круа де герр франсэз» Тамара Алексеевна Волконская похоронена на кладбище в Плазаке.

Многие наши зарубежные соотечественники, ставшие в ряды антифашистов, называют себя «людьми 22 июня», особо подчеркивая этим связь собственных судеб с судьбой своего Отечества.

В истории европейского Сопротивления немало славных страниц о боевых делах наших зарубежных земляков, сражавшихся плечом к плечу вместе с патриотами Югославии, Бельгии, Италии, Франции и других стран порабощенной Европы против фашистских оккупантов. В самые тревожные для их Родины дни, месяцы и годы, когда

Нас не было в тот день — плечом к плечу, —
Когда враги ломились в наши двери.
И я, как ты, теперь поволочу
До гроба нестерпимую потерю.

И только верностью родному краю,
Предельной верностью своей стране,
Где б ни был ты — в Нью-Йорке иль Шанхае, —
Смягчим мы память о такой вине *(Ю. Софиев)*, —

они мучительно переживали, что в такое грозное время находятся вдали от родной земли. Убежденных антифашистов и истинных патриотов война выявила в российской эмиграции гораздо больше, чем фашистских прихвостней, мечтающих о своих псковских или рязанских усадьбах[1]. Сражались с врагом, разумеется, не только

[1] К концу войны «непримиримые» потянулись к пресловутому власовскому «комитету освобождения народов России» (КОНР). Вместе с власовцами в состав КОНРа «вошли представители: от белоэмиграции — Лампе и Руднев, от «общерусского воинского союза» — генералы белой армии Балабин и Абрамов, руководитель «общерусского воинского союза» на Балканах Крей-

русские, но и украинские, белорусские, армянские эмигранты.

Представитель трудовой эмиграции украинец Иосиф Клищ в июле 1941 года по заданию ЦК ФКП проник в концлагерь Мандан под Парижем и создал там подпольную группу, ставшую во главе восстания узников. В вовлечении армянских трудящихся-иммигрантов во французское Сопротивление большую роль сыграл созданный летом 1941 года «Армянский национальный фронт», работавший под руководством армянской секции ФКП [1]. Комиссаром прославленного интернационального партизанского отряда «Сталинград» был армянский поэт-рабочий, коммунист Мисак Манукян. 23 члена его отряда, организовавшего убийство военного коменданта Парижа фон Шаумбурга и гитлеровского офицера Риттера, ведавшего отправкой рабочих в Германию, были схвачены фашистами в ноябре 1943 года. Мисак Манукян, как и другие армянские писатели-антифашисты — Луиза Асланян, Гегам Атмаджян, — казнен гитлеровцами.

Характерно, что «большинство российских эмигрантов, вступая в подпольную организацию или партизанский отряд, оговаривали это условием: выполнять любые задания, если они не противоречат интересам Советского Союза. Конечно, это условие было, возможно, излишним. Враг у советского и французского народов был один. Но я все же пишу об этом, чтобы показать отношение большинства российских эмигрантов — участников французского Сопротивления — к Советскому Союзу» [2], — вспоминал сын царского министра Игорь Александрович Кривошеин, добывавший для Сопротивления ценнейшую разведывательную информацию. После войны он избирается председателем содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции и председателем Союза советских граждан во Франции [3].

тер, руководитель «национального союза участников войны» Туркул, руководитель парижской белоэмиграции Жеребков и другие». — Неотвратимое возмездие, с. 188.

[1] В довоенные годы во Францию прибыло 65 тысяч армян, бежавших из турецкой Армении. Из них 63 тысячи остались в этой стране. — Фролкин Н. М. Трудовая иммиграция во Франции в новейшее время. Киев, 1975, с. 39.

[2] Кривошеин И. А. Так нам велело сердце. — В сб.: Против общего врага. М., 1972, с. 269.

[3] Русские новости. Париж, 1947, № 115, 15 августа.

Удивительные все-таки судьбы у этих людей! Каждая из них вобрала в себя столько, что с лихвой хватило бы на добрый десяток иных. Вот почему в этой книге мы стремимся побольше рассказать о конкретных людях; ведь дела и судьбы российской эмиграции складывались из дел и судеб отдельных эмигрантов, к которым зачастую никак нельзя подходить с какой-то одной меркой.

Такие люди, как Бердяев, Бунин, Ремизов и другие, с волнением и тревогой следили за героической борьбой советского народа, отказываясь «хотя бы палец о палец ударить для немцев». К ним вполне применимы строки Андрея Белого:

— Россия, страна моя,
Побеждающая змия...
. . . .
И что-то в горле у меня
Сжимается от умиленья.

Бунин, например, гневался на сотрудничавшего во время войны в прогерманских антисоветских газетенках Ивана Шмелева. Он хвалил Николая Рощина, заклеймившего предательские статьи «старичка», «Михеича», как иронически называли они между собой Шмелева: «Ну и нарисовали Вы старичка! Как живой, гадина!» «...Я жил безвыездно на юге, на берегу моря, в доме знакомого врача, — описывал Бунин свое тогдашнее житье. — Жили мы бедно, главным образом в смысле — голодно, попросту временами нечего было есть. У нас с врачом был приемничек, и я на мансарде (дом был трехэтажный) слушал русские передачи. Когда у вас начались салюты, а потом пошли все чаще и чаще, я в некоторые ночи попадал в трудное положение. Помню, както было чуть ли не четыре салюта. Мой хозяин — врач, у него внизу, в подвале, было припрятано немного спирта... Я послушаю салют, какой-нибудь город возьмут — и с верхнего этажа вниз, немножко выпью, пороюсь в шкафах, найду какой-нибудь сухарь, закушу и снова наверх. Через час — опять салют! Опять надо отметить! Опять вниз, опять немножко выпью, опять сухарь, опять наверх... Так, бывало, на радостях и бегал всю ночь вниз и вверх».

В дни Тегеранской конференции Бунин писал: «Нет, вы подумайте, до чего дошло — Сталин летит в Персию,

а я дрожу, чтобы с ним, не дай бог, чего в дороге не случилось». 23 апреля 1945 года он обращается к друзьям: «Поздравляю с Берлином». «Mein Kampf»... повоевал, так его, так! Ах, если бы поймали да провезли по всей Европе в железной клетке!»

Бердяев после освобождения Парижа от немцев не раз передавал в фонд помощи освобожденным советским военнопленным часть гонорара от публичных выступлений. Блестящие победы Советской Армии всколыхнули даже глубинные пласты белой эмиграции, пробудив их активность.

В 1944 году во Франции в среде выходцев из России ходил по рукам документ так называемой «Группы действия русской эмиграции». Составил его Василий Маклаков, в царской России — один из видных политических деятелей, при Временном правительстве — посол во Франции, а затем — активный эмигрантский деятель, стоявший на ярко выраженных антисоветских позициях. Вот к какому выводу пришел Маклаков в упомянутом документе: «После всего того, что произошло, русская эмиграция не может не признать Советское правительство в качестве русского правительства». Но это не все. После освобождения Франции, в феврале 1945 года, Маклаков пришел в советское посольство в Париже во главе группы эмигрантов, таких, как бывший министр Временного правительства Вердеревский, адмирал Кедров, и других. В беседе с советским послом Маклаков, в частности, заявил: «Мы не предвидели, насколько за годы нашего изгнания Россия окрепла. Победоносная Германия принуждена была перед ней отступить. Мы восхищались патриотизмом народа, доблестью войск, искусством вождей. Но должны признать, кроме того, что все это подготовила Советская власть, которая управляла Россией, что в ее руках исход этой войны... Это меняло наше прежнее отношение к ней...»

Советский посол А. Е. Богомолов в ответном слове отметил огромные изменения в психологии и поведении эмиграции за военные годы, но вместе с тем подчеркнул разницу между русским и советским патриотизмом: «Последний шире первого, и его сущность заключается не только в любви к России, но и в принятии всех тех изменений, которые в ней произошли» [1].

---

[1] Шкаренков Л. К. Указ. соч., с. 201—202.

Патриотические чувства захватили и значительную часть многочисленного русского населения на Американском континенте. Среди десятков тысяч выходцев из России, приехавших в поисках лучшей доли за океан еще до 1917 года, значительной части белоэмигрантов, прозревших за годы скитаний на чужбине, развернулась активная деятельность, направленная на оказание помощи советскому народу. С богатой хроникой антифашистского движения наших земляков в Новом Свете можно познакомиться на страницах журнала «Славяне», органа Всеславянского комитета, — его первый номер увидел свет в июне 1942 года.

Рупором прогрессивной эмигрантской общественности в США становится газета «Русский голос». Она помещает на своих страницах военные сводки о том, что происходит на советско-германском фронте — теперь это главный фронт второй мировой войны. Газета несет суровую правду, ничего не скрывая и ни о чем не умалчивая, — вооруженные до зубов фашистские захватчики рвутся к жизненно важным центрам Родины. В газете — письма русских людей Америки, заявления прогрессивных клубов, землячеств, других общественных организаций.

1 июля 1941 года «Русский голос» публикует обращение Национального исполнительного комитета Русско-Американской секции интернационального рабочего ордена (ИРО): «Гитлеровские орды совершили разбойное нападение на нашу Родину. Мало им было пролитой крови других народов, они решили осуществить свой кровавый поход на Восток, против страны рабочих и крестьян — Союза Советских Социалистических Республик. Трудящиеся Америки, всех стран желают Советскому Союзу победы над гитлеровскими полчищами. Англия и США обещали свою поддержку Советскому Союзу. Своими настойчивыми требованиями обеспечим оказание незамедлительной помощи СССР. Мы обращаем свой призыв ко всем американским братским организациям, которые не хотят, чтобы мир был порабощен фашизмом: объединим наши усилия в единодушном требовании — помочь Советскому Союзу быстро и в полной мере».

Во всех местах США, где живут выходцы из России, создаются комитеты помощи Родине, начинается сбор средств.

«В итоге напряженной работы интузиастов Микалаюка,

Казущика, Яхонтова, Курнакова, Анны Торн, Блажневского, Маринича, Бородина, Высоцкого и многих, многих других комитет завоевал широкое общественное признание, — вспоминал С. Т. Коненков, живший тогда в Америке. — В составе его почетных членов оказались Рахманинов и Тосканини, Сергей Кусевицкий и Михаил Чехов, композитор Гречанинов и певица Мария Куренко, князь Чавчавадзе и князь Сергей Голенищев-Кутузов, музыканты Цимбалист и Яша Хейфец, профессора Петрункович и Флоринский, Карпович и Леонтьев». Сергей Васильевич Рахманинов выступил с концертом и передал большую сумму денег в советское посольство вместе с письмом. «От одного из русских, — посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом, — писал он. — Хочу верить, верю в полную победу! Сергей Рахманинов. 25 марта 1942 г.». На средства от продажи облигаций военного займа члены АРОВ в 1944 году построили военный самолет «Дух Ленинграда».

«Русский голос» из номера в номер публикует материалы об американцах русского происхождения, воюющих против гитлеровцев. Под рубрикой «Русские американцы в вооруженных силах США» — фотографии и краткие биографии сражающихся против общего врага: Иосифа Демидовича, майора американской армии, лейтенантов А. Кромича, В. Коваленко, Сергея Климова, Питера Григорчука, пилота Н. Серджа, братьев Воронцовых — Виктора и Валентина, братьев Рубиных — Артура и Алекса, братьев Гетманов — Николая и Вальтера, пулеметчика Владимира Бережкова, моряка Ивана Ефименко, сержанта Марии Ефименко...

Из среды русских эмигрантов выдвинулись незаурядные организаторы и лекторы. Бывший князь А. М. Путятин организовал ряд комитетов помощи СССР, сотрудничал в русско-американском клубе «Победа». Большой отклик вызывали выступления бывшего штаб-ротмистра С. Н. Курнакова, В. Д. Казакевича (внука известного русского адмирала), журналиста Л. З. Крынкина. Но среди них по своему размаху и эмоциональной напряженности, несомненно, выделяется деятельность генерала Виктора Александровича Яхонтова и почетного председателя русско-американского комитета «Помощи России» экзарха Московской патриархии в Северной Америке митрополита Вениамина, возглавивших работу по оказанию помощи СССР и сбору средств в фонд Красной Армии.

Генерал Яхонтов и митрополит Вениамин. Люди с непростыми судьбами...

На кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде стоит памятник. «Ученый. Писатель. Патриот. Виктор Александрович Яхонтов. 1881—1978», — высечено на черном мраморе. Это могила русского генерала-патриота, прожившего в общей сложности 65 лет на чужбине. Потомок героев Отечественной войны 1812 года, генералов Милорадовича и Депрерадовича, кадровый русский офицер, Виктор Яхонтов производится в генерал-майоры в столь решительный для судеб России 1917 год. 36-летний генерал назначается заместителем военного министра буржуазного Временного правительства. До этого за плечами у него Петербургский кадетский корпус, Павловское военное училище и Академия Генерального штаба, командование ротой (в 1909 году Виктор Александрович получает грамоту от своих солдат с благодарностью за то, что он всегда видел в них людей, не жалел сил и времени для их просвещения и прежде всего учил грамоте. Эту солдатскую грамоту Яхонтов хранил всю жизнь как самую дорогую реликвию). Весной 1910 года он командируется в Токио. Много пишет о Японии, переводит. В первую мировую войну Яхонтов — начальник оперативного отдела 10-й армии; затем его ждало новое назначение — русским военным агентом (так назывался тогда пост военного атташе) в Японию...

Генерал Яхонтов не сразу понимает суть свершившейся Октябрьской революции. Этим непониманием объясняется его поспешный отъезд в Японию. Но победа Красной Армии в гражданской войне, народный характер Советской власти не могли не вызвать симпатий у патриотически настроенного и широко образованного генерала. Этим он резко выделился среди многочисленных деятелей эмиграции.

Еще в 1919 году он опубликовал нашумевшую в эмиграции статью «Чем сильна армия большевиков». Точная дата ее выхода — 5 июня 1919 года. Гражданская война в самом разгаре, ее исход еще неясен. Яхонтов пишет о растущей силе и организованности Красной Армии, разоблачает выдумки ее врагов, называет преступниками и безумцами белых, которые вешают и расстреливают пленных красноармейцев. Вот как излагал суть этой газетной публикации автор годы спустя: «В числе их (красных) командиров был ряд старых офицеров, которые сражались

за свою страну; и хотя часть их не была согласна с новым режимом, большинство видело свой долг в том, чтобы сражаться, потому что это не была только гражданская война, но и война против иноземного вторжения. И с ростом боеспособности красных войск они наносили поражения своим врагам. Сегодняшняя Красная Армия — это просто завтрашняя Русская Армия».

Судьба заносит генерала Яхонтова с семьей в Соединенные Штаты, где он становится известен как публицист и превосходный оратор. С середины 20-х до середины 70-х годов он ведет активную деятельность по ознакомлению сотен тысяч американцев с достижениями советского народа. Патриотическая деятельность Яхонтова достигает апогея в годы второй мировой войны: высокий авторитет приносят ему многочисленные выступления о борьбе советского народа и Красной Армии против фашистского нашествия, о значении этой борьбы для судеб всего человечества. Много сил Виктор Александрович отдал просвещению российских эмигрантов в США. Его перу принадлежит множество книг, брошюр, статей.

В недавно вышедшей книге О. Соловьева «Триумф Ленина и банкротство его критиков» высоко оценено обширное исследование Яхонтова «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке» (1931). Характерно, что Виктор Александрович пытался рассмотреть японо-американские отношения, другие узловые проблемы тихоокеанского региона, опираясь на ленинское учение об империализме. Он специально останавливается на основных положениях книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Еще в тридцатые годы Яхонтов называет Советский Союз оплотом мира. Он делал на этом акцент — над миром сгущались тучи, — хорошо понимая опасность фашизма, его агрессивных устремлений. Но Яхонтов считал, что агрессию можно предотвратить, если сплотятся силы мира и, о чем он без устали повторял, если в тесном союзе будут выступать СССР и США. Не только интересы обеих стран, но и интересы всеобщего мира требовали, по его мнению, укрепления советско-американского сотрудничества.

Особенно внимательно следил Яхонтов за событиями на Дальнем Востоке. Ведь это была его профессия — военный специалист по Дальнему Востоку. Яхонтову принадлежит в своем роде уникальный прогноз. За несколько лет

до Перл-Харбора он предсказал, что, если Америка не установит тесные дружественные отношения с СССР, на нее нападет Япония. Увы, американские стратеги не обратили внимания на выводы какого-то эмигрантского генерала, который к тому же якшается с «красными».

А кое-кому в Америке и сейчас было бы полезно перечитать книги Яхонтова. В довоенные годы он не раз высмеивал попытки организовать экономическую изоляцию Советского Союза, доказывал, что эти попытки дорого обходятся самим любителям «санитарных кордонов», эмбарго и прочих дискриминационных мер. А разве не сохранило актуальность такое суждение Яхонтова, высказанное им на дискуссии в Вильямстоунском институте политики в 1929 году: «Главная проблема современности — это борьба между капитализмом и коммунизмом. Но эта война не может быть выиграна тем, кто игнорирует факты, кто не предлагает идей, способных победить идеи, но упрямо твердит старые догмы, не пытаясь приспособить их к происходящим переменам».

Когда началась Великая Отечественная война, вспоминал Виктор Александрович: «Как и другие, я обратился к послу СССР К. А. Уманскому, с которым у меня установились добрые отношения, с просьбой устроить мне возможность уехать в Советский Союз для участия в войне, но он решительно заявил, что я принесу больше пользы, оставаясь в Соединенных Штатах, продолжая читать лекции и освещая положение на советско-германском фронте; он знал, что я занимался лекционной деятельностью уже не один год и имел успех. Спорить с ним я не мог».

И генерал Яхонтов сражается словом. Его благодаря частым выступлениям в 1942—1944 годах на радио и телевидении знали многие американцы. Страстные призывы Яхонтова о необходимости открытия второго фронта снискали ему большой авторитет среди честных людей Америки. Политики и военные высоко оценивали его точные, глубокие оценки и прогнозы хода войны на европейском и тихоокеанском театрах военных действий.

За военные годы Яхонтов, которому шел седьмой десяток, побывал во всех штатах США, посетил с сотнями лекций — «мне приходилось выступать по два и даже по три раза в день» — не только все более или менее крупные, но и малоизвестные города США. Его появление на трибуне, вспоминал В. Д. Казакевич, первая фраза: «По-

бьем, все равно побьем! Разгром противника неизбежен, как бы ни было тяжело сейчас Красной Армии», производили огромное впечатление на слушателей, которых не могла не подкупить эрудиция, исключительная четкость и меткость суждений оратора (никогда, кстати, не пользовавшегося микрофоном). «Я считаю, что генерал Яхонтов, — писал в 1942 году профессор Гарвардского университета Мейзер, — один из лучших пяти-шести лекторов среди многих десятков, которых мне пришлось слушать».

Сотрудничество двух великих народов в борьбе против фашизма вызывает в годы второй мировой войны повышенный интерес к Советскому Союзу. Виктор Александрович, конечно же, отчетливо видит это. Несмотря на огромную занятость, он садится писать книгу о миролюбии своего Отечества. В 1945 году книга «СССР — внешняя политика» увидела свет.

На ее первой странице посвящение:

«Памяти великого американского президента Франклина Делано Рузвельта, который понял важность дружбы с Союзом Советских Социалистических Республик и таким образом сделал возможным сотрудничество с ним, приведшее к победе над фашизмом».

В нелегкие годы «холодной войны», разгула маккартизма генерал Яхонтов, несмотря на преследования и угрозы со стороны американской реакции и антисоветского эмигрантского отребья, остается верен себе и своему Отечеству. Он работает в Секретариате ООН, многие годы редактирует прогрессивную русскую газету «Русский голос»...

Вокруг газеты объединялась не только русская прогрессивная общественность, но и лучшие представители других этнических общин, сохраняющих связи с СССР. Друзьями редакции были многие американцы, сторонники американо-советской дружбы. Например, Поль Робсон. Частый гость редакции Альберт Рис Вильямс во время одного из посещений подарил Виктору Александровичу свою книгу «О Ленине и Октябрьской революции», изданную в Москве: «Генералу Виктору Яхонтову — замечательному русскому, интернационалисту, известному писателю, превосходному оратору, стороннику всех народов, сражающихся за свободу. 16 декабря 1960 года». Да, эта надпись точна.

На теплоходе «Александр Пушкин» в сентябре 1975 года Виктор Яхонтов возвращается на Родину. Последние

годы своей жизни он провел в Москве. 11 июня 1976 года «за активную многолетнюю патриотическую деятельность и в связи с девяностопятилетием со дня рождения» Виктор Александрович Яхонтов награждается орденом Дружбы народов.

Он продолжал работать, но силы уже иссякали, 10 октября 1978 года Виктор Александрович Яхонтов скончался. Согласно воле покойного урну с его прахом перевезли в Ленинград и захоронили на кладбище Александро-Невской лавры... По преданию, Петр Первый выбрал это место для монастыря и собора потому, что именно здесь 15 июля 1241 года Александр Невский разбил шведов. Здесь были похоронены Александр Невский, Суворов, Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Крылов, Гончаров, Достоевский... Александро-Невская лавра. Место, названное именем одного из величайших героев отечественной истории. Имя Александра Невского носил тот полк, где служил когда-то Яхонтов, где стал он подлинным отцом-командиром для солдат, поднесших ему при прощании адрес, который он хранил во всех своих скитаниях как самую дорогую реликвию. Так, высокой символикой наполнилось и место его последнего упокоения.

Ровесник Яхонтова митрополит Вениамин скончался на 17 лет раньше генерала. Его последний приют находится на древней псковской земле — в Псково-Печерском монастыре. Нелегка была дорога к истине, к матери-Родине сына тамбовского крестьянина Ивана Федченкова (в 1907 году в Петербургской духовной академии он принял монашеский постриг с именем Вениамин). В его судьбе отразилась история церковного размежевания русского зарубежья. Клерикальное воспитание и окружение привели его в годы гражданской войны в стан наиболее ярых противников Советской власти. В 1920 году епископ Севастопольский Вениамин становится членом врангелевского «совета министров». Связав себя с последней из белых армий, он вместе с ней был выброшен за пределы родной земли победившим народом.

Антисоветский угар прошел не сразу. Еще по пути в Константинополь на корабле «Александр Михайлович» он обсуждает вместе с Врангелем и митрополитом Антонием (Храповицким) планы организации русской церкви за рубежом. Церкви контрреволюционной. В Константинополе именно он становится во главе совещания, подготавливающего Карловацкий церковный собор (об анти-

9*

коммунистической и антисоветской деятельности так называемой «Русской зарубежной церкви» и других эмигрантских религиозных группировок рассказывается в следующем разделе книги. — *А. А.*).

Злую антисоветскую деятельность карловчан осудил синод русской православной церкви, официально отмежевавшийся от их реакционного политического курса. Это решение заставило епископа Вениамина всерьез задуматься над тем, в какой грязной политической авантюре, ничего общего не имеющей с церковной деятельностью, он участвует...

Много разъезжает по белому свету член «русского совета» при генерале Врангеле епископ Вениамин. Турция, Югославия, Болгария, Франция, снова Югославия. И везде одно и то же — отчаяние оторванных от России людей. И рядом подрастает молодая поросль — дети эмигрантов. Промотавшиеся «отцы» стремились воспитать в них ненависть к России. С трагедией «потерянного поколения» — так и по сей день называют себя дети белоэмигрантов — епископ Вениамин столкнулся вплотную в Сербии, будучи в 1924—1925 годах законоучителем русского Донского кадетского корпуса в Пятковицах. Именно тогда он принимает твердое решение вернуться на родную землю, несмотря на прегрешения перед Советским государством.

В 1927 году возглавивший синод митрополит Сергий (Старгородский) потребовал и от зарубежного духовенства письменных заверений в лояльности Советскому государству, предупредил, что тот, кто не даст подобного обязательства, «будет исключен из состава клира, подведомственного Московской патриархии». 3 декабря 1927 года первым из архиереев-беженцев был включен в клир Московской патриархии епископ Вениамин.

Митрополит Евлогий, управлявший тогда западноевропейскими русскими православными приходами, оказался в сложном положении. Представители некоторых приходов стали высказываться за подчинение московскому патриарху. Но материально митрополит зависел от верхушки белой эмиграции, от иностранцев-меценатов. Он обещал «не вмешивать церковь в политику и не обращать церковного амвона в политическую трибуну». В этой обстановке Евлогий, ранее стремившийся к сближению, повернул в сторону от Московской патриархии. Много шуму наделало его выступление в марте 1930 года в Вестминстерском аббатстве в Лондоне с проповедью против Со-

ветской власти, якобы попирающей свободу совести граждан. Синод и митрополит Сергий постановлением от 10 июня 1930 года отстранили его от управления русскими православными приходами в Западной Европе.

Для обсуждения создавшегося положения в июне 1930 года в Париже был созван церковный собор. На нем присутствовало шесть архиереев и около двухсот священнослужителей, не считая делегатов-мирян. В истории русской православной церкви это был, по всей вероятности, первый пример духовного собора, на котором доклад о положении церкви за рубежом был сделан мирянином — графом Коковцевым. Ни у кого из духовенства не хватало, по-видимому, смелости мотивировать предложенное Коковцевым решение — разорвать со своим каноническим главой и перейти в юрисдикцию константинопольского патриарха.

Всего только три человека из присутствовавшего на соборе духовенства отказались подчиниться этому решению: епископ Вениамин и два его ученика — иеромонахи Стефан (Светозаров) и Федор (Текучев). Епископ Вениамин перед всем собранием твердо заявил: «А я от митрополита Сергия не отделяюсь! И прошу вас занести это в протокол. А если вы не занесете, я и сам напишу митрополиту Сергию». Если принять во внимание атмосферу разнузданного антисоветизма и неприязни к митрополиту Сергию, царившую в белоэмигрантской среде, то этот шаг епископа Вениамина характеризует его как человека, к тому времени практически признавшего Советскую власть.

Он и его первые духовные сотрудники остались в полном смысле этого слова на улице. «Из мирян к ним присоединились всего двадцать пять человек, в том числе и наша семья, — писал в воспоминаниях «Путь к правде» реэмигрант Павел Шостаковский. — Момент был жуткий — среди всей многотысячной эмиграции эти двадцать восемь человек оказались единственными русскими, не пожелавшими порвать последнюю пуповину, связывающую их с родиной: свою принадлежность к русской православной церкви и свою верность ее каноническому главе!» [1]

Для русской белоэмиграции это был не только цер-

---

[1] Шостаковский П. Путь к правде. Минск, 1960, с. 279.

ковный, но и политический вызов: организованное выражение лояльности Советской власти.

С трудом удалось подыскать в 15-м городском округе Парижа помещение для своего храма — подвал на улице Петель, предназначенный под склад. Для найма помещения одна из прихожанок заложила свои драгоценности. Под гогот и насмешки антисоветчиков первый патриарший приход в зарубежье — Трехсвятительское подворье — был открыт.

«Для тех, кто помнит этот период в жизни русского рассеяния, понятно, что наш «святой подвал»... стал мишенью для всех письменных и устных возмущений, негодований, невероятных обвинений в предательстве, в измене, в коммунизме, советизме, в вероломном нарушении церковного единства и т. д. Перед нами закрывались двери эмигрантских объединений, организаций и даже частных домов; в некоторых семьях происходили драматические разрывы» [1], — отмечалось спустя полвека в «Вестнике русского западноевропейского патриаршего экзархата» (этот экзархат находится под юрисдикцией Московской патриархии).

Но тем не менее престиж подворья рос с каждым днем. Не могли не притягивать к новому приходу сочувствующих, сомневающихся — а сколько их было в те годы в «русском Париже»?! — твердость позиции епископа Вениамина и его сотрудников.

«Однако несмотря на все усилия «общественного мнения» эмиграции... к небольшой нашей общине прибывали новые силы, новые люди. Присоединялись они к нам по весьма разным внутренним побуждениям, по разным мотивам. Очень обобщая, можно было бы сказать, что главным импульсом был, так сказать, сыновний инстинкт, еще не заглушенный тогда у русских людей рассеяния... словом, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» [2].

В годы второй мировой войны многие члены клира подворья принимали участие в движении Сопротивления. В 1942—1943 годах немцами были арестованы за антифашистскую деятельность архимандрит Афанасий Нечаев, староста патриарших приходов профессор И. Стратонов,

---

[1] Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. Париж. 1980—1981, № 105—108, с. 140.

[2] Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата. Париж, 1980—1981, № 105—108, с. 141.

священники Дмитрий Соболев и Михаил Бельский. «За время германской оккупации патриаршие приходы (во время войны их было уже пять: помимо прихода на улице Петель — в Ницце, Ванве, Монфоре и Латинском квартале Парижа. — *А. А.*) принимали участие в оказании помощи советским гражданам, очутившимся в связи с войной вне родины. Помощь эта выразилась в снабжении их деньгами, одеждой, продуктами и лекарствами на общую сумму свыше двухсот тысяч франков» [1].

...А епископа Вениамина в начале 30-х годов не покидает надежда на возвращение домой. Но судьба порешила иначе. В 1933 году, уже в сане архиепископа, он по поручению митрополита Сергия едет за океан. Митрополит Платон (Рождественский), управляющий североамериканскими русскими православными приходами, отказался тогда от подчинения Московской патриархии, объявил свой округ «автономным». В качестве временного экзарха в Северной Америке пересек архиепископ Вениамин Атлантику.

Неласково встретила архиепископа Америка. Поначалу, как и в Париже, ему довелось пережить немало лишений и неприятностей от раскольников. Всякое приходилось испытать: спать на полу, скитаться по разным углам, терпеть оскорбления от беснующихся во Христе антисоветчиков.

К концу же пребывания митрополита Вениамина в США его епархия объединяла пятьдесят приходов русской православной церкви. Именно за воссоединение тысяч верующих выходцев из России с «матерью-церковью» в 1938 году Вениамин был возведен синодом в сан митрополита. Многие из этих людей в годы второй мировой войны доказали свою преданность Родине.

С началом Великой Отечественной войны патриотически настроенные деятели русской православной церкви увидели свой долг в защите Отечества. В первый же день войны, 22 июня 1941 года, местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий обратился к пастырям и верующим русской православной церкви с призывом встать на защиту СССР; он заявил, что в начавшейся схватке с фашизмом церковь на стороне Советского государства. На этот призыв горячо откликнулись и многие жившие в эмиграции деятели русской православной церкви. Не-

---

[1] Советский патриот. Париж, 1944, № 9, 23 декабря.

которые из них приняли активное участие в европейском движении Сопротивления. Другие внесли посильный вклад в дело всесторонней помощи Советскому Союзу в таких странах, как США и Канада, Китай и Аргентина.

В конце 1941 года митрополит Вениамин избирается почетным председателем русско-американского Комитета помощи России. Виктор Александрович Яхонтов в мемуарах «Служу тебе, Отечество...» писал: «Никогда не забуду, как в Сан-Франциско я выступал в одном из храмов вместе с экзархом русской православной церкви в США митрополитом Вениамином, который, как известно, во время Великой Отечественной войны вел огромную патриотическую работу среди русской колонии в Америке. Когда и он, и я кончили говорить, вперед вышел почтенный старик молоканин и предложил тем, кто захочет, пожертвовать средства на «медицинскую помощь» России. К заранее приготовленному столу, покрытому белой скатертью, один за другим стали подходить люди и давать «кто сколько может» [1].

Был у митрополита Вениамина и «свой» участок деятельности — церковный. Борьба со злобствующими антисоветчиками из «русской православной церкви» («карловацкий раскол»), которые благословляли нашествие фашистских полчищ на СССР. Так, активный карловчанин архиепископ Виталий (Максименко), публично заявив, что «долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой советской власти», обратился к президенту США Рузвельту с просьбой не оказывать помощи Советскому Союзу.

В специальном «Послании ко всем русским людям в Америке» митрополит Вениамин осудил «низкую возню» архиепископа Виталия, рассказал о развертывании патриотической деятельности русской православной церкви на Родине, призыве митрополита Сергия. «Они холодной рукой бросают камень обвинения в русский народ», — с презрением писал он о «радетелях за русский народ» — раскольниках-карловчанах.

В книге «Правда о религии в СССР», вышедшей в 1942 году в Москве, отмечалось, что митрополит Вениамин, «нимало не колеблясь, отдал свое имя и свои силы движению в пользу американской помощи России. Он обратился к православному населению Америки с по-

---

[1] Отчизна, 1976, № 10, с. 17.

сланием; он участвует в комитетах по сбору пожертвований, разъезжает по городам, выступает с проповедями в церквах, с речами на публичных собраниях и т. п.»[1].

Помощь Отечеству он считал наиважнейшим делом. Даже будучи очень больным, он говорил: «Сейчас некогда болеть» — и ехал на очередное собрание... Во всех храмах его епархии за каждой литургией возносилась молитва о даровании Родине победы над врагом. Страстные речи «красного митрополита» (так стали многие в США именовать Вениамина) о немецких зверствах, о том, что русский народ воспринял эту войну как войну священную, войну за свое Отечество, доходили до сердец выходцев из России и коренных американцев.

Г. Окулевич в своей интересной работе «Русские в Канаде» рассказывал о приезде митрополита Вениамина в Страну кленового листа в июле 1942 года: «Здесь он прочел лекции на тему «Положение православной церкви в России и ее отношение к войне против Гитлера» в десяти городах... Лекции митрополита Вениамина привлекли тысячи людей. Русские люди Канады горячо приветствовали заявление митрополита Вениамина... На всех лекциях митрополита Вениамина собирались крупные суммы денег в помощь России»[2].

В начале 1945 года он вызывается в Москву на поместный собор для избрания патриарха. За почти тысячелетнюю историю русского православия это был особый собор, заложивший основы большой миротворческой деятельности, проводимой сейчас русской православной церковью. Участники поместного собора в феврале 1945 года выступили с обращением ко всем христианам, в котором выражалась надежда на будущее, когда человечество навсегда откажется от разрешения своих споров посредством меча.

В свободное от заседаний время митрополит Вениамин пристально всматривается в облик родной земли, только что пережившей фашистское нашествие. В статье «Мои впечатления о России» он пишет: «Любовь к Отечеству, борьба за свободу от немецкого ига, которое грозило России и всему миру, сплотила всех здесь в единый, могучий, несокрушимый фронт... Впечатления от народа — самое сильное, самое важное, что я увожу с собой с Родины за границу. Если обратиться вообще к

[1] Правда о религии в СССР. М., 1942, с. 12—13.
[2] Окулевич Г. Русские в Канаде. Торонто, 1952, с. 219.

русской душе — независимо от вопроса веры, — то она захватила мой ум, и еще больше мое сердце, своей духовной красотой. Советский народ стоял и стоит мужественно и выстоит до конца. Великая сила в нем! И я уезжаю спокойный и радостный, благодарный Советскому правительству... убежденный еще больше в мощи народов СССР» [1].

Не забудем, что слова эти принадлежат бывшему духовному наставнику белой армии Врангеля...

Вскоре после своего возвращения в Соединенные Штаты, в апреле 1945 года, митрополит Вениамин выступил перед большой аудиторией в Нью-Йорке. В своем докладе, как сообщала газета «Правда», он «указал, что старое представление о России необходимо забыть. В настоящее время существует Советский Союз и советский патриотизм. Митрополит Вениамин указал, что страна стала совершенно другой и люди стали другими. Люди стали интеллигентными, сознательными, проникнутыми любовью к своей Родине. Далее Вениамин отметил, что православная церковь в Советском Союзе едина, свободна и пользуется уважением советских властей. Митрополит отметил также, что политические выступления против Советского Союза в церквах недопустимы» [2].

Весть об окончании войны застала митрополита Вениамина в Сан-Франциско. А через год — 30 июля 1946 года — он получил советское гражданство. Конец 27-летней разлуке с Родиной! Свой шестьдесят седьмой день рождения митрополит встретил в СССР, в Риге, куда синод направил его руководить епархией. Немало еще лет своей жизни отдал церковной деятельности митрополит Вениамин, возглавляя после Рижской Ростовскую, а затем Саратовскую епархии. На страницах «Журнала Московской патриархии» часто появлялись его статьи — «Простые речи за мир», «Впечатление о войне с немцами» и многие другие. Но годы брали свое. В 1958 году митрополит Вениамин ушел на покой. Остаток жизни он провел в Псково-Печерском монастыре.

Патриотически настроенные представители российской эмиграции занимались сбором средств в пользу сражавшегося Отечества. На счету созданного в США

[1] Журнал Московской патриархии, 1945, № 3, с. 11—12.

[2] Правда, 1945, 12 апреля.

представителями различных национальных групп иммигрантов комитета «Помощи России в войне» в 1941—1942 годах имелось девять миллионов долларов. Украинские комитеты помощи в Аргентине с начала 1943-го и до конца войны собрали более 162 тысяч песо, успешно провели кампанию «Одеть и обуть 5 тысяч советских сирот!». Основанный в сентябре 1943 года в бразильском городе Сан-Паулу «Русский комитет помощи жертвам войны» только за 1944 год передал в Фонд помощи СССР более 968 тысяч крузейро. «Белорусский демократический комитет помощи Родине» в Аргентине за время с апреля 1943-го по декабрь 1947 года собрал в фонд помощи более 384 тысяч песо.

Таких комитетов — больших и малых — было множество. Вот отрывок из отчета небольшого, объединявшего около 400 человек из трудовой эмиграции «украинско-белорусско-карпаторусского комитета помощи СССР имени Климентия Ворошилова в Уругвае». «Всего было проведено одиннадцать кампаний (для каждой из них делались квитанции с лозунгами и фотографиями, соответствующими той или иной кампании): 1) от 1 сентября до 7 ноября 1941 года в честь «Октябрьской революции»; 2) «Новогодний подарок бойцам Красной Армии» — от 1 декабря 1941 года до 1 января 1942 года; 3) «На пароход «Микоян», стоявший в то время в Монтевидео, — от 1 февраля до 31 марта 1942 года; 4) «На твердыню Сталинграда» — от 1 октября 1942 года до 1 марта 1943 года... и так далее, кончая одиннадцатой кампанией — от 1 апреля до 30 июня 1946 года — «Советским инвалидам и сиротам войны».

В 1943 году в Москве вышла книга Р. Шармайтиса «Литовские иммигранты Америки в борьбе против немецкой оккупации». В ней рассказывалось о большой работе литовцев, эмигрировавших в США, Канаду, Аргентину, Уругвай, на Кубу по подготовке и отправке в Советский Союз посылок, медикаментов, санитарных машин, больничного оборудования. Представители прогрессивных литовцев собрались 19 декабря 1943 года в Нью-Йорке на Демократический литовский съезд. «Его делегаты представляли 100 тысяч литовцев, объединенных в 186 организациях. На нем присутствовали гости из Канады, а также представители прогрессивных латвийских и эстонских иммигрантских организаций. Летом

1944 года был проведен пятый художественный фестиваль «Прибалтийского иммигрантского совета по вопросам культуры». На нем выступили прогрессивные творческие коллективы литовских, латышских, эстонских и русских иммигрантов. Доходы от фестиваля были направлены на содействие антифашистской борьбе народов Советского Союза»[1].

Регулярно публиковали патриотические материалы в США — «Русский голос», «Українскі щоденні вісті», литовские «Лайсве» и Вильнис»; в Канаде — «Вестник», в Аргентине — «Світло» и многие другие.

«Русские славные победы гремят. Подвиг совершается, «идет война народная, священная война...». Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями»[2], — записывает в своем дневнике 4 февраля 1944 года Н. К. Рерих.

В Индии в 1941—1944 годах было проведено несколько выставок работ Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов с продажей их картин. «Большая часть сбора направлялась в пользу советского Красного Креста и на военные нужды Красной Армии. Юрий Николаевич (сын Н. К. Рериха. — *А. А.*) сразу же после начала действий на русском фронте официально выразил свою готовность вступить добровольцем в ряды Красной Армии. Святослав Николаевич, кроме организации выставок и сбора денежных средств для Красной Армии, выступая в лекториях и по радио, особенно подчеркивал решающее значение Советского государства в деле разгрома фашистской Германии»[3].

Старейшина зарубежной армянской литературы Ваан Текеян обращался из Каира к России:

Ты видишь, Россия, армянских сынов своих верных,
Они защищают тебя, как и братья, — другие народы,
И тобою — себя защищают они...
Взгляни на Армению древнюю — силу и юность
Она обрела с твоей помощью в общих боях.
И в схватках горячих глядит на тебя, о Россия,
И всюду — вблизи, далеко ли,
Спасибо тебе говорит.

---

[1] Петкевичене Л. Прогрессивные литовцы в США. — Голос Родины, 1981, № 33.
[2] Сидоров В. Семь дней в Гималаях. — Москва, 1982, № 8, с. 56.
[3] Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972, с. 243.

На средства зарубежных армян были созданы танковые колонны «Давид Сасунский» и «Генерал Баграмян», двигавшиеся в составе советских войск на Берлин.

Участие в сборе средств приняли и канадцы русского происхождения. 17 июля 1941 года в Монреале был создан комитет помощи Родине. Был принят устав, первый параграф которого гласил: «Русский Комитет Помощи Родине ставит своей задачей организовать русских канадцев для поддержки военных усилий Канады и помощи советскому народу в их борьбе с гитлеризмом за победу над гитлеровской Германией и за сохранение демократии». 30 и 31 мая 1942 года состоялся первый русский съезд, в котором приняли участие не только комитеты помощи Родине, но и комитеты всех русских организаций, принимавших участие в этой кампании. На этом съезде комитет помощи Родине переименовали в Федерацию русских канадцев, ядро которой составили существовавшие с 1931 года русские рабоче-фермерские клубы имени Максима Горького. Весной 1944 года 26 национальных организаций объединяются в Канадскую всеславянскую ассоциацию, горячо ратовавшую за скорейшее открытие второго фронта в Европе и тесное боевое сотрудничество с СССР.

Немало наших зарубежных соотечественников сражалось в армиях союзников. Десятым добровольцем, записавшимся в войска «Свободной Франции» в Лондоне 18 июня 1940 года — в день знаменитого призыва де Голля, был племянник царской фрейлины Н. В. Вырубов, «геройски проделавший впоследствии все кампании войск «Свободной Франции»; он был тяжело ранен, награжден Крестом Освобождения и Военным крестом» [1]. Национальный комитет украинско-американской секции международного рабочего ордена направил 12 декабря 1941 года Ф. Рузвельту письмо американских украинцев с пожеланием включиться в войну против фашистской Германии и Японии; в ответе президента были следующие слова: «Тронут до самого сердца, ...получив ваши мужественные заверения». Тысячи американцев и канадцев русского, украинского и белорусского происхождения принимали участие в боях на европейском и дальневосточном театрах военных действий. Одним из

---

[1] Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947, № 2, с. 24.

первых отрядов, высадившихся на нормандском берегу 6 июня 1944 года, командовал капитан Петр Шувалов. Свыше тысячи членов прогрессивного «Объединения литовских рабочих» сражались в рядах вооруженных сил США. Из них около двадцати погибло. Вернувшиеся с фронта раненые солдаты встречались с почестями. В их числе были удостоенный боевых наград коммунист И. Сакалис, трижды награжденный бронзовой медалью звезды А. Висконтас, С.-И. Банюлис, А. Килкус, А. Свирухас и другие прогрессивные молодые американцы литовского происхождения.

«Тысячи украинцев Аргентины проявили желание чем-то помочь братьям, находившимся в беде, — вспоминал после войны вернувшийся на Родину А. Губарчук. — Были предложения формировать из эмигрантов батальоны добровольцев и с помощью союзников — Англии и США — переправлять их на советско-германский фронт для борьбы с захватчиками»[1]. Но участие добровольцев-соотечественников из Латинской Америки в боях на советско-германском фронте практически было невозможно из-за трудностей доставки контингентов добровольцев. Они, как правило, прибывали в Великобританию (всего было переброшено около двух тысяч славян-добровольцев) и пополняли главным образом формировавшиеся там польские воинские части.

Когда Париж был освобожден от немцев, и 26 августа 1944 года после полудня генерал де Голль триумфально шествовал от могилы Неизвестного солдата к собору Парижской богоматери, части знаменитой «освободительницы» столицы Франции — дивизии Леклерка — участвовали в параде. Лишь одна из бригад дивизии еще выбивала в этот день немцев из северных пригородов Парижа. Командовал ею полковник Николай Румянцев...

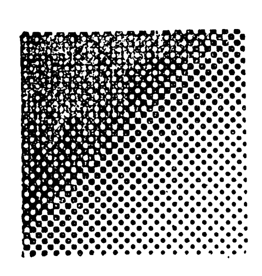
У нас нет возможности более подробно остановиться как на антифашистской деятельности российских эмигрантов, так и на фактах их сотрудничества с фашистами[2]. Об этом уже написаны мемуары и очерки, сняты фильмы — тема эта, конечно, еще многие годы будет

---

[1] Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980, с. 120.

[2] Подробнее об этом см.: Шкаренков Л. К. Указ. соч., с. 174—204.

привлекать к себе внимание и ученых, и мастеров культуры, ибо содержит чрезвычайно интересный и драматичный материал. И лучшие книги и фильмы об участии российской эмиграции в минувшей войне еще впереди. Известные на сегодняшний день документы позволяют нарисовать яркую картину окончательного размежевания сил в белой эмиграции в годы войны. Сокрушительный разгром гитлеровской Германии Советскими Вооруженными Силами, патриотические настроения, охватившие широкие слои наших зарубежных соотечественников, помогли многим из них избавиться от закостеневших шор антисоветизма, сделать мучительную переоценку ценностей. Конечно, не следует забывать, что этот патриотизм существенно отличался от советского патриотизма, включавшего любовь и преданность Родине, социалистическому строю. Эмигрантские деятели во многом еще были далеки от понимания тех движущих сил, которые привели наш народ к великой Победе. С этой победой окончательно рухнули расчеты белой эмиграции на крах Советской власти. После 1945 года о белоэмиграции как о сколь-нибудь значительной политической величине речь уже не шла.

ПРОДАВШИ ДЫМ ОТЕЧЕСТВА ЗА ВАЛЮТУ

Валюта,
декламация
и ложь,
Развязная,
заносчивая
наглость...
Помойка сплетен,
купля и продажа.
Построчная
истерика тоски.
И два десятка
эмигрантских
анекдотов.

Саша Черный

В июле 1948 года в православном соборе Александра Невского на тихой парижской улице Дарю царило заметное оживление. «Осколки разбитого вдребезги» белого движения и русского монархизма собрались на традиционную панихиду по «злодейски убиенному большевиками» Николаю II. Всеобщее внимание привлекал к себе роскошный венок с лентой — «от новой эмиграции».

Что же она представляла собой — «новая эмиграция»?

...25 октября 1942 года президент США Ф. Рузвельт и английский премьер-министр У. Черчилль выступили с первым важным заявлением о нацистских военных преступлениях и зверствах в оккупированной Европе. «Отныне наказание за эти преступления, — обещал Черчилль, — должно стать одной из главных целей войны».

Окончилась в 1945 году вторая мировая война. Пришло «время собирать камни». Президент Рузвельт умер, не дожив нескольких дней до капитуляции фашистской Германии. Уинстон Черчилль же выступил в роли зачинщика очередного «похода на Восток». Об этом мир узнал из его печально известной антисо-

ветской речи в Фултоне, опубликованной во всей мировой буржуазной печати под крикливым лозунгом «Объединяйтесь, чтобы остановить Россию!». Под штандарты «холодной войны» кинулись все ненавистники Советского Союза.

Речь Черчилля особенное ликование вызвала среди фашистских пособников, бежавших из стран Восточной Европы. Американские и английские оккупационные власти стали брать их под свою опеку еще с осени 1945 года, предоставив им статус так называемых «перемещенных лиц» («дисплейсед персонз»), кратко «ди-пи».

В лагерях для «перемещенных лиц», расположенных в западных зонах Германии и Австрии, а также во Франции, Италии и других странах, к началу 1946 года находилось свыше полутора миллионов человек. Среди них было немало лиц, оказавшихся за пределами своих родных стран в качестве военнопленных, насильно вывезенных фашистами на принудительные работы «восточных рабов». Многие из этих людей, подвергшиеся массированной обработке в лагерях для перемещенных лиц, стали жертвами послевоенной политики западных держав, так и не сумев найти дороги на Родину. Значительную часть «ди-пи» составляли военные преступники, пособники фашистских палачей, стремящиеся избежать заслуженной кары.

Уйти от справедливого суда истории им всячески помогают английские и американские власти. Уже 22 декабря 1945 года президент Трумэн издает директиву, согласно которой «дипишники», находившиеся в Германии, Австрии и Италии, получают преимущественное право на иммиграционные визы для въезда в США.

Рассматривая фашистское отребье в качестве «борцов» против СССР и стран народной демократии, западные спецслужбы принимают энергичные меры к консолидации недобитков на антикоммунистической основе. В апреле 1946 года в Мюнхене проходит сборище вчерашних коллаборационистов. Представлены украинские, армянские, татарские, хорватские, литовские, венгерские, болгарские, белорусские и другие буржуазные националисты. Среди участников этого реакционнейшего шабаша «блистают» зондерфюрер СД «грузинский князь» Н. Накашидзе и бывший референт Альфреда Розенберга (один из главных деятелей нацистской партии был, кстати, сыном ревельского купца и воспитанником

рижского политехникума, получившим диплом архитектора в Москве в январе 1918 года»[1]) главарь «туркестанского национального комитета» Вели Каюм Хан, власовский «атаман» В. Глазков и бывший министр профашистского правительства Словакии Ф. Дюрчанский.

С одобрения офицеров из главного штаба оккупационных войск США принимается решение о создании Антибольшевистского блока народов (АБН). «Председателем» АБН провозглашается бывший премьер украинского «правительства», созданного гитлеровцами во Львове, Ярослав Стецько, проходивший под кличкой Басмач в платежных ведомостях абвера. Тот самый, который в первом документе «соборного и самостийного» государства провозгласил: «Обновленное украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистской великой Германией, которая под водительством вождя Адольфа Гитлера создает новый строй в Европе и мире»[2].

АБН положил начало созданию сети международных эмигрантских антикоммунистических организаций, и по сей день задействованных в широкомасштабных диверсиях Запада против «коммунистического тоталитаризма». И если мы сейчас наблюдаем несомненную скоординированность действий контрреволюционной эмиграции, синхронность ее выступлений и совпадение «основных аргументов» и «мотивов», то это итог многолетней работы подрывных центров империализма. Во главу угла было поставлено понимание того, что «если трудно объединить всех этих эмигрантов на базе их национальных интересов... то, по-видимому, значительно легче добиться их внешней сплоченности на базе общих действий в международном плане, то есть фактически для целей подготовки войны»[3].

Предварительно была проведена широкомасштабная операция «дисплейсед персонз». Благословил ее папа Пий XII. Он высказался за ослабление дискриминационных барьеров для «перемещенных лиц». По вышеупомянутой директиве Трумэна в США до 30 июня 1948 года было допущено около 40 тысяч человек.

Дальше — больше.

1 июля 1948 года вступил в силу закон, предусматри-

---

[1] Грюнвальд К. Новая религия. — Современные записки, 1936, № 61, с. 318.

[2] Дмитрук К. Е. С крестом и трезубцем. М., 1980, с. 100.

[3] Рено де Жувенель. Армия наемников. М., 1952, с. 86.

вавший допуск в США 205 тысяч перемещенных лиц в течение следующих двух лет. Ряд дополнений к этому закону, действовавшему до конца 1951 года, увеличил число перемещенных лиц, допущенных в США, до 400 тысяч. Значительная часть их — 132 тысячи человек — до войны проживала в Польше и на Западной Украине, 60 тысяч — на территории, которую составляет ныне Германская Демократическая Республика, 32 тысячи — в Советском Союзе и столько же — в Югославии, 24 тысячи — на территории буржуазной Литвы[1].

Всего в 1947—1951 годах при содействии Международной организации по делам беженцев в общей сложности было расселено 746 тысяч человек. Вот основные направления эмиграции, осуществленной международной организацией по делам беженцев в 1947—1951 годах[2].

Национальность	Распределение эмигрантов по странам иммиграции, тыс. человек						
	США	Австралия	Канада	Аргентина	Бразилия	Прочие *	Всего
Поляки	110,6	60,3	47,0	6,6	7,8	8,5	240,8
Латыши, эстонцы, литовцы	77,5	35,7	21,3	1,4	1,4	3,7	141,0
Русские и украинцы	60,7	25,2	23,2	4,4	6,4	8,3	128,2
Югославы	17,2	23,4	9,8	10,1	2,6	5,8	68,9
Венгры	16,7	13,3	7,5	3,1	3,1	4,2	47,9
Чехи и словаки	8,1	9,9	5,9	0,6	1,5	2,2	28,2
Прочие	38,1	14,4	8,8	6,5	6,1	17,2	91,1
Всего	328,9	182,2	123,5	32,7	28,9	49,9	746,1

[1] См.: Филиппов С. В. США: иммиграция и гражданство. Политика и законодательство. М., 1973, с. 52—53.

[2] Мариаиьский А. Современные миграции населения. М., 1969, с. 66.

* Сюда входят: Венесуэла (всего 17,3 тыс.), Парагвай (5,9 тыс.), Чили (5,1 тыс.), Новая Зеландия (4,8 тыс.), Южно-Африканская Республика.

Политические взгляды большинства «перемещенных», сотрудничавших с нацистами, не вызывали опасений у чиновников США и Австралии, Канады и Аргентины. Напротив, с необыкновенной легкостью они проходили многочисленные иммиграционные фильтры. Требовались, например, по законам США доказательства, что по прибытии в страну они будут обеспечены работой и жильем. Пожалуйста. И то и другое быстро находилось. Западу нужны люди, враждебные социализму.

Прибытие в США фашистских преступников из числа перемещенных лиц вызвало резкие протесты со стороны прогрессивной американской общественности. Так, крупная организация американцев восточноевропейского происхождения «Американский славянский конгресс», протестуя против закона 1948 года, заявила: «Особым нарушением американской демократической традиции является то положение законопроекта, которое допускает квислингов и военных преступников, помогавших агрессии Гитлера и совершивших тяжкие преступления против населения захваченных стран. Весь законопроект в целом благоприятствует бывшим нацистам — участникам «пятых колонн» — и является насмешкой над жертвами нацизма и фашизма» [1].

По подсчетам Чарльза Аллена, автора вышедшей в 1981 году книги «Нацистские преступники в Америке: факты... действия», в США укрылись от возмездия по крайней мере тысячи преступников, на совести которых десятки тысяч человеческих жизней. Их разыскивают правительства СССР, Польши, Венгрии, Болгарии, Югославии, Румынии, ГДР, Италии, Дании, Голландии, Франции и Бельгии.

«Во многих случаях американские власти, — сообщил корреспонденту ТАСС Ч. Аллен, — знали о кровавом прошлом нацистских преступников. Но, несмотря на это, они не приняли никаких мер для того, чтобы выяснить жизненный путь новых иммигрантов и предать их правосудию. Более того, им было не только предоставлено гражданство, но и теплые места в государственном департаменте, Центральном разведывательном управлении, радиостанциях «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа» и других государственных учреждениях» [2].

---

[1] Правда, 1948, 22 июня.
[2] Правда, 1981, 15 августа.

С 1979 по 1981 год прокурором отдела особых расследований министерства юстиции США был юрист из Бостона Джон Лофтус. Он доказал, что сразу же после войны в США была нелегально переправлена большая группа фашистских пособников из Белоруссии и других районов нашей страны, бывших под немецкой оккупацией. Цель, как указал Лофтус, заключалась в «использовании их опыта в организации подрывных действий против Советского Союза».

Возглавлял переброску директор отдела координации политики ЦРУ Фрэнк Визнер. Он подчинялся лично тогдашнему государственному секретарю Дж. Маршаллу. По сей день этот отдел располагает «независимостью», что позволяет скрывать многие документы о деятельности фашистов не только от общественности, но и от правительственных организаций, которые ведут расследование. Именно поэтому, по мнению Лофтуса, многочисленные расследования, которые проводило министерство юстиции США, в основном заканчивались безрезультатно. Бывшие фашисты как благоденствовали, так и благоденствуют сейчас в США.

Многие американские газеты, сообщая о разоблачениях Лофтуса, указывают, что он вскрыл реальные факты. «Нет никаких сомнений по поводу достоверности обвинений, выдвинутых Лофтусом, — пишет газета «Нью-Йорк пост». — Он нашел доказательства того, что более 300 белорусских фашистских прихвостней живут в США, включая нескольких высокопоставленных в прошлом военных преступников» [1].

Факты, обнародованные Лофтусом, привели к расследованию против... Лофтуса. Его обвинили в использовании «конфиденциальных материалов». Конгресс США вроде бы начал расследование по неопровержимым «фактам Лофтуса». Но, как заявил Мартин Мендельсон, бывший заместитель директора специального отдела расследований конгресса, история показывает, что ни конгресс, ни министерство юстиции США не могут провести подлинно объективного расследования, так как на самом «верху» всячески препятствуют такого рода разоблачениям.

Но даже если эти расследования удастся провести, то их «героям» грозит только... лишение американского

---

[1] Правда, 1982, 1 июля.

гражданства на том основании, что, иммигрируя в США, они скрыли свое нацистское прошлое.

«Большинство этих людей — американские граждане, а значит, прежде чем выслать их, мы должны лишить их гражданства, — говорит Аллан Райан, начальник специального следственного отдела при министерстве юстиции. — Одна только эта процедура, учитывая возможные апелляции, может отнять 3—4 года. Решение о высылке тоже может быть обжаловано по всем инстанциям, вплоть до Верховного суда» [1]. Чарльз Аллен более пессимистичен. Он думает, что при самом лучшем стечении обстоятельств расследования могут быть закончены не раньше чем лет через восемь...

В начале же 50-х годов курс на «новых американцев», отказывающихся вернуться в социалистические страны, был официальным курсом Вашингтона. «Трумэн в специальном послании конгрессу от 24 марта 1952 года рекомендовал оказывать «особую помощь и поддержку» предателям, бежавшим из СССР и стран народной демократии, на том основании, что среди них «имеются способные и смелые борцы против коммунизма» [2]. В такой атмосфере конгрессом единодушно был принят 7 августа 1953 года закон «о беженцах». Он легализовал въезд в страну еще 214 тысяч «беженцев» из социалистических стран.

Здесь нам, читатель, никак не обойтись без одного документа, часто цитируемого в нашей политической литературе и печати, когда речь идет о подрывной работе США против стран реального социализма. Мы имеем в виду подписанный 10 октября 1951 года Трумэном «Закон о взаимном обеспечении безопасности». Он включил в себя поправку конгрессмена Ч. Керстэна, предусматривающую ежегодное финансирование в сумме 100 миллионов долларов «любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии... или лиц, бежавших из этих стран, либо для объединения их в подразделения вооруженных сил, либо для других целей, когда президент решит, что подобная помощь будет содействовать обороне Североатлантического договора и безопасности Соединенных Штатов» [3].

---

[1] Washington Post, 1980, 15.IX.

[2] Баграмов Л. А. Иммигранты в США. М., 1957, с. 46.

[3] Пойманы с поличным. Сборник фактов о шпионаже и других подрывных действиях США против СССР. М., 1962, с. 31.

Президент начал «обороняться» немедленно.

Как сообщала 25 марта 1952 года французская «Монд»: «По просьбе Управления взаимного обеспечения безопасности президент Соединенных Штатов предоставил этой организации 4 миллиона 300 тысяч долларов для оказания помощи «некоторым квалифицированным лицам», которым удается бежать из стран, расположенных за железным занавесом. Законодательство в этой области разрешает правительству тратить до ста миллионов долларов для помощи беженцам, особенно когда речь идет о специалистах, которые могут способствовать укреплению западной обороны».

«Холодная война» резво набирала темп. Как грибы после дождя, рождались многочисленные антисоветские организации. Еще в октябре 1948 года в Париже возник «Интернационал свободных профсоюзных деятелей в эмиграции» [1]. Появляются «Социалистический союз Центральной и Восточной Европы», «Международный крестьянский союз», «Либеральный демократический союз Центральной и Восточной Европы». В Мюнхене в 1950 году создается «Институт по изучению СССР». В нем «имелись специалисты по всем областям жизни в стране, и национальный состав их был очень разнообразен: так, в дирекции и ученом совете были представители различных народов, населяющих Россию... Большинство принадлежало к так называемым ДП» [2].

Чем же занимались «специалисты по всем областям жизни»? Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт — биографическая секция «Института...» «обладала картотекой в количестве 444 432 карточек и подготовила в 1971 году 2100 биографий для нового издания книги «Кто является кем в СССР» [3].

8 февраля 1951 года в прессе замелькало сообщение о рождении «Американского комитета освобождения от большевизма», стремящегося содействовать «созданию на территории Германии такой организации, которая смогла бы объединить в своих рамках всех бежавших из Советского Союза демократически настроенных эмигрантов, эффективно координировать и руководить их деятельностью и оказывать этой деятельности всемерную

---

[1] Рено де Жувенель. Указ. соч., с. 73.
[2] Ковалевский П. Е. Указ. соч., т. 2, с. 66.
[3] Там же, с. 67.

и материальную поддержку»[1]. Доктрина «отбрасывания коммунизма» породила в 1954 году еще один «интернационал» предателей. Речь идет о пресловутой «Ассамблее порабощенных народов Европы», созданной в Нью-Йорке.

Вот уж когда «заработали» те самые сто миллионов. Помимо нью-йоркского, создаются четыре главных представительства АПНЕ в Париже, Лондоне, Бонне и Риме и шесть представительств в Буэнос-Айресе, Виктории (Австралия), в Рио-де-Жанейро, Торонто, Стокгольме и Монтевидео. АПНЕ начинает заниматься планами широкого вмешательства во внутренние дела социалистических стран. Быстро вырабатывается программа так называемого «народного сопротивления». По замыслу вожаков «порабощенных народов» оно должно выражаться в пяти видах: «экономическое», «религиозное», «интеллектуальное, или творческое», «молодежное» и «политическое». Вот как охарактеризовал его прогрессивный французский публицист Ален Герэн:

«Что такое «экономическое сопротивление»? Растрата государственных средств и хищение государственной собственности. Выступления против коллективизации...

«Религиозное сопротивление»: организация огромного притока верующих на религиозные службы в знак протеста. Отказ духовенства проповедовать коммунистические идеи. Религиозное обучение на дому.

«Интеллектуальное, или творческое сопротивление»: индивидуалистический характер литературных произведений в противовес нормам социалистического реализма. Отказ заниматься проблемами социалистического общества. Интерес к событиям мира искусства на Западе, распространение абстрактной живописи и джазовой музыки.

«Молодежное сопротивление»: популяризация элегантной одежды по западному образцу, западной музыки, танцев и так далее»[2].

Классическая программа подрывных действий «ползучей контрреволюции» (когда мы начинаем анализировать причины событий в Польше, то видим претворение в жизнь многих пунктов программы «народного сопротивления»).

---

[1] Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1981, с. 121.

[2] Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972, с. 161—162.

В первые же годы «холодной войны» американцам мало АПНЕ. В 1956 году возникает реакционнейшее «Объединение американцев — выходцев из Центральной и Восточной Европы». Наряду с подобными центрами в США создаются ведомственные, государственные организации, скрывающиеся под частными вывесками. Так, еще в июне 1949 года создается «Национальный американский комитет «Свободная Европа», позднее переименованный в «Комитет «Свободная Европа».

Членами комитета стали Аллен Даллес и генерал Дуайт Эйзенхауэр, бывший американский посол в Польше Артур Блисс Лейн и бывший заместитель госсекретаря Адольф Берл, президент «Бэнк оф Америка» Лоуренс Джанини, профсоюзный босс из АФТ-КПП Уильям Грин и другие. «Политический эмигрант, — откровенно заявил один из руководителей комитета, Дэвид Пул, — это центральная фигура, которая необходима для претворения в жизнь основных целей, которые ставит перед собой «Национальный комитет «Свободная Европа» [1]. Он включил в себя радиостанцию «Свободная Европа», Центр изучения Центральной Европы и так называемый «Крестовый поход за свободу».

Первый президент «Комитета «Свободная Европа» бывший посол США в Японии Джозеф Грю заявил 2 июня 1949 года, что комитет будет оказывать материальную и моральную помощь эмигрантам из стран Восточной Европы в их борьбе против коммунизма.

Но не все эмигранты из перемещенных лиц желали принимать участие в антикоммунистической и антисоветской деятельности. Таких людей с первых послевоенных месяцев всячески запугивали и шантажировали. Особенно преследовали — зачастую до физического уничтожения — тех, кто желал вернуться в СССР.

На заседании 3-го комитета Генеральной Ассамблеи ООН 6 ноября 1946 года советский представитель указывал: «Имеются факты преступного в прямом смысле этого слова обращения с беженцами — советскими гражданами... Десятки тысяч этих беженцев подвергаются в силу этого несправедлирому и жестокому обращению. Фашистские молодчики, засевшие в этих лагерях, пользуются поддержкой администрации и... устраивают настоящую охоту на советских людей, изъявляющих желание вернуться на родину».

[1] Герэн А. Указ. соч., с. 134.

Отметим, что решение о возвращении на Родину советских граждан, по разным причинам попавшим в фашистскую неволю, было принято Советом Народных Комиссаров еще 4 октября 1944 года. Страны — участницы Крымской конференции подписали в Ялте 11 февраля 1945 года соглашения по репатриации. Но сразу же после окончания войны наши бывшие союзники стали их нарушать. Советские представители в ООН разоблачали дела американских и английских властей, преступно игравших судьбами сотен тысяч людей.

Но несмотря на неоднократные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о поощрении всеми способами возвращения перемещенных лиц в страны их происхождения, западные оккупационные власти делают как раз обратное. Среди перемещенных лиц в Европе ведется антисоветская обработка людей, над «лагерями витает дух изуверского рынка труда, — отмечает в октябре 1948 года американский журнал «Ридерс дайджест». — Представителям отдельных заморских стран предлагают на просмотр «каталог», как скотоводам — метрические книги племенного скота. Они ходят по лагерям, как по отделениям универсального магазина, причем на ярлыках указываются раса, рост, возраст, семейное положение, профессия и состояние мускулов». Так, в мае 1953 года королева Нидерландов обратилась к президенту США Эйзенхауэру со следующими словами: «Как могут беженцы доверять свободному обществу, если оно проявляет интерес лишь к тренированным мускулам и не уважает более высокие ценности жизни, если оно рассматривает беженцев лишь как потенциал рабочей силы и отказывает беженцам, которые не могут трудиться, если оно отделяет их от семей?» [1].

Газета «Нью-Йорк таймс» 26 апреля 1955 года опубликовала небольшую статью своего мюнхенского корреспондента «О положении эмигрантов». Она столь примечательна, что нам хочется ее привести полностью:

«Среди десятков тысяч эмигрантов из Советского Союза и стран-сателлитов, сейчас проживающих в Западной Европе, по-видимому, появляется все больше признаков, свидетельствующих о политическом поражении Соединенных Штатов. Пропаганда, проводимая Совет-

---

[1] Потапов В. И. Беженцы и международное право. М., 1986, с. 65.

ским Союзом и странами-сателлитами с целью побудить эмигрантов вернуться на Родину, необычайно усилилась и достигает своей цели. Дополнительным фактором является плодородная почва для этой пропаганды, созданная ужасными условиями жизни и почти безнадежными перспективами, которые ожидают многих из этих эмигрантов.

Американские официальные лица опасаются, что продолжение нынешних тенденций может привести к возвращению многих тысяч эмигрантов в их коммунистическое отечество.

Увеличение размеров репатриации уже является очевидным, но это лишь только капля по сравнению с волной репатриации, которой опасаются в будущем. Обещание амнистии, прощения, предоставление хорошей работы, а детям — образования, занимают видное место в советских, чехословацких, болгарских, польских и других коммунистических материалах, которые широко распространяются среди эмигрантов.

Многие из эмигрантов чрезвычайно восприимчивы, поскольку они не имеют работы, живут в трущобах и лачугах и имеют мало надежды на лучшее будущее.

Один американский официальный представитель заявил сегодня, что *«коммунистам не нужно преувеличивать, они могут вести самую эффективную пропаганду, раскрывая беженцам правду об их ужасных условиях жизни»*.

По сообщениям, среди многих э. игрантов, которые обнаружили, что их первоначальные большие надежды на будущее полностью разбиты, широко распространяются ожесточенность и антиамериканские настроения».

Проблема «перемещенных лиц» — одна из наиболее острых и часто обсуждаемых тем первых послевоенных лет. Так, в 1955 году на десятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация нашей страны внесла проект резолюции, предусматривающей, чтобы «Генеральная Ассамблея призвала правительства стран, на территории которых еще находятся «перемещенные лица», и поручила верховному комиссару ООН по делам беженцев: а) обеспечить среди «перемещенных лиц» и беженцев проведение надлежащей разъяснительной работы в целях их скорейшего добровольного возвращения на родину, не допуская ведения среди них пропаганды, враждебной странам их происхождения; б) содействовать ши-

рокой и правильной информации «перемещенных лиц»... в) принять все необходимые меры к трудоустройству «перемещенных лиц» и беженцев, которые все еще являются безработными»[1]. Предложение было отклонено представителями США и других капиталистических стран, а верховный комиссар ООН по делам беженцев Худгорт отказался оказывать содействие репатриации.

Трагедия многих «перемещенных лиц» на Западе продолжается и в последние годы. В начале ноября 1980 года по региональному телевидению западногерманской земли Баден-Вюртемберг транслировалась передача журналистки Юлиане Эндрес. Она рассказала о судьбе примерно 80 бывших «перемещенных лиц» — русских, украинцев, латышей, эстонцев, а также поляков, насильственно задержанных в Германии после войны и упрятанных в земельную психиатрическую лечебницу города Вислох, близ Гейдельберга. Большую поддержку в том, чтобы этот материал попал на телевидение, оказал автору депутат бундестага от СДПГ Герт Вайскирхен, избранный в парламент от этого округа.

30 ноября в значительно сокращенном виде эта передача была показана по первой программе западногерманского телевидения (АРД). Статью на ту же тему опубликовал журналист Карл Гофман в журнале «Квик» (№ 49 — 27.XI.1980).

На основании обнародованных данных вырисовывалась следующая мрачная картина.

Более 700 бывших советских военнопленных, а также «восточных рабочих» (то есть угнанных в фашистскую неволю советских граждан) содержатся в психиатрических заведениях земли Баден-Вюртемберг, а всего в ФРГ их свыше 6 тысяч. Они попали туда в 1945—1946 годах и с тех пор влачат жалкое существование, будучи полностью изолированными от внешнего мира, несмотря на то, что врачи-психиатры, руководящие этими учреждениями, считают большинство указанных пациентов абсолютно здоровыми людьми, практически никто из них не был выпущен за минувшее время на свободу — «во избежание нежелательной огласки». В психиатрические клиники они попали сразу после оконча-

---

[1] Каст В. О проблеме «перемещенных лиц». — Новое время, 1955, № 51, с. 29.

ния войны и удерживаются в них по сей день без каких бы то ни было оснований. Это признал и директор психиатрической лечебницы в Вислохе доктор Ганс-Дитер Миддельхофф. «Большинство пациентов могли бы быть давно освобождены, однако это вызвало бы массу негативных социальных факторов. Общество не готово к приему этих людей», — заявил он в телепередаче АРД. Примерно то же он сказал и в интервью журналу «Квик».

Несмотря на подобный медицинский диагноз, психически здоровые люди в течение минувшего времени, а также и сегодня подвергаются «лечению» электрошоком. «Каждый второй день я получал электрошоковую процедуру, уничтожавшую мой мозг и практически всю память. После этого неизменно появлялись директор клиники, инспектор, главный врач и спрашивали меня, как я себя чувствую, но я перестал отвечать, потому что боялся вновь получить лечение электрошоком», — рассказал корреспонденту «Квика» бывший офицер Советской Армии Александр Сухоруго (или Сухороков), попавший в плен в 1943 году. Будучи отрезанным от всего мира, не зная немецкого языка, он однажды, через 17 лет после окончания войны, задал медицинскому персоналу вопрос, окончилась ли война, и вновь был подвергнут усиленному «лечению».

После разоблачения «Квика» и телевидения завеса молчания вокруг узников психиатрических клиник стала более плотной: журналистов перестали допускать на территорию больницы.

Судьбы этих несчастных жертв войны нисколько не тревожат «сильных мира того». Они нуждаются и по сей день в людях другого сорта. Огромная машина вражеской пропаганды не может обойтись без отщепенцев, клевещущих на свои родные народы. Так, спасая после событий 1956 года венгерских контрреволюционеров, конгресс США разрешил им беспрепятственный въезд в страну. В иммиграционной американской статистике 60—70-х годов фигурирует немало кубинских «гусанос», о причинах выезда которых Ф. Кастро говорил, что одни выезжают «к родственникам, другие, привыкшие эксплуатировать чужой труд или к легкой жизни, из-за того, что им не нравится революция. Мы не изгоняем этих людей, но и не удерживаем... Наша цель — создать общество действительно свободных людей, мужчин и

женщин, честных, революционных, общество трудящихся»[1].

В американском законодательстве не описана процедура оформления въезда в США так называемых беженцев из социалистических стран. Формально же американскому консулу нужно представить факты, свидетельствующие о том, что данный иностранец сбежал из своей страны из-за «преследований», то есть чтобы претендент на американский паспорт клеветал на свою родную страну. «Беженцам» из социалистических стран каждый год выделяется 10 200 мест. К ним нужно приплюсовать еще 50 мест, зарезервированных для дипломатов-изменников[2].

Одной из основных трибун реакционных эмигрантских кругов является сейчас конгресс США. Еще в 1959 году АПНЕ, «Объединение американцев — выходцев из Центральной и Восточной Европы» и «Американские друзья порабощенных народов» протащили в конгрессе пресловутый закон 80—90 о «порабощенных нациях». Соответственно ему в США ежегодно проводят «неделю порабощенных народов».

Характерно, что после создания специального организационного центра для проведения «недели» — «Национального комитета порабощенных народов» со штаб-квартирой в Вашингтоне и 75 отделениями в других местах страны, — в его состав вошли более трети членов палаты представителей и около трети сенаторов. Недаром газета «Вашингтон пост» писала, что «неделю порабощенных народов» скорее следовало бы назвать «неделей порабощенных конгрессменов».

Эти господа насчитали двадцать два «порабощенных народа», к числу которых отнесли чехов, болгар, словаков, украинцев, литовцев, латышей, венгров и т. д. В «порабощенные» попала и загадочная страна «Идель-Урал», плод больной фантазии, как мы уже отмечали, довоенной буржуазно-националистической эмиграции.

Бывший сотрудник американской разведки, американец украинского происхождения Добрянский, являющийся советником республиканской партии по вопросам национальных меньшинств в Соединенных Штатах,

---

[1] Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс. М., 1966, с. 354.

[2] Филиппов С. В. Указ. соч., с. 65.

добился в 1968 году введения специального пункта о «помощи порабощенным народам» в предвыборную платформу республиканцев (американским «ястребам» очень люба книга Добрянского «Уязвимые русские», вышедшая в 1967 году. На ее страницах всячески рекламируются буржуазные националисты и отщепенцы, с оружием в руках выступавшие против советского народа. Автор буквально лезет из кожи вон в попытках доказать, будто Советский Союз «уязвим» в национальном отношении. Добрянский, повторяющий затасканные пропагандистские тезисы ведомства Геббельса, открыто выступает за превентивную войну против СССР).

Маститый американский дипломат Джордж Ф. Кеннан писал в своих «Мемуарах. 1950—1963», изданных в 1972 году:

«В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...

Эти элементы с успехом апеллировали к религиозным чувствам (в США) и, что еще важнее, к господствующей антикоммунистической истерии. Представление о размерах их политического влияния дает тот факт, что в 1959 году они сумели протащить в конгрессе руками своих друзей так называемую резолюцию о «Порабощенных странах». По публичному признанию их оракула доктора Л. Е. Добрянского, тогда доцента Джорджтаунского университета, он написал ее с первого до последнего слова. Этот документ и был торжественно принят конгрессом как заявление об американской политике. Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для конгресса, «освободить» двадцать две «нации», две из которых вообще не существовали, а название одной, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны. Куда там мне надеяться написать политическое заявление самого конгресса в отношении России

и Восточной Европы, хотя у меня за плечами многолетний опыт официальной работы в этой части мира.

Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном российском государстве... Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме... Я имел кое-какое представление о границах нашей мощи и знал, что то, что от нас требовали и ожидали, далеко выходит за эти границы».

«Неделя порабощенных наций» — излюбленное времечко для проведения самых разнузданных антисоветских оргий.

В лакейской империализма

Известно, как страстно полемизировал В. И. Ленин с прессой российской зарубежной контрреволюции. Начало этой полемике положил памфлет «В лакейской», бичующий меньшевистскую и эсеровскую печать, оказавшуюся в первые годы Советской власти «по *ту* сторону баррикады». «Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками и лакействующие перед буржуазией» (т. 39, с. 139) — так отозвался В. И. Ленин о меньшевистско-эсеровской «писательской компании». С тех пор «цельный и сильный аромат лакейской» стал отличительной чертой антикоммунистической части эмиграции.

Большинство антисоветских эмигрантских организаций, созданных в первые послеоктябрьские годы, не «пережило» второй мировой войны. Из ныне действующих организаций наиболее «известная» — «Народно-трудовой союз» (НТС), с самого зарождения поставивший своей целью активную борьбу с Советской властью. В 1923—1928 годах в местах наибольшего сосредоточения русской эмиграции создаются так называемые Союзы русской молодежи. Летом 1930 года в Белграде был созван «съезд» представителей этих союзов, где решено было объединить их в единую организацию — Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) для борьбы за создание

«независимого российского национального государства». Позже название организации неоднократно менялось, и с 1957 года она называется Народно-трудовым союзом. Энтэесовцы, сотрудничавшие с фашистами в годы войны, сейчас состоят на денежном довольствии у американских спецслужб. «Теснейшие связи существуют у НТС, его журнала «Грани» и издательства «Посев» с радиостанцией «Свобода», которую также финансирует и направляет ЦРУ» [1].

Когда на Запад попали — кто по своей воле, а кого и выпроводили — наиболее яростные ненавистники нашего Отечества (Солженицын, Буковский, Амальрик, Гинзбург, Галич, Левитин-Краснов, Коржавин, Марамзин, Удодов и прочие «борцы за демократию и свободу»), то на «той стороне» они сразу обнародовали свои связи с НТС.

Благосклонностью со стороны правящих кругов крупнейшей капиталистической державы мира пользуется «Конгресс русских американцев» — крупная организация американцев русского происхождения. В последние годы КРА подвизается на почве «помощи» американской администрации по подготовке «новых инициатив» по «защите прав человека» и «расширения демократических преобразований» в нашей стране. Какую «помощь» от КРА могут получить американские власти? Судите сами. За два месяца до начала работы Всеевропейского совещания в Хельсинки, участником которого являлись и США, официоз КРА сокрушался: «Многие из нас опасаются разрядки в отношениях с СССР» [2].

Реакционные круги украинской эмиграции также тесно смыкаются с самыми мрачными силами империализма. Мюнхенская националистическая газета «Шлях перемоги» с восторгом цитировала высказывание Бжезинского о том, что, мол, «ядерная война не означала бы конец цивилизации» (по «подсчетам» газеты, в ее итоге погибнет «только» 400 миллионов человек), призывала «не уклоняться от войны, а готовить психологически к ней население».

Да что там 400 миллионов человеческих жертв. Бандеровская газета «Гомин Украини», выходящая в Торонто, считает войну «наиболее счастливым случаем» для

[1] На службе у ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности Народно-трудового союза. М., 1977, с. 8.

[2] Русский американец. 1975, № 5, с. 4.

реставрации на Украине капитализма, «если бы даже в этой войне погибла половина человечества или больше». И в XX веке не перевелись каннибалы! Украинский буржуазный национализм с его узкосепаратистскими проповедями всегда ратовал за войну как средство выявления «более сильных и достойных наций». Не только ратовал, но и принимал в ней активное участие, обильно полив кровью своих соотечественников землю Украины.

Организация украинских националистов (ОУН) была создана в 1929 году в Вене. Когда в Германии к власти пришел Гитлер, оуновцы свои планы создания «самостийной» Украины стали откровенно связывать с захватнической политикой германского фашизма. Во время оккупации во Львове было создано марионеточное правительство во главе с Я. Стецько — нынешним руководителем эмигрантского «Антибольшевистского блока народов». Однако фашисты вскоре разогнали это правительство, тем самым покончив с разглагольствованиями националистов о «самостийной» Украине.

Тем не менее оуновцы (как и энтээсовцы) ретиво прислуживали гитлеровцам. Это они в составе дивизии СС «Галичина», батальонов вермахта «Нахтигаль» и «Роланд» зверски истребляли мирное население, лютовали в концлагерях.

После войны, скрывшись на Западе от возмездия советского народа, они пополнили ряды штатных провокаторов спецслужб, стряпающих небылицы «о бедственном положении украинцев в Советском Союзе», значительно активизировали подрывную деятельность националистических организаций.

С украинскими националистами пытаются заигрывать буржуазные партии тех стран, где обосновались большие украинские колонии. Так, в Канаде (в которой, по переписи 1971 года, проживало около 600 тысяч украинцев — 82 процента из них родились в Стране кленового листа) ярый «самостийник» М. Старр в 1962 году впервые в канадской истории стал министром труда в правительстве консерваторов [1].

В последние годы украинский буржуазный национализм стремится проникнуть в респектабельные центры буржуазной науки под видом создания т. н. «украиноведческих студий». В 1973 году «Институт украинских

[1] Фурсова Л. Н. Иммиграция и национальное развитие Канады. М., 1975, с. 348, 353.

исследований» создается в самом престижном учебном заведении США — Гарвардском университете. Затем подобный центр появился в Альбертском университете (Канада). И сейчас в университетской системе стран Запада растет число кафедр «украиноведения». В городе Сарселе, около Парижа, размещен «европейский филиал» и издательский центр общества, кощунственно названного именем Т. Г. Шевченко. В Мюнхене действует так называемый «Украинский свободный университет (УВУ). Здесь недоучки из ОУН в течение нескольких месяцев становятся «магистрами» и «профессорами» различных наук.

Каких же научных взглядов придерживаются новоиспеченные «ученые», распространяющиеся насчет своей неизбывной любви к Украине?

Суть их воззрений на историю и настоящее, взаимоотношений между народами нашей страны неизменно сводится к тому, что история каждой нации истолковывается в духе буржуазного национализма — все они противопоставляются русскому народу. «Прочь от Москвы!» — таково «кредо» украинского буржуазного национализма. Так, в Макмастерском университете (Канада) состоялась русско-украинская «научная», конференция в связи с 1500-летним юбилеем Киева. Участники этого псевдонаучного сборища изощрялись в попытках доказать абсолютно противоречащую историческим фактам концепцию об «обособленности» украинской нации и «отсутствии общего корня» трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Дело дошло до курьезов. Некоторые «ученые» доутверждались до того, что украинцы имеют больше общего с готами и китайцами, чем с... русскими.

Другие «знатоки» славянской истории силятся доказать, что Киевская Русь — это, дескать, продукт исключительно украинцев, бывших «главными создателями материальных и духовных ценностей древнерусского государства». Прикрываясь разглагольствованиями о «самобытности» украинского народа, буржуазные националисты заявляют, будто Киевская Русь — «украинское государство». «Почти вся культура времен Киевской Руси была создана на Украине, и, таким образом, украинцами», — упрямо твердит реакционный эмигрантский автор.

«Украиноведы» чернят все. Даже образ славного сына Украины Богдана Хмельницкого. Они стремятся предста-

вить его не вождем всенародного движения, а всего лишь мстителем за личные обиды.

Зоологический антисоветизм толкает украинских националистов в любые объятия. «Они, почувствовав возможности международного сионизма в борьбе против социализма, все активнее стремятся доказать тождество своих исходных расистских, шовинистических позиций с реакционной идеологией, используя при этом наиболее низкопробные формы жалкого пресмыкательства перед сионистами. В «арсенале» украинского буржуазного национализма, например, есть конструкция некоего Ю. Липы, сущность которой заключается в том, что в украинской крови имеется, дескать, «солидная еврейская примесь» [1].

Бандеровская «Лига освобождения Украины» установила связи с другой лигой — «Лигой защиты евреев». По приглашению бандеровцев сионист, бывший уголовник А. Шифрин, выступал с лекциями в Канаде. После канадского турне он отправился в... подкомиссию сената США, где давал провокационные показания о существовании в СССР «оппозиции еврейско-украинского характера».

Кажется, дальше некуда? Оказывается, можно!

Когда украинские националисты узнали об установлении в Чили военно-фашистской диктатуры, они послали в Сантьяго специальную делегацию, чтобы поблагодарить палача чилийского народа Пиночета. Позднее националистические газеты писали о дружеском приеме делегации. А жена Ярослава Стецько даже имела аудиенцию у Пиночета. Она его уверяла, что украинские националисты считают правление чилийской хунты «образцовым режимом» и именно такой нужен Украине.

«Под черными знаменами антисоветизма и антикоммунизма сомкнулись все реакционные силы. И, как всегда, особенно неистовствуют в бессильной злобе заклятые враги нашего народа, прислужники империализма — украинские буржуазные националисты, — отмечалось на XXVI съезде КП Украины. — История, неумолимые законы классовой борьбы со всей убедительностью подтверждают: всяческие отщепенцы и предатели своего народа неизбежно оказываются по ту сторону баррикад, скатываются в болото антикоммунизма, становятся плат-

---

[1] Римаренко Ю. И. Указ. соч., с. 35.

ными наймитами империалистических спецслужб. Они проливают крокодиловы слезы о «судьбах народа», святотатственно разглагольствуют о «свободах» и «правах», всячески маскируя свои истинные цели и отрабатывая подачки по принципу — деньги не пахнут. Это их метко назвал поэт Борис Олейник «бездомними псами», которые «побрели... на ласий курень із чужого блюда, продавши дим Вітчизни за валюту...»[1] (на лакомый кусок с чужого блюда, продавши дым Отчизны за валюту. — *А. А.*).

У честных украинцев, проживающих за рубежом, недобитые гитлеровские холуи и их отпрыски, призывающие Запад действовать «с позиций силы» по отношению к Советскому Союзу, вызывают лишь чувство презрения. Националисты угрожают физической расправой активистам прогрессивных эмигрантских организаций, выступающим за развитие контактов с Родиной.

Некий митрополит Мстислав — он же Степан Скрыпник, племянник Петлюры, — пригрозил... анафемой всем «закордонным» украинцам, если они «без его согласия осмелятся даже посмотреть в сторону Советской Украины».

Но разве можно кровавыми руками и фашистской сутаной (Скрыпника в сан епископа за заслуги перед рейхом возвел гаулейтер оккупированной Украины) закрыть свет правды?

Антикоммунизм использует и такие организации, как «Объединение белорусов в Великобритании», «Объединение белорусов в Канаде», «Белорусско-американское объединение в Америке», «Белорусский институт науки и искусства». С целью координации деятельности объединений белорусских националистов создана Рада никогда не существовавшей Белорусской народной республики (Рада БНР).

Основным «стержнем» антисоветской деятельности организаций латышских, литовских, эстонских эмигрантов и прибалтийских немцев является спекуляция на двух надуманных вопросах: о так называемом «незаконном присоединении» Прибалтийских республик к СССР в 1940 году и о «насильственной русификации народов Балтийских стран». В настоящее время на Западе проживает «более полумиллиона литовцев или лиц литов-

---

[1] Коммунист Украины, 1981, № 3, с. 39—40.

ского происхождения» [1], «примерно 120 тысяч латышей» [2], «около 100 тысяч эстонских эмигрантов» [3]. Особую группу составляют прибалтийские немцы, выехавшие с территории Прибалтийских республик в 1939—1940 годах.

В годы царизма и господства в Литве, Латвии и Эстонии буржуазно-фашистских режимов в эмиграции находились революционно настроенные силы, сыгравшие большую роль в развертывании освободительного движения на Родине. Сеть же буржуазно-националистических антисоветских организаций создали за рубежом в основном эмигранты периода второй мировой войны. «После окончания войны на территориях таких стран, как ФРГ, Австрия, Дания, Бельгия и Швеция, осталось около 260 тысяч так называемых «перемещенных лиц» из Прибалтики» [4]. Многие из них были прямыми пособниками немецко-фашистских оккупантов, повинными в гибели многих тысяч своих соотечественников. Необходимо отметить, что большинство довоенных эмигрантов не поддались влиянию буржуазных националистов. Между прогрессивными и реакционными организациями разгорелась острая идеологическая борьба, продолжающаяся и по сей день.

Временем наибольших надежд для прибалтийской антисоветской эмиграции был период с 1946 по 1956 год. В соответствии с господствовавшей в те годы на Западе стратегией «освобождения от коммунизма» ей начали открыто оказывать поддержку руководящие круги капиталистических стран, прежде всего США. Так, в 1953 году американский конгресс в обстановке большой шумихи занялся «расследованием» так называемого «насильственного включения» Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Постепенно снима-

---

[1] Идеологические течения в литовской эмиграции (на литовском языке. Резюме на русском). Вильнюс, 1978, с. 358.

[2] Пуделс Б. Эволюция идеологии латышской революционной эмиграции в системе антикоммунизма. Рига, 1981, с. 7.

[3] Штейн О. М. Антикоммунизм — идеологическое оружие эстонских буржуазных националистов. — В кн.: Актуальные проблемы общественного сознания и духовной культуры. Таллин, 1980, с. 99.

[4] Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Литовская, латышская и эстонская эмиграция на службе империализма. Рига, 1978, с. 43.

лись последние ограничения на въезд в страну эмигрантского отребья.

Если в конце 40-х годов формально бывшим военнослужащим войск СС въезд в США не разрешался, то в начале 50-х годов это ограничение было снято. Аналогичные цели преследовали власти Великобритании, Канады и Австралии, куда в 1947—1952 годах из Западной Германии эмигрировала значительная часть «перемещенных лиц» — выходцев из Прибалтики. После этого были приняты меры для создания в США, Канаде, Австралии и Великобритании организаций, призванных служить центрами антисоветской деятельности.

Численный же состав этих организаций наглядно иллюстрируют результаты опроса членов эмигрантских организаций, проведенного австралийской «Ассоциацией гуманитарных наук». Согласно данным опроса, из той сравнительно небольшой части эмигрантов, которая состоит в реакционных организациях, 9,8 процента являлись одновременно членами пяти-шести организаций, 22 процента — трех-четырех, а большинство — двух или трех. По меткому замечанию одного эмигранта, «там, где собрались два латыша, сразу создаются три организации...».

Среди антикоммунистических организаций прибалтийской эмиграции своеобразная роль отводится так называемым «миссиям» и «консульствам» буржуазной Эстонии, Латвии и Литвы, которые продолжают существовать в некоторых западных государствах и в настоящее время, представляя лишь самих себя. Империалистическая пропаганда имеет в лице этих «дипломатов» надежных помощников. Об этом свидетельствует, например, хотя бы то, что государственный секретарь США или его заместитель ежегодно направляет в «латвийскую миссию» ноту, в которой всякий раз подтверждается непризнание Америкой вступления Латвии в состав СССР, выражается одобрение антисоветским выступлениям латышских эмигрантов «за право на самоопределение и свободу».

Начиная с 60-х годов антикоммунизм взял курс на создание объединенных центров прибалтийской реакционной эмиграции. Во главе их становятся новые люди, преимущественно из молодежи, не скомпрометировавшие себя связями с фашизмом. По инициативе орга-

низации «Американцы за действия конгресса по освобождению прибалтийских государств» конгрессом США была принята резолюция НСР-416 о «прибалтийских странах». Другой организации с заумным названием «Объединенное прибалтийское обращение» — «Обращение прибалтийцев в ООН» удалось в 1967 году протащить в конгрессе США резолюцию, рекомендующую президенту США внести вопрос о «советской оккупации» Эстонии, Литвы и Латвии на рассмотрение в ООН.

В американском конгрессе и по сей день как из рога изобилия сыплются различные проекты резолюций о Латвии, Литве и Эстонии. Под давлением реакции представительные органы власти США неоднократно принимали различные резолюции; в некоторых говорилось, что хельсинкский документ не изменит политику непризнания Америкой Советской власти в Латвии, Литве и Эстонии. Аналогичная резолюция была принята и парламентом Канады 26 февраля 1976 года.

Из эмигрантских реакционных организаций, объединяющих выходцев из Прибалтийских республик, в Соединенных Штатах наиболее активны группировки литовских буржуазных националистов. И не случайно, очевидно, именно член правления так называемой «прибалтийской лиги свободы» Линас Коялис, литовец по происхождению, занял в государственном аппарате созданную в 1984 году должность «постоянного помощника президента США по связям с натурализировавшимися в Соединенных Штатах национальными меньшинствами».

Заметно усилилась роль организаций, занимающихся «теоретическим изучением» реального социализма. К таковым относятся и так называемые «академические» центры, объединяющие молодую «поросль» прибалтийской буржуазно-националистической эмиграции,— «Ассоциация содействия изучению Прибалтики» (ААВ) в США и «Прибалтийский научный институт Скандинавии» в Швеции.

«ААВ» контролируется небезызвестными Гуверовским институтом и Колумбийским университетом, финансируется — «Фондом Форда» и «Стандард ойл компани». Новые деятели с дипломами западных университетов рвутся в бой. Надо оправдывать доверие хозяев, призывающих к материализации идеи о превращении

Прибалтики в «зону трансмиссии западных идей и западного духа в СССР».

Много сил тратится на обоснование теории об «эксплуатации Прибалтики Москвой». Эмигрантские авторы пытаются доказать, что высокие темпы индустриального развития характерны лишь для Прибалтийских республик, а другие советские республики «выступают лишь как пожинатели плодов» или твердят о том, будто экономическая политика КПСС и Советского государства в целом «материально и духовно истощает край».

При этом они не утруждают себя приведением каких-либо доказательств. И это не случайно, так как подобных доказательств не существует. Высокоразвитая промышленность создала необходимые условия для обеспечения работой сотен тысяч трудящихся Прибалтики. Им не нужно искать куска хлеба на чужбине.

И при всем своем старании эмигрантские советологи не в состоянии привести никаких данных о низком жизненном уровне населения Прибалтики, о несправедливом распределении национального дохода, которые могли бы хоть как-то подкрепить их версию о «советском колониализме».

Любопытно, что с гнусной клеветой о «Москве, пожинательнице плодов», забирающей в «свой карман» львиную часть доходов от экспорта и налога с оборота и так далее, носятся также и реакционные эмигранты других национальностей (особенно украинцы и армяне). Ход подобной мысли не нов — это ставка на раскол братского союза советских республик.

Идее «национального эгоизма» также служат тщательно муссируемые эмигрантскими «теоретиками» разных национальностей концепции «единых национальных культур». Что это такое? Давайте разберем это «достижение» эмигрантской мысли на примере «единой латышской культуры».

Ее якобы представляют все латыши, независимо от того, проживают ли они в Советской Латвии или в западных странах. «Эта теория, упорно защищаемая руководителями латышской буржуазно-националистической эмиграции с начала 70-х годов, опирается на идею «народного духа», якобы определяющего характер и судьбу нации, на единство судьбы языка и национальной психологии всех латышей и на призывах эмиграции идентифицироваться на психологическом уровне и т. д. Есте-

ственно, что защитники этой теории не упоминают классовые различия эмигрантов и латышей, проживающих в условиях социализма, и диаметрально противоположную экономическую жизнь» [1].

Основной акцент, как мы видим, делается на национальные чувства людей. Но при этом создатели теории «единой латышской культуры» не забывают «напомнить» о том, что настоящая латышская культура, к сожалению, не может быть создана в Советской Латвии, ибо последняя стонет под игом Москвы и коммунистов, а следовательно, представлена лишь в эмиграции.

Концепции «единого народа», «единой культуры», конечно же, не новы. Так, в предвоенные годы гитлеровская пропаганда довольно успешно использовала национальное самосознание немцев, проживающих в других странах, в том числе и в Прибалтике, для разжигания националистических предрассудков, играя на идее «национального единства». А как эксплуатируют эти идеи правители современного Израиля, сионисты...

Хочется привести еще один пример того, над чем сейчас бьется буржуазно-националистическая эмигрантская мысль.

Эстонские «теоретики» из вышеупомянутой «ААВ» выступили с «меморандумом», в котором согласились с установлением... социалистического строя в Эстонии. При одном «но». Эстония не должна входить в состав Союза Советских Социалистических Республик. «Допускается» сохранение Советской власти как таковой, Коммунистической партии в качестве правящей партии, ныне действующей системы государственного управления, однако ставится непременное условие, согласно которому Эстония, как и другие Прибалтийские республики, должна выйти из состава СССР.

Объективности ради надо отметить, что не все сотрудники «научных прибалтийских» организаций настроены антисоветски. Некоторые из них честно стремятся использовать преимущества своего этнического происхождения, чтобы заняться беспристрастным изучением различных сторон жизни Латвии, Литвы и Эстонии. К сожалению, они находятся в меньшинстве и не всегда могут откровенно высказать свои мысли...

Горестную предысторию имеет армянское зарубежье.

---

[1] Пуделс Б. Указ. соч., с. 37.

В конце XIX и начале XX века армянский народ пережил страшную трагедию. В этот период в Османской империи было с чудовищной жестокостью истреблено около двух миллионов армян и опустошена вся Западная Армения.

Чудом спасшиеся от геноцида армяне частично поселились в Восточной Армении, то есть в нынешней Советской Армении, а большая часть покинула родные края и вынуждена была поселиться в более чем шестидесяти странах мира. Напомним, что «общая численность армян достигает сейчас 6 миллионов, из них свыше 4 миллионов живет в Советском Союзе. Значительные армянские колонии имеются в Ливане, Сирии, Турции, Иране, Ираке, США, Аргентине, Канаде, Франции, Болгарии, Греции, Австралии и других странах.

Можно, не опасаясь преувеличения, утверждать, что трудящиеся армяне, проживающие за рубежом, исполнены чувства национальной гордости за свою возрожденную и процветающую Родину. За исключением небольшой кучки отщепенцев, у которых успехи Советской Армении во всех областях жизни вызывают лишь злобу» [1]. Это остатки небезызвестной армянской буржуазно-националистической партии дашнакцутюн. Они покинули Родину не из-за турецкого геноцида, а были изгнаны из Армении ее народом. В эмиграции дашнаки попытались воздействовать на крупные армянские колонии в США, Франции, Ливане, Сирии.

Они быстро нашли общий язык с империалистическими кругами. На вооружение сразу был взят излюбленный националистический лозунг «Свободная, независимая и объединенная Армения». «В ходе своей более чем полувековой деятельности в диаспоре она (партия дашнакцутюн. — *А. А.*) служила всем империалистическим группировкам вплоть до немецкого фашизма, но никогда не сотрудничала с демократическими и революционными силами за границей. Партия дашнакцутюн была родным детищем армянской буржуазии и своей эволюцией дошла до уровня агента международного империализма» [2].

Дашнакские идеологи заявляют о том, что старый

---

[1] Меликян М. А караван идет вперед. — Коммунист, 1981, № 9, с. 102.

[2] Ананикян Б. Идейно-политический крах партии дашнакцутюн. Ереван, 1979, с. 70.

режим, считая даже царский и султанский, был более благоприятным для развития армянской нации, чем советский. Приступы ненависти вызывает у них братская и бескорыстная дружба русского и армянского народов.

Расширяющиеся и крепнущие связи между Советской Арменией и армянами за рубежом — также предмет особой «тревоги» дашнаков. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК Компартии Армении своему XXVII съезду, «дашнакская идеология направлена на одурманивание сознания людей националистическими идеями, а политика главарей этой партии — на активную поддержку антисоветских акций империализма, его идеологических диверсий. Мы всегда вели и впредь будем вести непримиримую борьбу против идеологии и политики этих реакционных сил, разоблачать любые попытки вызвать недоверие у зарубежных армян к Советской Армении, оторвать их от Родины-матери».

Известный американский писатель армянского происхождения Уильям Сароян незадолго до своей кончины писал в «Литературной газете»: «Советская Армения — это, на мой взгляд, один из лучших аргументов для СССР». Судьба армянского народа, из-за трагических страниц своей истории получившая известное определение «армянский вопрос», не раз тревожила передовую мировую общественность. И достижения современной Советской Армении наглядно демонстрируют всему миру силу пролетарского интернационализма и мощь социалистического строя, возродившие народ, стоявший всего 60 лет назад на краю гибели.

Скудный багаж советологии о якобы неравноправном положении народов Советского Востока, Кавказа и Закавказья силятся пополнить и малочисленные организации грузинских, узбекских, северокавказских эмигрантов. Естественно, что возле подобных организаций вьются западные разведки. В Турции, например, «против Дагестана действует связанное со спецслужбами США эмигрантское «Общество культуры и взаимопомощи турок Северного Кавказа», — писала в ноябре 1981 года газета «Дагестанская правда».

«Конек» этих организаций — клевета о «национальном подавлении» и «русской преемственности в национальном вопросе». Так, в вышедшей в 1972 году в Бейруте книге некоего Хабжоко Шаукат Муфти «Герои и императоры в черкесской истории» утверждалось: «Со-

временная советская империя является наследницей Российской империи... Следуя примеру прежней империи, она придерживалась политики присоединения всех территорий и районов, которые принадлежали старой империи, как если бы новая империя была обязана восстановить и обновить то, что развалила старая».

Несколько слов о реакционной эмигрантской печати.

Эта печать насчитывает сотни изданий, большей частью представляет собой, как правило, листки, издаваемые в количестве нескольких сот экземпляров, и лишь немногие имеют тираж, выражаемый по крайней мере четырехзначной цифрой. Больше всего эмигрантских изданий выходит в США. Так, по данным 1972 года, русская община издавала 25 газет и 6 журналов на русском и английском языках общим тиражом 65 128 экземпляров, украинская — 88 изданий общим тиражом 247 тысяч экземпляров, литовская — 42 газеты и журнала общим тиражом 139 239 экземпляров, армянская — 30 изданий общим тиражом 66 757 экземпляров, белорусская — 14 изданий общим тиражом 10 тысяч экземпляров[1]. Многие из них носят откровенно антисоветский характер, выступают против улучшения советско-американских отношений.

По замыслу дирижеров буржуазной пропаганды антикоммунистическая эмигрантская пресса должна выступать в качестве «правдивых голосов» народов социалистических стран. Помимо этого, она всячески спекулирует на национальных чувствах эмигрантов, культивируя ярый буржуазный национализм под видом заботы о воспитании эмигрантов, их детей и внуков, в духе приверженности к культурно-историческим ценностям своих народов. Денно и нощно из эмигрантских «гетто» несутся потоки пѐчатной ругани устных проклятий в адрес нашего Отечества. Заскорузлая душа контрреволюционной части эмиграции органически не приемлет нашей, советской действительности.

Ядовитые проповеди

Человек, волей судьбы оказавшийся за пределами родной земли, всегда чувствует себя неуверенно на чужбине. Не-

[1] Z. K. Wynar. Encyslopedic Directory of Ethnic Newspapers and Periodicals in the United States. Littleton 1972, p. 224, 238, 242, 247.

знание страны, ее культуры, обычаев, часто языка, ностальгия по покинутой родине, весьма смутные перспективы на ближайшее и отдаленное будущее — огромный комплекс неполноценности владеет эмигрантом. Взоры многих из них, даже неверующих до разлуки со своим отечеством, обращаются к религии. Естественно, что эмигрант — неважно, протестант или католик, православный или мусульманин — желает примкнуть к лону «своей» церкви, напоминающей ему о родине. И здесь его с распростертыми объятиями ждут эмигрантские клерикалы, многие из которых поклоняются не божеству, а антикоммунизму, отравляя душу зарубежных соотечественников клеветой на нашу Родину...

Эмигрантские политиканы всегда заигрывают с религией. Ведь хорошо известно, что идеалистическое истолкование жизни всегда способствовало насаждению и распространению реакционных идей. В идеологической интервенции Запада против населения нашей страны, в том числе и молодежи (по последним выборочным данным, число активно верующих в СССР составляет 9—10 процентов взрослого населения), религия начинает занимать все более заметное место. Вернее, не религия, а антисоветские спекуляции на религиозную тему.

Религиозные предрассудки некоторой части нашей молодежи антикоммунистические клерикальные центры стремятся использовать как средство насаждения националистических настроений, натравливания мусульман на христиан, католиков на православных. И всех верующих — на Советское государство.

Особенно «усердствуют» такие центры, как «Ватикан, Бруклинский центр иеговистов, так называемые «Евангелизация в странах коммунизма», «Свет на Востоке», «Русская зарубежная церковь». Все они в той или иной степени координируют свои акции с органами буржуазной пропаганды, разведками империалистических государств, закордонными националистическими и антисоветскими организациями. Например, деятельность Бруклинского центра иеговистов и «Русской зарубежной церкви» финансируется из фондов ЦРУ» [1].

Надо отметить особенности существования эмигрантских религиозных объединений. Лидерам антисоветской

---

[1] Чебриков В. М. Указ. соч., с. 30.

части эмиграции использование религиозного одеяния позволяет быстрее завоевать расположение общественности стран своего проживания. Не только многочисленные верующие этих стран, но и атеистически настроенная часть населения с большей благосклонностью относятся к политической деятельности эмигрантов, если те облачены в религиозные одежды. Космополитический характер христианства, мусульманства помогает эмигрантам быстрее преодолеть известную национальную отчужденность при поддержке местных религиозных общин.

Эмигрантским же главарям религиозная оболочка позволяет постоянно нападать на мир реального социализма под флагом «свободы совести». «Гонения на верующих», «церковь-мученица», «политический атеизм» — обязательный набор «аргументов» эмигрантских клерикалов независимо от вероисповедания. В последние годы они усиленно занимаются надеванием терновых венцов на всякого рода «борцов за веру», «исповедальников», «невинных страдальцев за свои религиозные убеждения», «правозащитников»...

«Крестным отцом» так называемой «Русской православной церкви за границей» был генерал Врангель. Выброшенные за пределы родной земли победившим в гражданской войне народом церковники-беженцы лихорадочно подготавливают антисоветский церковный собор. Архиепископ Евлогий из эмиграции писал в Москву патриарху Тихону: «...У нас... затевается большой заграничный собор с привлечением Латвии, Эстонии, Польши, Финляндии и даже Америки, Японии, Китая. Слишком широко размахнулись. Хватит ли пороху...» [1]

Пороху явно не хватило. На так называемом общем собрании представителей русской заграничной церкви в городе Сремски Карловцы, резиденции сербского патриарха, было представлено всего лишь двенадцать епископов и шестьдесят священников и мирян, а также члены всероссийского собора 1917—1918 гг., представители армии в изгнании и некоторые лица, приглашенные «организационным комитетом». Кстати, русское православное духовенство по сравнению с представителями других эксплуататорских классов дореволюционной России, «да-

---

[1] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань, 1970, с. 317.

ло» меньше всего белоэмигрантов — на это неоднократно указывала эмигрантская литература [1].

«Карловацкий собор 1921 г. был контрреволюционным во всех отношениях: и по составу участников, и по характеру работы, и по содержанию принятых на нем решений, и, наконец, по его влиянию на последующую деятельность наиболее реакционных церковных кругов русской эмиграции» [2]. Яро антисоветскую деятельность карловчан, называвших Октябрьскую революцию не иначе как «большевистским переворотом», противодействующим «промыслу господню», осудил даже патриарх Тихон, в первые послеоктябрьские годы относившийся, как известно, враждебно к Советской власти. Синод русской православной церкви официально отмежевался от их реакционного политического курса на восстановление самодержавия в его дореволюционном виде.

Карловацкие архиереи благословляли Гитлера на агрессию против Советского Союза. А когда в 1941 году она совершилась, митрополит Анастасий обещал фюреру: «Молитвы о вас будут возноситься во всех православных церквах». В пасхальном послании 1942 года Анастасий угодливо возглашал: «И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела «Христос воскрес!».

После войны центр церкви обосновался в американском городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк). Время, кажется, не властно над карловчанами. Сколько перемен в мире, а они все такие же. Все им не по душе. Даже западный мир (как-никак приютивший их). Они характеризуют его как глубоко бесчеловечный, духовно уродующий человека. «Тупое, холодное безразличие почти ко всему, что несет на себе печать идейности, и искание во всем одной лишь личной выгоды, — читаем на страницах официального органа «русской зарубежной церкви», — вот чем характеризуется наше время».

Раздражает карловацких «вождей» и усиление в кругах русской эмиграции симпатий к СССР, появление трезвых оценок социалистических преобразований, осу-

---

[1] Kovalevsky P. La Dispersion Russe. Chauny (Aisne), 1951, p. 7.

[2] Гордиенко Н. С. Комаров П. М., Курочкин П. К. Политиканы от религии. М., 1975, с. 21.

ществленных на родной земле. С тревогой отмечал карловацкий официоз «Православная Русь» наличие среди «окормляемой» паствы таких русских эмигрантов, кто «находит оправдание революции и превозносит имя товарища Ленина». Особо тревожит карловчан падение их влияния на молодые поколения русских эмигрантов.

Ведь ни одна поместная православная церковь не признает за карловацкой группировкой права называться церковью и не находится в каноническом общении с ней. Карловацкие руководители были запрещены в священнослужении и исключены из состава клира, подведомственного Московской патриархии. Решения московского патриарха лишили карловацких раскольников права говорить от имени русской православной церкви, давно подорвали их престиж в глазах верующих.

Страх перед будущим заставляет карловацких лидеров обращаться за идеалами... к прошлому. Уж как они лелеют мысль о возврате к «святой православной Руси» допетровских времен. «Получить снова царя может только Россия, молитвенно распростершаяся в благоговейном покаянии пред своим преданным ею последним царем». А чтобы России (то есть нам с вами, читатель. — *А. А.)* не забыть, перед кем благоговеть, карловчане взяли да провели 2 ноября 1981 года церемонию причисления к лику святых бывшего русского царя Николая II, его семейства и еще нескольких тысяч «российских новомучеников»...

Даже телекомпания Си-би-эс поиронизировала, что отныне царь «Николай Кровавый» стал «святым».

Но не за устройство же подобных балаганов получает деньги «русская заграничная церковь» от своих хозяев. А за подрывную деятельность против СССР. В 1959 году она создает так называемое братство «Православное дело». Центр его находится в Брюсселе, а филиалы в Женеве, Париже, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Бад Нуагайме. С самого начала своего существования «Православное дело» засылает в нашу страну религиозно-политическую литературу антикоммунистического содержания. В последние годы оно стало направлять свои антисоветские материалы по почте — в адрес наших учреждений и отдельных граждан.

Вот за такую «богоугодную» деятельность смело можно рассчитывать на денежную помощь от западных покровителей.

В первые послереволюционные годы из многочисленных организаций белоэмиграции «только очень немногие, как Р. С. Х. Движение или Богословский Институт, получали поддержку извне»[1]. Что же это за Р. С. Х. Движение? И кто его «в трудные годы поддержал и морально, и материально»? РСХД — это Русское студенческое христианское движение, организационно оформившееся в 1923 году на съезде эмигрантской молодежи в чехословацком городке Пшерове[2]. «Поддержали» РСХД «друзья-американцы» — глава Всемирного студенческого христианского движения (YMCA) Джон Мотт, И. Колтон, Р. Г. Холлингер, Э. И. Мак-Нотен, П. Ф. Андерсон и Д. И. Лаури[3].

«Движение» сразу прибрали к рукам столпы русской религиозно-идеалистической философии — Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Зеньковский, Л. Зандер, С. Франк. Сначала РСХД разошлось с карловацкими раскольниками. «Крайний политический консерватизм, монархическая ориентация карловчан оказались неприемлемыми для той части эмиграции, которая видела путь к реализации своих целей и надежд не в закосневшей атмосфере Русской православной церкви, а в «новом христианстве» [4].

Но постепенно РСХД от лозунгов сохранения русской культуры, русской самобытности, которые якобы находятся под угрозой гибели в результате Октября, защиты христианской веры перешло на позиции «защиты христианства в СССР». Антисоветизм стал стержнем деятельности этой организации, у которой давно уже нет, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, принципиальных отличий от «русской зарубежной церкви». Те же песни, та же религиозная «контрабанда» в СССР, те же несбывшиеся надежды. Лидеры РСХД всегда подчеркивали «неразрывную связь движения с Россией». «Россию» им сейчас олицетворяют несколько отщепенцев да кучка лиц, покинувших СССР по израильским визам, но «почему-то» в поисках «чечевичной похлебки предметообожания» не добравшихся до «земли обетованной».

---

[1] Ковалевский П. Е. Указ. соч., т. 2, с. 41.
[2] См. о нем: Карпов Д. Под флагом РСХД. — Аргументы. М., 1981, с. 120—142.
[3] Ковалевский П. Е. Указ. соч., т. 2, с. 43.
[4] Аргументы, 1981, с. 125.

О каких-либо связях РСХД с настоящей Россией говорить не приходится. Да они и сами это признали, когда на обложке журнала «Вестник Русского христианского движения», где ранее печаталось «Париж — Нью-Йорк» — места его издания, редакторы «Вестника» стали добавлять слово «Москва». «Мы дерзновенно прибавляем «Москва», — писали они, — хотя по условиям сегодняшнего дня никакой постояной и организованной связи с ней быть не может» [1].

«Священную» войну коммунизму объявляют и эмигрантские клерикалы украинского происхождения — представители «Украинского христианского движения», «Объединения украинских баптистских церквей» (США), «Украинской евангельско-баптистской конвенции», «Украинской автофекальной церкви» и т. д. Но несомненно, что главным «поборником национальных интересов, охранителем национальных ценностей и традиций» выступает так называемая Украинская католическая церковь (УКЦ), за ширмой которой скрылись униаты.

Предательская роль униатства общеизвестна [2].

Украинские буржуазные националисты и их духовные пастыри из униатской (греко-католической) церкви активно сотрудничали в годы Великой Отечественной войны с гитлеровцами. В 1946 году по настоянию верующих и большинства духовенства униатская церковь прекратила свое существование на территории Украины.

Наиболее же реакционная часть униатского духовенства сбежала на Запад.

Униатское духовенство стремится прибрать к рукам молодежные организации; направить их деятельность в антисоветское русло. Оно заняло «руководящие посты в таких украинских католических объединениях, созданных еще до второй мировой войны, как союз украинцев-католиков (СУК) «Провидение» (США), «Братство украинцев-католиков» — БУК (Канада), «Союз украинцев Британии» — СУБ (Англия), в обществе католического студенчества «Обнова», в «Союзе украинской молодежи» — СУМ, «Украинском христианском движении» — УХД, «Украинском всемирном патриархальном объединении» и т. д. Как координирующий их центр используются «Украинский конгрессовый комитет Амери-

---

[1] Аргументы, 1981, с. 131.

[2] См.: Дмитрук К. Свастика на сутанах. М., 1976, его же: С крестом и трезубцем. М., 1980.

12*

ки» (УККА) в США и «Комитет украинцев Канады» (КУК), ставшие орудием разведывательных служб империалистических держав» [1].

В Риме на ватиканском денежном довольствии находятся Украинский католический университет имени св. Климента, большая и малая духовные семинарии имени св. Иосафата. УКЦ имеет также духовные семинарии в Вашингтоне и Буэнос-Айресе.

Униаты тщетно пытаются замедлить столь характерный вообще для нашего времени массовый отход от религии. «Под влиянием УКЦ находится лишь четвертая часть украинских эмигрантов» [2]. Они стремятся насадить религиозное воспитание в детских садах и школах, расширяют выпуск религиозно-националистической литературы в издательствах «Сучаснисть» (ФРГ), «Смолоскип» и «Пролог» (США). Любыми средствами они хотят сохранить так называемую «национальную субстанцию» в иноязычном мире. Для этого даже предлагается запереть украинскую зарубежную молодежь в своего рода «украинско-патриархальные» гетто.

Но их потуги напрасны. По сообщению самой буржуазно-клерикальной прессы, в созданных оуновцами и реакционным духовенством молодежных организациях состоит всего около одного процента украинских юношей и девушек, проживающих на Западе.

В последнее время деятельность эмигрантских антисоветских организаций заметно активизировалась в связи с предстоящим в 1988 году тысячелетием крещения Руси. Особенно усердствуют карловчане и униаты; причем каждая реакционная группировка «по-своему» готовится к юбилею.

Карловацкие вожаки твердят о том, что принятие христианства киевским князем Владимиром Святославовичем и крещение по его повелению киевлян — явление исключительно провиденциального характера, событие эпохальное не только для православной церкви, но и для всего общества, определяющий фактор отечественной истории, которому, мол, наша страна обязана всем и т. д. и т. п. Ради обоснования формулы «Россия создана христианством и православием» карловацкие

---

[1] Аргументы, 1981, с. 55—56.

[2] Мигович И. И. Униатско-националистический альянс на службе империализма. — Коммунист Украины, 1981, № 5, с. 84.

идеологи бессовестно клевещут на своих предков, во всем «отказывают» дохристианской Руси, всячески сводя к нулю ее экономический, политический и духовный потенциал. «Демиургом русской истории является православная церковь», — занудливо твердят они.

Упрямо гнут свое и униаты. Спекулируя с заправилами украинской буржуазно-националистической эмиграции на фальшивой идее о том, что Киевская Русь — это только Украина, они всячески пытаются нагнетать враждебность к русскому народу. По их логике, князь Владимир крестил только украинцев, а значит, юбилей принадлежит только им, «русских тогда на карте Европы еще не было», а значит, и юбилей «принадлежит Украине» и только ей, а не русской православной церкви, прямой наследнице киевского христианства, да и вообще, мол, в Киевской Руси было введено христианство западного направления, католическое...

В дореволюционной жизни армянского народа, столетиями лишенного государственности, церковь играла большую роль. Для зарубежных армян она и поныне имеет немаловажное значение. Исторически сложилось так, что наряду с первопрестолом армяно-апостольской церкви в Эчмиадзине существовал также Киликийский католикосат — в 1921 году он перебрался в Антилиас (предместье Бейрута). Киликийские католики всегда признавали верховенство Эчмиадзина. Но, учитывая влияние церкви на многочисленных зарубежных армян, дашнаки в 1956 году откололи киликийский католикосат от Эчмиадзина.

Цель этой, конечно же, политической акции партии дашнакцутюн очевидна — ослабить нити, связывающие зарубежных армян с родной страной.

Зарубежная церковная контрреволюция, действующая против республик Советской Прибалтики, представлена организациями как католического, так и протестантского направления. В наши дни на территории Литовской ССР наиболее влиятельной является католическая церковь, Латвийской ССР — евангелистически-лютеранская, а также католическая, Эстонской ССР — евангелистически-лютеранская. Подобное «распределение» вероисповеданий практически «воспроизведено» в среде прибалтийских эмигрантов.

Особо важное место в подрывной деятельности кле-

рикальной антисоветской эмиграции отводится католической церкви.

В ведущейся после Октябрьской революции политике Ватикана в отношении к нашей стране определенное место занимала в межвоенный период белоэмиграция. Подобно тому как русская зарубежная контрреволюция «нашла себя» в Берлине, Праге и Париже, украинская — в Вене и Берлине, так для римско-католической эмиграции центром стала Варшава. Именно сюда перекочевал из Петрограда духовный центр католицизма в России — римско-католическая духовная академия. В Польше тогда Ватикан увидел центр будущего похода против Советской России «Gesta Dei per Polonos!» («Дела господни через поляков!») — популярный католический лозунг. Здесь прелат Околь-Кулик приступил к изданию на русском языке журнала «Китеж» [1].

Отметим, что Ватикан увидел в большевистской России только лишь анархию, а анархия, конечно же, не может прочно утвердиться, и, следовательно, можно было надеяться на быструю победу «сил порядка». Победа царской России казалась тогда Ватикану большим злом, чем победа «анархистского» большевизма; ведь в случае реставрации самодержавия прощайте вожделенные мечты на присоединение русской православной церкви к лону римско-католической церкви. А сейчас «преследуемую» и находящуюся в оппозиции к новой власти русскую православную церковь гораздо легче склонить к унии. Такова была стратегия Ватикана.

Католическая церковь стала усиленно хлопотать вокруг русских эмигрантов, расписывая перед ними преимущества церковной унии, не расставаясь с мыслью, что может настать час, когда «двери распахнутся» и к этому часу у нее должно быть большое число умелых служителей, готовых к миссионерскому «подвигу» в Советском Союзе. Ватикан усиленно работает в среде русского зарубежья — в Вене, Харбине, Каунасе, Берлине.

Но «дверь захлопнулась» 29 июля 1927 года. В этот день патриарший местоблюститель русской православной церкви митрополит Сергий (Старгородский) подписал «Послание пастырям и пастве», призывавшее служителей культа пересмотреть свое отношение к Советскому госу-

---

[1] Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР. М., 1977, с. 40, 88.

дарству. Представителям духовенства, не принявшим социализма, предлагалось отойти от церковных дел, а остальным рекомендовалось строго следовать в своей деятельности принципу лояльности по отношению к Советской власти. «... Мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и правительством... Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди... но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной...»

Митрополит потребовал и от зарубежного духовенства письменных заверений в лояльности Советскому государству, предупредил, что тот, кто не даст подобного обязательства, «будет исключен из состава клира, подведомственного Московской патриархии».

Надежды Ватикана на сотрудничество с русским православием в борьбе против Советской власти рухнули. «И без того малочисленная в Советском Союзе римско-католическая церковь из-за ее отрицательного отношения к Советскому правительству и вытекающих отсюда последствий почти прекратила свое «существование» [1].

Римская курия сразу же переходит на открыто антисоветскую платформу. Апостолистической конституцией «Quam Curam» от 15 августа 1929 года основывается русская духовная академия «Коллегиум Руссикум» (главное антисоветское учреждение Ватикана) «для подготовки к тому, чтобы в нужный момент принять участие в возрождении русского народа». Такую цель перед академией поставил папа Пий XI.

«Руссикум» практически становится центром русско-католической церкви. Многие русские эмигранты, «обиженные» на заявление митрополита Сергия о лояльности, стали принимать католичество. «Ценным приобретением» для «Руссикума» стал перешедший в католицизм известный русский поэт Вячеслав Иванов. В 1937 году в академии состоялось его шумно обставленное выступление; в нем он объяснил свой переход в лоно католической церкви, в которой он «видел» теперь и свое отечество. Лекции в «Руссикуме» читали Д. Мережковский, О. Обо-

---

[1] Винтер Э. Указ. соч., с. 136.

ленский, З. Гиппиус, графиня Т. Толстая. Русский язык и палеографию в Папском восточном институте преподавал князь А. Волконский [1].

Так что с полным правом можно назвать «Руссикум» одним из идеологических центров российской зарубежной контрреволюции. Главной его задачей была вербовка русской эмигрантской молодежи. Небезынтересен национальный состав студентов академии. Так, в 1939—1940 годах ими были: восемь русских, шесть словаков, по двое немцев, поляков, эстонцев, итальянцев, голландцев, болгар и один литовец.

А тем временем «нужный момент» Ватикан все определеннее связывал с планами Муссолини и Гитлера. 2 февраля 1930 года папа объявил о «крестовом походе против Советского Союза». Контрреволюционная эмиграция ликовала. В соборе св. Петра во время папской искупительной мессы впервые прозвучало русское церковное пение, и русские эмигранты особенно бурно рукоплескали папе.

Из Парижа приветствовал крестовый поход Ватикана митрополит Евлогий, управляющий тогда западноевропейскими русскими православными приходами [2]. Советская сторона решила отреагировать на этот выпад.

В газетах было опубликовано секретное донесение Евлогия от 4 октября 1919 года (в то время он был митрополитом волынским) в деникинское Временное Высшее Церковное Управление. В этом документе Евлогий жаловался на гонения со стороны воинствующего католицизма на православную церковь [3].

После окончания второй мировой войны Ватикан стал создавать наилучшие условия для развертывания антикоммунистической деятельности организаций, созданных эмигрантами из социалистических стран. В документах римской курии стало, например, фигурировать «литовское дипломатическое представительство» при Граде Ватикане. Фашистские недобитки стали выставляться во многих папских посланиях и проповедях как жертвы, «без-

[1] Винтер Э. Указ. соч., с. 136.

[2] После мучительной переоценки ценностей через шестнадцать лет митрополит Евлогий отслужит молебен по случаю Указа Президиума Верховного Совета СССР, предоставляющего советское гражданство бывшим гражданам Российской империи, и получит советский паспорт из рук посла СССР во Франции А. Е. Богомолова.

[3] Известия, 1930, 6 марта.

божных» режимов; конечно же, эти мысли тотчас подхватываются — таков свидетель! — всей националистической эмигрантской прессой.

В 1955 году Германом Гестом был основан международный эмигрантский «Центр католических исследований». Печатная продукция центра способствует и по сей день разжиганию антикоммунистических идей и националистических страстей.

Еще в 1952 году деятели литовской клерикальной эмиграции подготовили программу возрождения католицизма в Литве. Она была изложена в изданных в Риме «Директивах литовского римско-католического епископата для католиков». О том, как мыслилось «возрождение», известный в реакционной эмиграции поэт Ю. Косе-Александравичус писал: «За один зуб вышибить все зубы. Кто побежит, пусть бежит, но остающихся... жалеть нет смысла, и их следует уничтожать на месте, как клопов и тараканов. Не когда-нибудь, а в ту же самую минуту и на том же самом месте... а затем на земле, омытой свежей кровью, возводить новые епископства».

«Освободительная» стратегия ультраправых кругов литовской клерикальной эмиграции требует, чтобы католическая церковь в Литве из организации, удовлетворяющей религиозные потребности верующих, превратилась в политическию силу, подрывающую изнутри социалистическое общество. Подобному сдвигу, по мнению клерикалов, должны способствовать идеологические диверсии — распространение клеветнических и провокационных измышлений о положении этой церкви, извращение политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства по вопросам церкви и религии, постоянное психологическое давление на духовенство и верующих литовской католической церкви с интенсивным использованием для этой цели стереотипов антикоммунистической пропаганды» [1].

Закономерный процесс секуляризации эмигрантские клерикалы пытаются представить как «акт насилия над литовским народом», «преследование веры». «Быть религиозным в сегодняшней Литве требует необычайного героизма, самопожертвования, смелости», — измышляют они. В костелах, мол, «разрешаются проповеди,

[1] Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Указ. соч., с. 155.

но их прослушивает коммунистическая милиция». В другом месте: «В единственной в Литве духовной семинарии в Каунасе для слушателей введен обязательный курс атеизма».

Дельцы от религии требуют, чтобы католическое духовенство Литвы стояло на враждебных социализму позициях. Лояльно относящихся к Советскому государству деятелей церкви они злопыхательски называют «насильственными коллаборационистами» и «конформистами».

Когда представители литовской католической церкви появились на II Ватиканском соборе, то они были враждебно встречены клерикальной эмиграцией. Еще бы! Ведь их появление на всемирном католическом форуме разрушало затасканный миф о «преследуемой церкви» в социалистической Литве.

В латышской эмиграции католиков в основном представляют ксендзы, покинувшие Латвию вместе с гитлеровцами. «Параметры» их деятельности такие же, как и у литовских «коллег». Основной мотив их идеологии прост — сплав религиозной и национальной ограниченности. В качестве примера, достойного подражания, некий ксендз Ю. Пудан приводит еврейскую религиозную общину: «Религия, национальность и единство сердец — это опоры, которые сохранили и распространили в мире еврейский народ. Эти же опоры спасут и латышский народ» [1].

Особое место в среде латышской эмиграции занимают лютеране. Как известно, до второй мировой войны лютеранство, усиленно насаждаемое остзейскими баронами, было наиболее распространенной религией на территории Латвии. Более половины священников лютеранской церкви (около 145) оказались после войны за границей. Здесь они быстро нашли поддержку со стороны крупных религиозных организаций, и прежде всего Всемирной федерации лютеран.

Политические цели эмигрантской «евангелически-лютеранской церкви Латвии» ее нынешние руководители не скрывают: «...особенность нашей церкви состоит в том, что она не ограничивается только... проповедью христианского евангелия. С первых лет выезда наша церковь

---

[1] Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Указ. соч., с. 166.

рассматривала в качестве своей задачи... также борьбу за восстановление независимой Латвии. Это придает нашей церкви, созданной в эмиграции, особое положение среди других протестантских церквей...» [1]

Штаб антикоммунистов из «евангелически-лютеранской церкви Эстонии» находится в Швеции. Возглавляет ныне эту антисоветскую церковь некий К. Веэм, служивший во время войны в гитлеровской армии. Наглые претензии и измышления непрошеных «представителей» эстонской церкви вызывают возмущение среди верующих в Советской Эстонии. Бывший архиепископ Я. Кийвит писал по этому поводу: «Имеет ли право пастырь бросить свой приход и эмигрировать за границу, тем более что прихожане остались на месте? Так спросили и наши верующие после войны, спросили у тех, кто остался на месте: по какому праву уехавшие клирики называют себя на чужбине эстонской церковью, в то время как по традициям нашей церкви местонахождением ее главы и церковного управления является город Таллин. Разве сорванные ветром и развеянные во все стороны листья и ветви составляют лес, или лес состоит из растущих в нем деревьев, корни которых уходят в почву?» [2].

Все более заметную роль в идеологической борьбе против нашей страны начинают играть религиозные мусульманские центры за рубежом. Во главе многих из них стоят бывшие басмачи. Всячески спекулируя на том, что ныне в СССР проживает немало последователей ислама, они находят поддержку со стороны империалистической реакции.

При прямом участии ЦРУ в 1958 году была создана в Джакарте организация «Туркестан либерейшен» («Движение сторонников освобождения мусульман Туркестана»). Финансируется американцами и «Мусульманский комитет» при Институте по изучению СССР в Мюнхене. Агент ЦРУ Иргаш Ширматов стоит во главе основанного в США «Объединения мусульман Средней Азии», другой изменник — Максудбек — верховодит в «Союзе мусульман Нью-Йорка». Недобитые басмачи подвизаются в Институте по изучению ислама (Пакистан).

Как мы видим, желание «отбросить назад» Советский

[1] Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Указ. соч., с. 175.

[2] Там же, с. 182.

Союз заставляет правые круги Запада не гнушаться никакой падалью со свалки истории. Для проникновения в нашу страну используется целая сеть религиозно-пропагандистских радиостанций, в том числе «Радио Ватикана», «Голос дружбы» (США), «Голос евангелия» (Южная Корея), «Монте-Карло» (Монако), «Голос Анд» (Эквадор), «Голос Востока» (Филиппины) и многие другие. Религия используется в качестве прикрытия радиодиверсий находящимися на содержании ЦРУ радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа», а также некоторыми государственными радиостанциями, например «Голос Америки», «Немецкая волна», Би-би-си.

Злобствующие эмигрантские клерикалы пытаются в последние годы все более очернить даже деятельность религиозных объединений в нашей стране. Ничтоже сумняшеся, они, например, силятся доказать, будто движение церквей СССР за мир «инспирировано Кремлем».

Кто предает Запад? Приступы ненависти и страха вызывал у контрреволюционной части эмиграции в 70-е годы процесс разрядки международной напряженности. Эмигрантское отребье в штыки встретило итоги Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и начало вести ожесточенную пропагандистскую кампанию против хельсинкских договоренностей, объявляя их «трагедией», «коммунистической провокацией», «предательством» интересов Запада. Планомерность и концентрированность, свойственные империалистической пропаганде в последние годы, стали отмечать и использование контрреволюционной эмиграции. Например, состоялся ряд встреч, на которых реакционные политиканы — выходцы из нашей страны совместно с аналогичными венгерскими, чехословацкими, польскими и другими «деятелями» — занимались планированием и координацией мероприятий, направленных на искусственное раздувание вопроса о «нарушениях прав человека» в социалистических странах.

В наши дни Запад использует контрреволюционных эмигрантов в своей подрывной деятельности практически против каждой страны реального социализма.

Вьетнам. Враги вьетнамского народа за рубежом выступают под контрреволюционными лозунгами «Месть 30 апреля» (день падения Сайгона и освобождения Юж-

ного Вьетнама в 1975 году) и «Черный апрель». «Американские империалисты... усиленно собирают по всему свету враждебное эмигрантское отребье и формируют из него ударные отряды для ведения идеологической и психологической войны против Вьетнама. За рубежом сейчас издается около 120 реакционных газет и журналов, в том числе 26 — в США, 18 — в ФРГ, 15 — во Франции, 9 — в Бельгии, 8 — в Канаде, постоянно ведущих кампанию нападок и злобной клеветы на социалистический Вьетнам» [1].

Югославия. Правое крыло многочисленной реакционной югославской эмиграции составляют недобитые гитлеровские пособники — усташи и домобраны из Хорватии, четники и недичевцы из Сербии, ванчомихайловисты из Македонии, балисты из Косова и т. д. «...Мы имеем относительно большую политическую эмиграцию, — отмечалось на пленуме ЦК СКЮ в декабре 1978 года. — Она была создана в основном после второй мировой войны, то есть связала свою судьбу с фашистской Германией, пережив вместе с ней ее разгром. По необходимости эта эмиграция пыталась продаться новым антикоммунистическим силам, сейчас она пользуется их поддержкой, их пропагандистская деятельность велика. Фашистская эмиграция издает 270 газет и журналов, из них усташеских — 140, четнических — 75, словенских — 22, македонских — 6, албанских — 21, мусульманских — 7. Средний тираж колеблется от 50 до 2000 экземпляров, а ряд газет — от 3,5 тыс. до 20 тыс.».

Говоря о подрывных действиях антиюгославской эмиграции, необходимо отметить, что она широко использует не только политические методы, но и террор. За последние годы эмигрантские группировки совершили 193 террористических акта, в результате которых погибли 20 граждан Югославии и других стран [2].

Известно, что за пределами Югославии существует обширная «временная экономическая эмиграция». «Сейчас в западноевропейских странах находятся 670 тысяч югославских трудящихся и около 400 тысяч членов их семей» [3]. Эмигрантские группировки, настроенные непримиримо против социализма, пытаются вести подрывную работу среди югославских рабочих.

[1] Правда, 1981, 16 ноября.
[2] Правда, 1982, 14 мая.
[3] Известия, 1982, 1 февраля.

В совместном документе Президиума СКЮ и Президиума СФРЮ «Занятость и положение югославских граждан за рубежом» отмечалось: «Нужно иметь в виду, что югославские граждане за рубежом очень часто подвергаются давлению реакционных кругов и разведывательных служб, шантажу вражеской эмиграции, систематической враждебной пропаганде против нашей страны, и этому необходимо организованно противостоять».

Исходя из этого, ведется работа, направленная на то, чтобы югославские трудящиеся, находясь в Западной Германии, Франции, Бельгии и других странах, не отрывались от родины, сохраняли патриотические чувства и приверженность социалистической Югославии.

Куба. Многочисленные воинственные заявления Р. Рейгана вызывают ликование в кругах антикубинской эмиграции. «Они уверены, что длительная оттепель в «холодной войне» против Кубы подошла к концу и следует ожидать начала горячей войны», — отмечается в вышедшей в 1981 году книге У. Хинкла и У. Тэрнера «Рыба имеет красный цвет. История тайной войны против Кастро». С приходом к власти нынешней американской администрации резко активизировалась деятельность таких террористических организаций кубинского эмигрантского отребья, как «кубанос унидос», «альфа-66», «омега-7». Их вожаки никогда и не скрывали своих связей с ЦРУ и американской мафией.

Антикубинская кампания Вашингтона привела к созданию огромной сети, «которая охватывает все западное полушарие и щупальца которой протянулись по всему миру». Она «объединяет кубинских эмигрантов-экстремистов с секретной полицией Венесуэлы и Чили и поддерживается влиятельными политическими фигурами в Соединенных Штатах и Латинской Америке» [1].

Эти примеры можно продолжить, но и приведенных фактов достаточно, чтобы понять и определить место контрреволюционной эмиграции в общей стратегии действий империалистической реакции. Наиболее выпукло тактика использования антикоммунистической эмиграции против реального социализма проявилась во время польских событий.

---

[1] Warren Hinckle and William Turner. The fich is red. The story of the secret war against Castro. Harper and Row, New York, 1981, p. 224.

Вне пределов родины в мире сейчас проживает от 13 до 16 миллионов человек, этнически связанных с Польшей. Эту многомиллионную этническую группу — польских эмигрантов и их потомков — принято называть «Полонией» (второй город в мире после Варшавы по количеству жителей польского происхождения... Чикаго). Основными странами поселения лиц польского происхождения являются США, Бразилия, Франция, ФРГ, Австралия и Канада. «Полония» необычайно многолика: ведь она состоит из представителей всех «волн» польской эмиграции, из которых выделяются: а) политическая эмиграция конца XVIII в., вызванная разделом Польши (1772 г.); б) экономическая эмиграция из отдельных частей разделенной Польши в 1870—1914 годах; в) экономическая эмиграция 1918—1938 годов; г) политическая эмиграция периода второй мировой войны и последующих лет.

Антикоммунистические настроения в «Полонии» появились в годы минувшей войны; тогда в основном они были «продуктом» деятельности лондонского эмигрантского правительства. Оно отвергало на деле тесное сотрудничество с Советским Союзом и отравляло сознание поляков непрекращавшимися провокационными обвинениями в адрес нашей страны в «аннексии», считая таковой освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Вбить клин между Польшей и СССР стремилась и верхушка «Национального союза американцев польского происхождения», возглавляемая И. Матушевским.

Им в «Полонии» противостояли истинные патриоты Польши, сумевшие обеспечить прочное антифашистское единство большинства польских трудящихся в США на базе солидарности с Советским Союзом. Специальная конференция нескольких крупных польских организаций, собравшаяся в Детройте в ноябре 1943 года, наметила пути возрождения польского государства. «В настоящий момент, — отмечалось в декларации конференции, — польское правительство не защищает национальных интересов Польши. В силу этого польский корпус в Советском Союзе и партизаны в Польше, борющиеся за независимость Польши, действуют в соответствии с ее национальными интересами и в согласии с Объединенными Нациями» [1].

---

[1] Шлепаков А. Н. Указ. соч., т. 339—340.

«Польское правительство в изгнании» живо и по сей день. Их штаб-квартира в лондонском районе Кенсингтоне (фешенебельный особняк на Итон плейс, 43 подарен врагам народной Польши британским правительством) забита старыми боевыми знаменами и портретами польских королей, напоминающими о давно минувших днях, которые никогда не вернутся. «Пока мы здесь, коммунистическое правительство в Польше является временным. Мы законные представители польской республики», — твердят «гордые седовласые старые воины, именующие себя польским правительством в эмиграции» (определение корреспондента Ассошиэйтед Пресс Э. Бланша).

Наиболее активную роль в подрывной работе против народной Польши играют редакция парижского журнала «Культура» и организация «Свободная Польша», созданная в США. «Культура» — провокатор с солидным опытом (журнал увидел свет в 1946 году как орган «Литературного института», созданного офицерами второго корпуса армии Андерса). В 1948 году под началом редакции организуется «Центр по исследованию и изучению страны» и «Отдел документации польской эмиграции». На следующий год «Культуру» прибирает к рукам «Комитет «Свободная Европа». В 1967 году разразился скандал, вызванный разоблачением связей редакции с ЦРУ.

Скандал не смутил редколлегию «Культуры». Напротив. Некий Мерошевский в 185-й книжке журнала откровенно писал: «Мы, политическая эмиграция, рассматриваем Соединенные Штаты как своих союзников и считаем, что для выполнения нашего долга мы должны иметь возможность действовать. Все союзники Америки пользуются ее материальной помощью. Я не вижу, почему польская эмиграция должна отказываться от нее. В иностранных деньгах нет ничего плохого» [1].

«Культура» стала инициатором сбора средств для контрреволюционных сил в Польше и их главным рупором. Именно близкие к журналу круги польской эмиграции создали «теорию эволюционизма», с помощью которой реакция надеется «отвоевать» позиции у социализма.

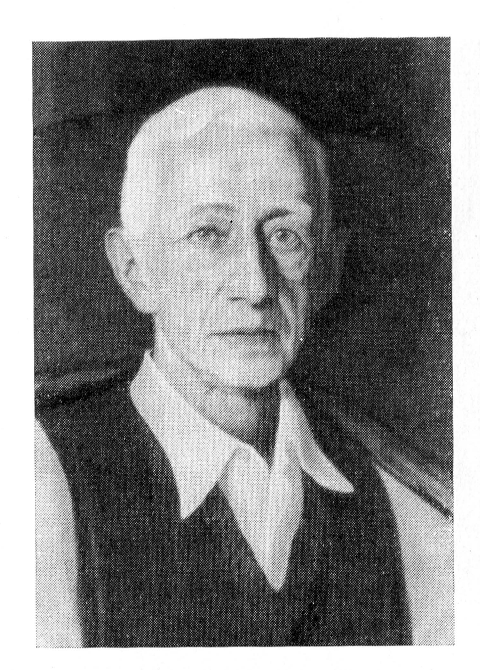
«Свободная Польша» — это организация боевиков откровенно профашистского толка. Да и возглавляет ее

---

[1] Герэн А. Указ. соч., с. 180.

Встреча соотечественниками советского теплохода «Азербайджан» в Монтевидео. 1946 г.

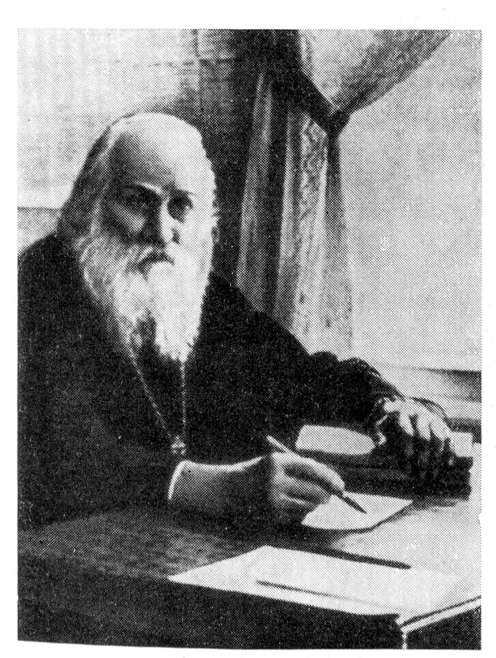
Собрание эмигрантов, принявших советское гражданство. Париж. 1947 г.

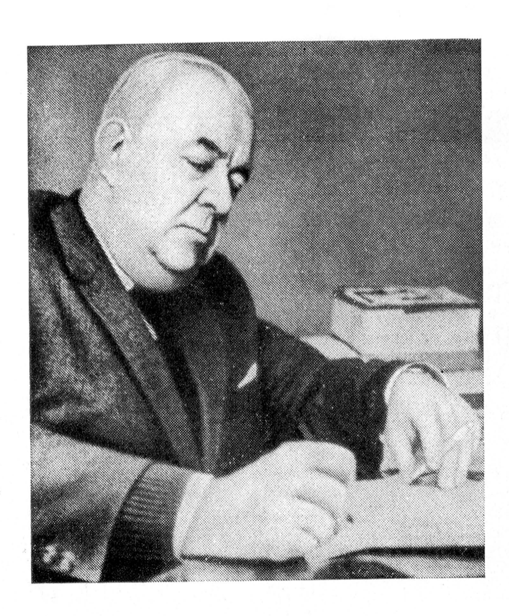
Последний прижизненный портрет И. А. Бунина. Художник Михаил Вербов. 1951 г.

Алехо Карпентьер.

В. А. Яхонтов. 1976 г. Фото Д. Ухтомского.

Митрополит Вениамин в Псково-Печорском монастыре. 1958 г.

*Лев Любимов —
автор известной
книги воспоминаний
«На чужбине»,
а также ряда
исторических трудов.*

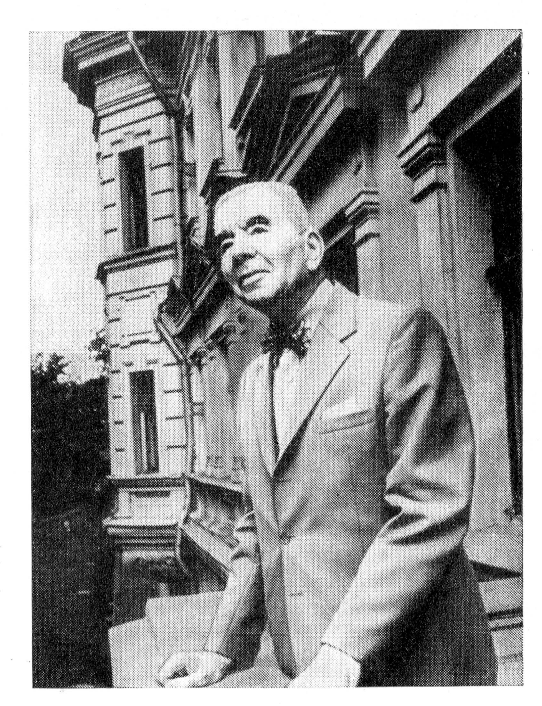

*Скованы волненьем
мысль и слово.
Не хватает силы
передать,
Что такое потерять
и снова
Встретить и обнять
родную мать.*

Мария Вега

Фото Д. Ухтомского

Биолог с мировым именем Сергей Чахотин вернулся в СССР после второй мировой войны.

Известный экономист Валерий Терещенко вернулся в СССР из США. Фото Д. Ухтомского.

Сорвана попытка провоза в нашу страну «продукции» антисоветских эмигрантских центров.

Издания прогрессивных организаций зарубежных соотечественников. ▶

Новые граждане «свободного мира» на «барахолке» в римском пригороде.

ВЕСТНИК
ЗАБАСТОВКА В ГОСПИТАЛЕ
В АТМОСФЕРЕ СЛЕЖКИ
СВИДЕТЕЛЬСТВО ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЙ
РОДНИКИ
Орган общества соотечественников "РОМАШКА" г.Дортмунд
5
1980
РУССКИЙ ГОЛОС
ЗА НЕДЕЛЮ • ЗА НЕДЕЛЮ • ЗА НЕДЕЛЮ • ЗА НЕДЕЛЮ
ТРЕД-ЮНИОНЫ ПРОТИВ МИЛИТАРИЗМА
ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ПРЕЗИДЕНТА США
КРИТИКУЮТ АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА
Юрий ТРИФОНОВ
УССКИЙ ЛИСТОК 6
ДРУЖБА
DROUZHBA

Сергей Лифарь выступает на открытии площади С. П. Дягилева. Париж. 25 марта 1966 г.

Николай Гедда выступает в Большом зале Московской консерватории. 1981 г. Фото Ю. Лунькова.

Автограф Н. Гедды.

Лауреат Нобелевской премии, иностранный член АН СССР Илья Пригожин (Бельгия).

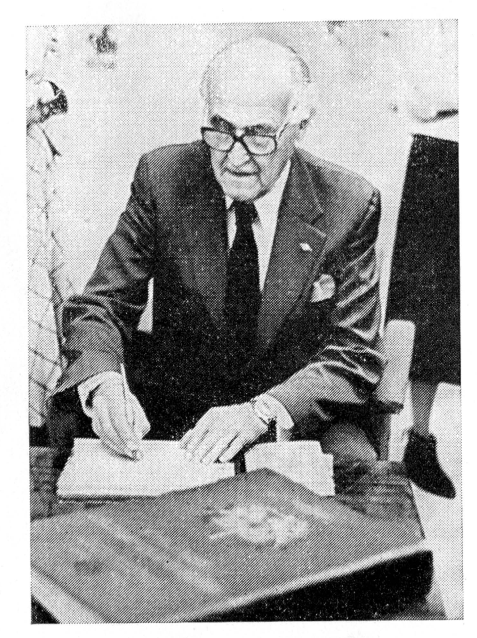

Дорогие русские люди!
Я выступал на многих сценах
мира но ни одна публика мира не
принимала меня так тепло и душевно,
как советская. За это я горячо призна-
телен. Русская песня, русская культура
объединяют всех нас. Это наш животворящий
источник, в котором мы черпаем свои духовные
силы. Желаю вам всего доброго Ваш Николай Гедда.

Американская киноактриса Натали Вуд (настоящая фамилия Захаренко) и Питер Устинов на съемках телефильма об Эрмитаже. 1979 г.

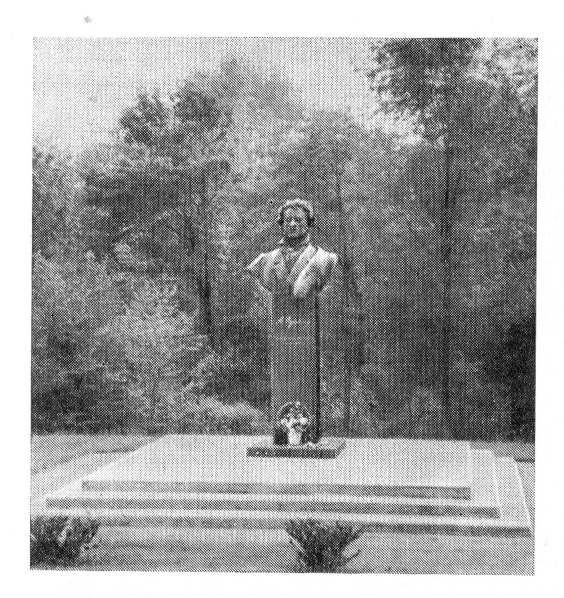

Николай Бенуа и его жена, солистка Ла Скала, Дизма де Чекко в Москве. Фото В. Некрасова.

Георгий Игнатьев, потомок М. И. Кутузова, бывший ректор Торонтского университета, председатель организации сторонников борьбы за мир в Канаде «Наука и мир», дарит альбом «Военная галерея 1812 года» музею-панораме «Бородинская битва». 1986 г. Фото В. Некрасова.

Зинаида Гржебина, руководитель студии Парижской оперы, во время путешествия в Ленинграде. Фото Д. Ухтомского.

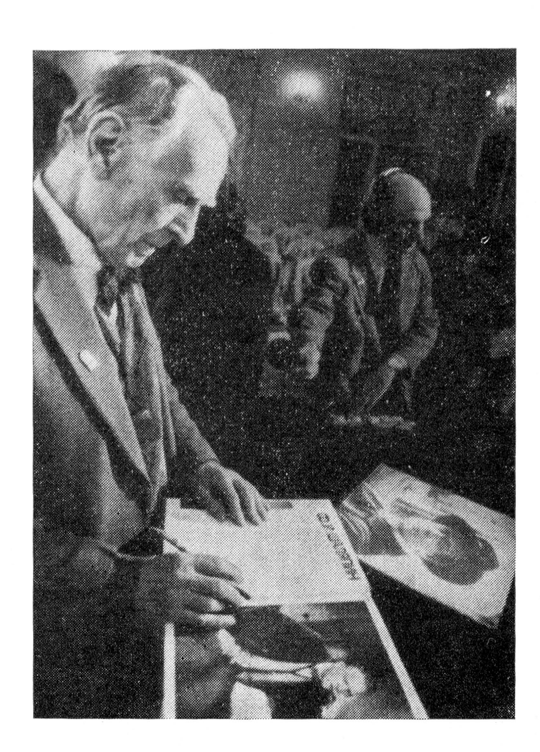

Бюст А. С. Пушкина в Арров-парке (штат Нью-Джерси), принадлежащем прогрессивным организациям соотечественников в США. Фото В. Мезенцева.

Духоборческий праздник в канадской провинции Саскачеван. 1980 г.

Юные соотечественницы из Франции — победительницы московской сессии МАПРЯЛ. Фото Д. Ухтомского.

Молодые духоборы, будущие преподаватели русского языка, во время учебы в г. Иванове. Фото Д. Ухтомского.

Ф. Ф. Шаляпин, сын Ф. И. Шаляпина, в Музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова. 1986 г. Фото В. Некрасова.

▶ *Памятник Ф. И. Шаляпину (скульптор А. Елецкий) на Новодевичьем кладбище, открытый в октябре 1984 г.*

Группа зарубежных соотечественников в Музее В. И. Ленина в Ленинграде. Фото Д. Ухтомского.

В декабре 1986 г. в Москве состоялась III Всесоюзная конференция общества «Родина». Фото Д. Ухтомского.

Красная площадь... Здесь началось и закончилось путешествие наших молодых соотечественников из США, Канады и Аргентины по родной земле своих отцов и дедов. Фото Ю. Лунькова.

бывший агент гитлеровского абвера К. Ханф. Еще одним руководителем организации является сбежавший из Польши агент ЦРУ Я. Равич-Коханьский, заочно приговоренный к смертной казни в июне 1967 года в Варшаве. Кандидаты в члены «Свободной Польши» подбираются очень тщательно. Рекомендацией им служит активная антикоммунистическая деятельность в Польше. В организацию вербуются прежде всего лица, покинувшие страну в последние годы. Главная цель организации — борьба с социализмом любыми средствами и методами.

Стараются не «отстать» от «Культуры» и «Свободной Польши» и другие центры антипольской эмиграции — так называемая «Польская социалистическая партия», «Североамериканский семинар польских проблем в США», возглавляемый историком А. Эхренкройцем, выехавшим из Польши в 1939 году. Наставниками пресловутого «Комитета защиты рабочих» (КОС—КОР) являлись журналы «Помост» (Чикаго) и «Анекс» (Лондон), отражающие взгляды польских эмигрантов еврейского происхождения («Анекс» тесно связан с американским подрывным центром «Фридом хаус», известным своей просионистской деятельностью). Вовсю распоясались польские эмигранты, работающие под вывеской радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа».

Многие «теоретики» антипольской эмиграции желают видеть себя в роли духовных отцов «возрождения» капиталистической Польши, а «мудрость» свою черпают из книг Бжезинского и Колаковского.

Збигнев Бжезинский родился в 1928 году в Варшаве. Его отец был дипломатом, работавшим во Франции и Германии (после войны Израиль наградил его орденом за помощь скрывающимся от рук нацистов евреям). Последним местом его службы был Монреаль, куда семейство Бжезинских переехало в 1938 году. На родину они не вернулись...

Именно З. Бжезинского президент Картер в 1978 году ставит во главе специального «координационного комитета» по польским вопросам. По предложению Бжезинского президент утвердил секретную инструкцию по координации подрывной деятельности стран НАТО против Польши, в которой, в частности, говорится: «Следует предпринимать все усилия для того, чтобы любую помощь, оказываемую Польше социалистическими стра-

нами, представлять как незначительную и невыгодную для польского общества. Необходимо разжигать среди поляков антирусские и антисоветские настроения».

Бжезинский в своих «ученых» трудах, в многочисленных интервью и иных выступлениях «на публику» последовательно выступает с антирусских позиций, чем вызвал, кстати говоря, гнев русских эмигрантских (даже правого направления) газет в Париже и Нью-Йорке, которые отметили, что если бы завтра Россия перестала быть коммунистической, то и тогда Бжезинский был бы в стане ее врагов.

Он всячески стремился надеть геройские одежды на тех, кто должен был проложить дорогу его идеям. Книга Бжезинского «Между двумя веками», например, поучительна как образчик рекламы будущих идеологов польской контрреволюции. Критикуя марксизм, Бжезинский всячески популяризирует взгляды Я. Куроня и К. Модзелевского. «Наиболее обстоятельная критика существующей системы была подготовлена двумя молодыми варшавскими идеологами Я. Куронем и К. Модзелевским за несколько лет до студенческих волнений 1968 г.», — пишет Бжезинский и отмечает, что их работа «стала в значительной мере источником теоретического вдохновения для политических лидеров молодежи». Эти авторы «призвали к новой революции под руководством рабочих и интеллигенции, исполненных решимости создать новый общественный строй, характеризующийся небольшим количеством институтов, наличием рабочего самоуправления» [1].

Другой кумир антипольской эмиграции — Колаковский — сбежал из Польши в 1968 году. Профессор Оксфордского университета стал вдохновителем программного документа антисоциалистических сил в ПНР, опубликованного в эмигрантской польской газете «Польский дневник», издающейся в Лондоне. Этот документ, составленный наиболее оголтелыми польскими контрреволюционерами, связанными с западными спецслужбами, охаивает все достижения ПНР. И именно его антисоциалистические силы сделали своей программой и руководством к действию в борьбе с народной властью в Польше [2].

---

[1] Литературная газета, 1982, № 13.
[2] Новое время, 1981, № 38, с. 22.

«Лавры» бжезинских и колаковских не дают покоя и Р. Пайпсу, выходцу из зажиточной варшавской еврейской семьи. Перед войной он окончил несколько классов гимназии, бегло говорит по-польски, принадлежит к числу европейских эмигрантов, которые проложили себе дорогу к карьере в американских политологических институтах. Пайпса отличает консерватизм и решительная, всегда крайняя антикоммунистическая позиция. В американских политических кругах считается, что взгляды Пайпса в значительной мере влияют на формирование политики Белого дома относительно Польши и социалистического мира.

9 ноября 1980 года мир узнал о присуждении шведской академией Нобелевской премии по литературе за 1980 год Чеславу Милошу. В сообщении шведского телеграфного агентства говорилось, что Милош — «польский писатель-эмигрант», который «в 1951 году порвал с режимом своей страны», с 1960 года проживает в США и является профессором славистики в университете Беркли в Калифорнии.

Индийская газета «Хиндустан таймс» в связи с этим опубликовала статью «Нобелевские премии в политических целях», в которой отмечалось, что «присуждение Нобелевской премии по литературе писателю Венцеславу Милошу, родившемуся в Литве, подтверждает растущие подозрения, что присуждение этих премий, в особенности Нобелевских премий за деятельность по укреплению мира и в области литературы, стало вопросом чисто политическим, предпочтение явно отдается политическим деятелям и писателям, которые занимают антисоциалистическую и антикоммунистическую позицию».

Расскажем более подробно о нобелевском лауреате-80 по литературе, ибо некоторые интересные факты из его биографии «почему-то» не отмечены шведским телеграфным агентством.

Он родился в 1911 году в Литве. После окончания юридического факультета Вильнюсского университета был членом литературной группы «Загары». «В 1941 году Чеслав Милош бежал из Вильнюса в оккупированную немцами Варшаву и получил там документ с пометкой «дойчшпрехендер литауэр» — «литовец, говорящий по-немецки». И с этим штемпелем третьесортного гражданина «третьего рейха» он провел всю войну в Варшаве. Во время восстания немцы вывезли его в карете

«Скорой помощи» — странный акт милосердия со стороны тех, кто расстреливал патриотов. Впоследствии, находясь на дипломатической службе, Милош отказался вернуться в Польшу, предпочтя остаться на Западе»[1]. Попросту предал родину.

С 1951 года творчество нобелевского лауреата буржуазной милостью — а он автор многочисленных стихотворений и поэм, романов, очерков и переводов, и премию получил «за литературное творчество в целом» — несет на себе открыто антикоммунистическую печать.

Тенденция предвзято толковать указание нобелевского завещания о выдаче литературной премии за произведения «идеального направления» все более превращает Нобелевские премии по литературе (как и премии мира), как отмечает сейчас прогрессивная общественность, в орудие антикоммунизма и антисоветизма. Еще в 1933 году Нобелевская премия по литературе была присуждена находившемуся в эмиграции И. А. Бунину. И. А. Бунин — действительно крупный писатель, однако награждение имело определенный умысел: задержать возвращение писателя на Родину. Вместе с тем в списке лауреатов Нобелевской премии отсутствуют такие гиганты мировой литературы, как Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький. В 1965 году под давлением прогрессивного общественного мнения и для придания деятельности Комитета по литературным премиям видимости «объективности» Нобелевскую премию по литературе присудили выдающемуся советскому писателю М. А. Шолохову. И тут же одну из последующих премий преподнесли такому злопыхателю и антисоветчику, как Солженицын[2].

Этим же целям служит и Чеслав Милош, отрабатывая перед западной общественностью нобелевский гонорар. Примечательно, что ведущий провалившегося антипольского шоу президента Рейгана в январе 1982 года, объявляя выступление Чеслава Милоша, назвал его «самым выдающимся из ныне живущих польских поэтов, который, однако, все реже пишет свои стихи на польском языке». И лауреат, отказавшийся от своей родины и отказывающийся от своего языка, стал читать по-английски стихи об... Иуде.

[1] Литературная газета, 1982, № 20.

[2] См.: Дьяконова И. А. Из истории Нобелевской премии мира. — Вопросы истории, 1976, № 8, с. 128.

С деятелями и организациями антипольской эмиграции всегда поддерживали тесные связи вожаки «Солидарности». Один из главных экспертов профобъединения, Геремек, например, выезжая за границу, первым делом спешил в редакцию журнала «Культура». Американские спецслужбы всячески стремились использовать поездки «полонийных» поляков на родину. В конце 70-х годов резко возрос поток реакционно настроенных эмигрантов, приезжавших «погостить» в Польшу. Только из США ежегодно прибывало около 120 тысяч американских граждан польского происхождения. Несколько десятков тысяч из них поселились в Польше. Расходы, связанные с их пребыванием, оплачивались из всевозможных фондов на Западе.

Газета австрийских коммунистов «Фольксштимме» отмечала 7 апреля 1981 года, что в США «появились сообщения, в соответствии с которыми американским гражданам польского происхождения, направляющимся в ПНР с целью ведения там работы в духе идей «Солидарности», ЦРУ полностью возмещает расходы на поездку».

Разумеется, что не все поляки, проживающие за рубежом, принимают участие в антипольских мероприятиях. После введения в декабре 1981 года военного положения национальный директор польско-американского союза против дискриминации Реймунд Палух говорил: «Мы, поляки, проживающие в Соединенных Штатах, возмущены вмешательством американских властей во внутренние дела нашей родины. В США равнодушны к судьбам народов Восточной Европы, но всякий раз, когда какая-либо из стран этого региона сталкивается с трудностями, Вашингтон тут как тут со своими непрошеными советами. Я воевал в Европе во время второй мировой войны и видел, каким страшным разрушениям подверглась Польша. Сейчас моя родина вновь оказалась на краю катастрофы. Поэтому польские власти предприняли единственно возможные меры ради спасения нации и государства» [1].

Войцех Ярузельский, выступая 25 января 1982 года на сессии сейма, с тревогой отмечал, что антипольские кампании приносят вред как Польше, так и эмиграции. «Они направлены на то, чтобы с помощью предателей и дезертиров вогнать клин между страной и поляками,

[1] Известия, 1981, 17 декабря.

живущими за рубежом. Это угрожает тем, что на долгие годы будут прерваны связи между сотнями тысяч польских семей».

Заметно оживилось из-за польских событий эмигрантское отребье из нашей страны. Как сообщил 7 декабря 1980 года униатский «Христианский голос», в Мюнхене, в так называемом «Украинском свободном университете», занимающемся подготовкой кадров «советологов» и «украиноведов», состоялась «польско-украинская научная конференция», рассмотревшая вопросы установления взаимодействия между польской и украинской эмигрантской контрреволюцией.

«Ректор» УВУ, он же главарь профашистского «Украинского христианского движения», Владимир Янив, который председательствовал на этом сборище (и, кстати, незадолго до этого побывал в Ватикане, где был принят высшими сановниками папской столицы), заявил: «Наша задача — создать соответствующую атмосферу для действий наших политических центров и группировок» [1].

«Создать соответствующую атмосферу» в Польше призывали и лидеры НТС. В июльско-августовском номере подпольного органа польской контрреволюции «Бюлетын дольнощленский» («Нижнесилезский бюллетень») за 1981 год было опубликовано два обращения НТС. Первое призывало «братьев-поляков» к борьбе с социализмом даже «с оружием в руках». Второе, на русском языке, — антисоветский, подстрекательский призыв, адресованный советским солдатам Северной группы войск, находящейся в Польше.

Энтээсовский филиал — «Общество борьбы за права человека», — официально действующий на территории ФРГ, установил тесные связи с экстремистскими лидерами «Солидарности». Газета «Жолнеж вольности» рассказала 9 июня 1982 года своим читателям о том, что руководителем «Общества борьбы за права человека» является Корнелия Герстенмайер, дочь известного политика ХДС Эугена Герстенмайера, бывшего председателя бундестага, а в годы фашизма — агента гитлеровской службы безопасности СД. Кресло председателя правления так называемого «общества» занимает некий Иван Агрузов, выходец из Эстонии. Во время второй мировой войны он был полицаем, принимал активное уча-

---

[1] Аргументы. М., 1981, с. 90.

стие в карательных операциях, проводимых фашистами на оккупированных советских территориях. Он сумел бежать в Германию, где английская разведка передала его в распоряжение ЦРУ.

В мае 1982 года «общество» провело в Западной Германии большое сборище якобы с целью «солидарности с польским народом». На самом же деле «общество» тесно объединяется с врагами Польши — с различного рода реваншистскими землячествами и неофашистскими организациями.

Надо отметить, что реваншистские круги в ФРГ — «Землячество немцев из Силезии», «Землячество Западной Пруссии», «Союз выходцев из Данцига», играющие решающую роль в так называемом «союзе изгнанных», объединяющем в основном лиц, ранее проживавших в Центральной и Восточной Европе, — пытаются «погреть руки» на польских событиях. Они считают, что германский рейх должен быть восстановлен в границах 1937 года и включать в себя обширные территории Западной Польши («немецкие территории, находящиеся под польским управлением»). Одновременно реваншисты стремятся добиться особых прав для польских граждан немецкой национальности («немцев, живущих на территории германской империи, к востоку, от границы по Одеру—Нейсе»). Они открыто призывают к пересмотру границ в Центральной и Восточной Европе. В момент обострения положения в Польше они начали поговаривать о возможности «возвратить потерянные немецкие земли», вынашивая идею их «выкупа» ввиду экономических трудностей в ПНР. Свои претензии они обосновывают тем, что поляки якобы не способны сами справляться со своими делами и «оздоровление» положения в этой части Восточной Европы возможно только при условии «немецкого управления на бывших немецких землях».

Многие бывшие деятели «Солидарности», сбежавшие на Запад после введения военного положения в Польше в декабре 1981 года, выступают заодно с реваншистами. Непостижимо, но факты говорят об этом. 9 мая 1982 года, годовщину победы над фашизмом, западногерманские реваншисты кощунственно объявили «днем солидарности с Польшей». «Вместе с ними в этом мрачном зрелище участвовали эмигранты — экстремисты из «Солидарности». Гитлер не смог найти в Польше коллаборационистов. Реваншисты, которые мечтают отыграться

за поражение Гитлера, находят их в лице антисоциалистических экстремистов, — отмечала газета «Жолнеж вольности». — Их цель — ослабить и подорвать сложившееся после второй мировой войны соотношение сил в Европе, отторгнуть Польшу от содружества социалистических стран. За эту политическую операцию польский народ должен был бы заплатить своими жизненными интересами. Мы не допустили и не допустим, чтобы наша страна снова стала для империализма и противников разрядки картой в игре».

Надежды империалистической реакции на розыгрыш «польской карты» рухнули. Но установка на всемерное ослабление, а то и сокрушение социализма была и остается у империалистов главной.

Ради выполнения этой установки наши классовые противники и их пособники готовы на все. В феврале 1982 года газета «Чикаго трибюн» опубликовала статью «Эмигрантский «иностранный легион» готовится к войне против красных». Ее автор, Рональд Шейтс, писал, что «кубинские эмигранты основали по меньшей мере три военных лагеря в пустынных районах на юге Калифорнии и ведут подготовку *вьетнамских* и *польских эмигрантов* для осуществления операций в составе «иностранного легиона». Для каких же целей готовят этих головорезов? Начальник одного из этих лагерей, Серхио Майеа, сбежавший с Кубы в 1963 году, откровенно сказал корреспонденту, что существуют планы инфильтрации членов легиона на Кубу, в Никарагуа, Анголу и даже в Польшу.

В начале 1983 года создается «интернационал сопротивления», о рождении которого провозгласили представители всякого отребья, бежавшие или выдворенные из разных стран. Как отмечала газета «Известия» 30 мая 1983 года: «Под сенью этой конторы собрались и спелись афганские басмачи-душманы, наемники, терроризирующие мирное население Анголы, бывшие прислужники США во Вьетнаме, полпотовцы, кубинские «гусанос», бандиты-сомосовцы, провокаторы из польской «Солидарности» и КОР и жалкие отщепенцы, спекулирующие на своем «советском происхождении».

Президентом «ИС» стал Владимир Буковский, председателем — Эдуард Кузнецов, исполнительным директором — Владимир Максимов. Заботу о финансировании «ИС» взял на себя конгресс США. Годовой бюджет на

его субсидирование на 1983 год был утвержден в размере 6 миллионов долларов. Солидные взносы поступили также от торговой палаты США, представителей АФТ-КПП, сионистских организаций, ряда частных американских фондов. Все акции «Интернационала» синхронизировались с действиями американской администрации. «ИС» стремится объединить антикоммунистические и антисоветские силы за рубежом. От его имени выступают ныне и бывшие советские граждане В. Аксенов, В. Буковский, А. и О. Зиновьевы, Э. Кузнецов, Ю. Любимов, В. Максимов, Э. Неизвестный, Ю. Орлов, Л. Плющ. Их письмо «Пусть Горбачев предоставит нам доказательства», опубликованное в «Московских новостях» за 29 марта 1987 года, надо полагать, развеяло последние иллюзии у тех, кто по неведению или заблуждению считал этих людей «что-то» ищущими в литературе и искусстве. Сегодня эти «ищущие», оказавшиеся в одной компании с недобитым фашистским отребьем, нагло требуют от советских людей, от партии полного и тотального идеологического разоружения, отказа от марксизма-ленинизма и многих других завоеваний советского народа. Они давно сделали свой выбор, став на тропу измены, и своей ненавистью к социализму и нашему образу жизни, клеветой на нашу Родину завоевывают дивиденды у своих новых хозяев.

Да, 80-е годы требуют такой же революционной бдительности, как и в первые послеоктябрьские годы.

По замыслу заправил империалистической реакции контрреволюционной части эмиграции в борьбе двух миров — социализма и капитализма — отведены довольно обширные участки антикоммунистического фронта.

Нам представляется нужным выделить пять моментов.

Первый. В. И. Ленин, отлично знавший обстановку и настроения белой эмиграции, тактику действий ее различных группировок, так говорил о месте контрреволюционных эмигрантов в начавшемся «крестовом походе против коммунизма»: «Теперь нет страны в Европе, где бы не было белогвардейского элемента... Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира, которые поддерживают ее... финансированием, поддерживают другими способами, потому что они имеют свою международную связь... Вот почему надо к нему (вра-

гу. — *А. А.*) присматриваться, тем более, что это не только беженцы. Нет, это прямые помощники всемирного капитала, на его счет содержимые и вместе с ним действующие» (т. 43, с. 138—139). Эта ленинская оценка применима ко всей контрреволюционной эмиграции.

Второй. В. И. Ленин также указал на цели, ради которых Запад содержит контрреволюционные эмигрантские организации. «Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России» (т. 44, с. 5).

Третий. Седьмой десяток лет идеологические оруженосцы империализма лихорадочно ищут альтернативу реальному социализму. Зачастую, за неимением нового, на свет вытаскиваются искусно подреставрированные идеи и приемы борьбы с социализмом, появившиеся в первые годы Советской власти. Современные буржуазные идеологи при анализе событий 1917 года в России, последующих социалистических преобразований в нашей стране «почему-то» отдают предпочтение «фактам» и идеям, исходящим из лагеря российской контрреволюции. В обязательный набор первоисточников современных советологов входят «свидетельства» и мемуары бывших лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий России (кадетов, октябристов, меньшевиков, эсеров), писания белоэмигрантских историков, философов, литераторов. Из этого мутного источника черпают свою премудрость на протяжении вот уже более шестидесяти лет практически все советологи.

Четвертый. Буржуазная пропаганда использует антикоммунистическую часть эмиграции, с одной стороны, для обработки в антисоветском духе широких кругов общественности капиталистических стран, с другой — в пропагандистско-информационной работе, ведущейся на социалистические страны, — для очернения социалистической действительности и безудержной рекламы западного образа жизни.

Иностранное происхождение эмигрантов устраивает организаторов идеологических диверсий. Оно позволяет создать видимость непричастности государственных органов стран проживания эмигрантов — в первую очередь США, Канады, Австралии, Франции, Англии, Швеции, ФРГ — к шумным мероприятиям эмигрантского отребья, дает возможность западным политикам и идеологам

не показываться на политически «невыгодных» участках идеологического фронта.

Пятый. Сегодня антикоммунистические эмигрантские организации — неотъемлемая часть тщательно сбалансированного аппарата идеологических диверсий Запада. Отметим, что в своей деятельности контрреволюционная часть эмиграции опирается на всю систему экономической, политической и идеологической власти современного капитализма. Выступая вкупе с оголтелыми империалистическими кругами за прекращение деловых и культурных связей между Западом и Востоком, за гонку вооружений, а следовательно, за мировую термоядерную катастрофу, она сама себя поставила в положение врага не только своих народов, но и народов тех стран, на территории которых нашла себе пристанище.

Нынешнее лакейское существование эмигрантских «центров», «групп», «комитетов» обусловлено только их антикоммунистической направленностью и, как метко отметил бывший член партии дашнаков Левон Чормисян, «изменение этой политики станет их надгробным камнем».

НАКИПЬ

Сила патриотизма всегда пропорциональна количеству вложенного в нее личного труда: бродягам и тунеядцам всегда бывало чуждо чувство родины.

Л. Леонов

Одной из составных частей подрывной деятельности империализма против нашей Родины являются спекуляции на теме так называемой «свободной эмиграции» из СССР. Расширились в последние годы акции по разжиганию эмиграционных настроений среди еврейского, немецкого и армянского населения. Буржуазная пропаганда стремится подтолкнуть к выезду из Советского Союза и верующих якобы, мол, из-за преследований по религиозным мотивам. Главари «закордонных» организаций украинских националистов шумят о «праве на эмиграцию» из нашей страны украинцев и т. д.

Отметим сразу, что в нашей стране объективно отсутствует социальная база для эмиграции. За годы Советской власти у нас ликвидированы социально-экономические, политические, религиозные антагонизмы, заставлявшие человека или группу людей покидать родную землю: исчезла безработица, конституционно всем гражданам гарантированы важнейшие социальные и политические права, в том числе и свобода вероисповедания, реальностью является равноправное развитие всех наций и народностей. Выезд же граждан из СССР на постоянное местожительство за рубеж связан преимуще-

ственно с вопросами воссоединения разрозненных семей или бракосочетанием с иностранцами. И в этом вопросе Советское государство выступает как честный партнер Запада по перестройке международных отношений, начатой на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Проблема воссоединения семей касается в основном тех нескольких национальностей, среди которых в силу исторических причин, и особенно в результате второй мировой войны, некоторые семьи оказались разрозненными, близкие родственники стали проживать в разных странах. В порядке воссоединения семей из СССР выезжали главным образом евреи, немцы, испанцы, греки и представители ряда других национальностей. С другой стороны, в Советский Союз въехали по той же причине многие семьи армян, украинцев и представителей других национальностей.

К сожалению, целый ряд буржуазных государств, в первую очередь Израиль и США, развернули неистовые антисоветские кампании по вопросу о выезде из СССР, обвиняя нашу страну в невыполнении положения Заключительного акта хельсинкского Совещания о свободе передвижения. В передачах западных радиостанций, вещающих на Советский Союз, этой теме посвящается более половины времени, отведенного для новостей и комментариев [1].

Что кроется за этим?

Ни оркестра, ни гласа трубы, ни амнистии, ни трибунала

Читателю, очевидно, еще памятна трагедия семьи Половчаков. Ее широко освещала советская пресса. Напомним, что эта украинская семья очутилась в Чикаго по приглашению своих американских родственников. Помыкавшись некоторое время в богатейшей капиталистической стране, где они оказались никому не нужны, Половчаки приняли решение вернуться на Родину. И здесь случилось страшное: желая воспрепятствовать этому, украинские националисты выкрали несовершеннолетнего сына Половчаков Владимира. Многомесячная судебная тяжба ничего не да-

---

[1] Белая книга: свидетельства, факты, документы. М., 1979, с. 8.

ла — американские власти, несмотря на официальные протесты советской стороны, попирая все нормы международного права, предоставили «политическое убежище» несовершеннолетнему.

Разбитые и опустошенные вернулись Половчаки на Родину. Вернулись без сына... А кто в этом повинен?!

Конечно, можно, да и нужно обвинять в совершившемся американские власти, негодовать в адрес украинских националистов и пр. Но виноваты в первую очередь сами Половчаки. По-дружески, по-товарищески, по-советски, по-человечески, наконец, предупреждали их о том, куда они едут и что их там может ожидать. Но не послушались Половчаки добрых советов: уж очень, видимо, хотелось пожить на «кисельных берегах молочных рек» американского рая, на которых якобы благоденствуют все те, кто «выбирает свободу». С голубыми мечтами отправилась семья за океан. А попала в сущий ад, о котором Половчаки наверняка не забудут до конца дней своих.

Печальная история Половчаков лишний раз подтвердила истину, что каждый человек — кузнец своего счастья. Как и несчастья тоже. Эту истину на собственной судьбе испытали десятки тысяч человек, покинувших нашу страну в последние годы для воссоединения разрозненных семей (часто «липовых», существовавших только на бумаге).

В конце 60-х годов началась одна из самых широкомасштабных операций международного сионизма — кампания за «свободную еврейскую эмиграцию из СССР». Она проходила и проходит под фальшивыми лозунгами «защиты советских евреев» и ратует за их «возвращение в Израиль».

Покойная Голда Меир мечтала о том, что «советские евреи покинут эту страну (СССР. — *А. А.*) подобно тому, как их предки совершили исход из Египта», и заявила о необходимости выкачать из Советского Союза миллион евреев. Один из крупнейших «пророков» сионизма Давид Бен Гурион, встречаясь в 1965 году с редактором антисоветской эмигрантской газеты «Новое русское слово», издающейся в Нью-Йорке, Андреем Седых, говорил: «Знаете, я глубоко убежден, что России евреи не нужны. Все национальные меньшинства имеют в России автоно-

мию. Все, кроме евреев. Автономии евреи не имеют потому, что они не нужны России» [1].

«Евреи не нужны России». Знакомый мотив. Его еще в царской России выдвигали махровые антисемиты. «Союз русского народа, — говорилось в 1905 году в программе пресловутой помещичье-монархической партии — будет всеми мерами стремиться, чтобы его представители в Государственной думе прежде всего выдвинули вопрос об образовании еврейского государства, о содействии их выселению в это государство, каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от русского народа» [2].

Давно доказана и полнейшая несостоятельность существования якобы «единой всемирной еврейской нации». Спекулируя на этой идее, сионисты ставят знак равенства между понятиями «еврей». «Израиль», «сионизм». В ход пущена концепция о двойном гражданстве и тройной лояльности всех евреев: мол, каждый еврей, где бы он ни проживал, является прежде всего гражданином Израиля и обязан проявлять тройную лояльность — к международному сионизму, к государству Израиль и лишь в последнюю очередь к тому государству, где он проживает. Сионисты утверждают, что между евреями всех стран и еврейским государством существует органическая связь, что зарубежное еврейство делит ответственность за развитие, безопасность, благополучие Израиля.

Удивительно схожа сионистская доктрина лояльности с геббельсовскими лозунгами — «кровь сильнее паспорта!» — призывавшими зарубежных немцев считать себя частицами немецкого народа в гитлеровской Германии. «Стремясь добиться большей эффективности, радио Израиля модифицирует свои программы, направленные на «улучшение сионистского воспитания», особенно мо-

---

[1] Седых А. Земля обетованная. Нью-Йорк, 1966, с. 29. Андрей Седых — литературный псевдоним Янкеля Цвибака, превратившего НРС в сионистское издание. Цвибак в своих «Заметках редактора» поносит все, что неугодно сионистам: «Объединенные Нации... не замедлили пригласить представителей ПЛО (Центральный совет освобождения Палестины. — *А. А.*) принять участие в прениях по палестинскому вопросу. А 105 государств нашли вполне нормальным, чтобы Арафат и ему подобные заседали в «Объединенных Нациях». — Новое русское слово, 1974, 5 декабря.

[2] Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, с. 160.

лодежи. С 1978 года оно передает, например, подстрекательскую программу «Отпусти мой народ», в 1979 году ввело подобную же рубрику «Сионистское движение в России». По замыслам сионистов, эти передачи призваны «построить мост между теми, кто находится в СССР, и «нами». С помощью такого «идейного моста» планируется организовать эмиграционный поток, проталкивать в нашу страну идеи антипатриотизма и антисоветизма» [1].

Таким путем пытаются посеять вражду между народами нашей страны. Большинство советских евреев решительно отвергают домогательства сионистов, находятся вне сферы их влияния, осуждают агрессивную политику Израиля.

А ведь именно Страна Советов стала первым государством планеты, которое объявило государственным преступлением вражду к евреям. 27 июля 1918 года был принят декрет СНК за подписью В. И. Ленина о запрещении антисемитизма, о недопустимости травли какой бы то ни было национальности.

Известный финский писатель-сатирик М. Ларни, побывавший в качестве туриста в Израиле, пишет: «Нигде за свое двухнедельное путешествие по Израилю я не мог прочесть ни строки о том, что в СССР лиц с высшим образованием на тысячу евреев в девять раз больше, чем среди русских и в двенадцать раз больше, чем среди украинцев. У Тель-Авива, провозгласившего себя пастырем «всемирной еврейской нации», не поворачивается язык признать, что существует страна, где доля евреев от всего населения менее одного процента, а среди научных работников их 8%, в литературе и прессе — 20%, в медицине — 6%» [2]. В 1976/77 учебном году на 10 тысяч евреев насчитывалось 311 студентов. Это самый высокий показатель среди всех народов СССР!

О каком же «притеснении» евреев в СССР может идти речь...

В редакционном комментарии журнала «Советиш геймланд» («Советская родина») к принятому в 1982 году IV сессией Верховного Совета РСФСР десятого созыва закону РСФСР о Еврейской автономной области отмечалось: «...что, для того, чтобы должным образом оценить историческое значение предоставленных советским

---

[1] Сионизм в системе империализма. Киев, 1981, с. 144.

[2] Ларни М. Знакомлюсь с Израилем. — В сб.: Сионизм — правда и вымыслы. М., 1978, с. 120.

евреям прав, достаточно перенести затронутые в этой части Закона обстоятельства на почву израильской действительности. Если бы такой пункт был внесен в законодательство этой капиталистической и по сионистской модели управляемой страны, то еврейским и арабским гражданам, населяющим Израиль, должны были бы предоставляться одинаковые права и условия жизни, в частности, одинаковые условия в труде, включая равную оплату, должна была бы обеспечиваться для палестинских арабов свобода передвижения по территории собственной страны, равенство между «белыми» и «цветными» евреями»[1]. Кстати, тираж журнала «Советиш геймланд» в десять раз выше тиража любого еврейского журнала в странах Запада. Большинство советских евреев считают СССР своей действительной и единственной Родиной. Только часть лиц еврейской национальности выехала в Израиль, а точнее сказать, за пределы нашей страны.

Что же заставило десятки тысяч лиц еврейской национальности отказаться от советского гражданства?

Воссоединение с родственниками? Лишь отчасти. Писатель Цезарь Солодарь рассказывал, что из 72 «беженцев», с которыми он беседовал в Вене, лишь 19 выехали в Израиль по вызову известных им родственников. 28 человек до получения вызова не знали о существовании своих родственников в Израиле. А для всех остальных вызовы были сфабрикованы от вымышленных родственников.

Страстное желание увидеть «землю обетованную»? По данным нью-йоркского еженедельника «The Jewish Weekly», в 1967—1976 годах «визы на выезд из СССР получили 132 295 человек, из них в Израиль прибыло лишь 114 892 человека. В одном только 1976 году, по сообщению того же источника, в СССР было выдано 14 138 виз на выезд, а в Израиль прибыло всего 7274 человека»[2]. В последующие годы число бывших советских граждан, желающих поселиться в Израиле, еще более сокращается. «Только 19 процентов евреев, покинувших СССР в 1981 году, приехали в еврейское государство, остальные предпочли другие страны Запада», — с раз-

---

[1] Советиш геймланд, 1982, № 5, с. 1.

[2] Иванченко И. Г. Идеологическая диверсия империализма: система, содержание, направленность. Киев, 1980, с. 271.

дражением констатировала в кнессете (израильский парламент) депутат Геула Коген. А многие из приехавших в Израиль затем потихоньку предпочли перебраться в страны Нового и Старого Света. Кому хочется быть пушечным мясом в непрекращающихся сионистских авантюрах на Ближнем Востоке. Ведь посулы сионистов не имеют ничего общего с израильской действительностью.

Так что толкнуло этих людей к выезду из СССР?

Причины выезда не следует искать лишь в сионистской пропаганде, хотя последняя, разумеется, играет свою роль. Одни очень желали «вписаться» в западный образ жизни. Другие стремятся заработать на жизнь клеветой на нашу Родину, ибо все важнейшие «радиоголоса» — «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкая волна», «Свобода» — содержат в своем штате многих еврейских перебежчиков из Советского Союза. «Не секрет, что уже давно существует тесная связь сионистских организаций со спецслужбами США и Израиля. Через сионистские центры спецслужбы получают разведывательную информацию от выехавших на Запад лиц еврейской национальности» [1].

Многие стремились разбогатеть, некоторые опасались наказания за спекуляцию и воровство, у других было преступное прошлое, кое-кто полагал, что найдет лучшее применение своим талантам. Они не невинные жертвы сионизма, не простачки. Основными пружинами, вытолкнувшими их за пределы нашего, социалистического Отечества, были: желание заиметь «свое дело», стать «хозяином», алчность и страсть к наживе. Этого не отрицают и они сами. Когда в феврале 1977 года большая группа беженцев из Израиля, осевших и бедствовавших в Вене, обратилась с письмом к генеральному секретарю ООН Курту Вальдхайму, то о причинах выезда они писали, что их «можно выразить одной фразой: мы были движимы в большинстве своем обывательской психологией».

Недавно в США вышла книга бывших советских граждан П. Вайля и А. Гениса. Они признают, что большинство, подавляющее большинство выехавших из нашей страны евреев боятся сказать правду: уехали они из СССР не от нищеты, не потому, что подвергались дискриминации за свое национальное лицо или образ мыслей. «Огромное большинство из нас, — пишут авторы, —

---

[1] Коммунист, 1980, № 4, с. 118.

уезжало не «от», а «за». Мы ехали за деньгами. Мы хотели зарабатывать много денег и тратить их так, как нам хочется. Такая возможность (но далеко не реальность) — основа основ свободного общества...» [1]. Книгу свою авторы озаглавили не без откровенной самоиздевки — «На золотом тельце сидели...».

Столь нещадно эксплуатируемое империалистической пропагандой «национальное возрождение еврейства в России» на поверку оказалось лишь стремлением кучки обуржуазившихся мещан попасть в соответствующую их сознанию социальную среду: определенную часть «еврейских возрожденцев», как признал выходящий в Израиле журнал «Сион» (февраль 1978 года), составили «герои «черного рынка» и прочие преступники».

Корреспондент агентства Франс Пресс передавал в сентябре 1981 года из Тель-Авива: «Независимая «Едиот ахронот» сообщает, что большую часть группы фальшивомонетчиков, об аресте которой было объявлено в среду полицией, составляют евреи, приехавшие из Грузии.

Этой группе, которая состоит из 22 человек и которую возглавляет некий инженер по прозвищу Профессор, удалось напечатать около 1 миллиона фальшивых долларов в 100-, 50- и 10-долларовых купюрах. 176 000 этих фальшивых долларов уже были пущены в обращение, и была проведена обширная подготовительная работа для выпуска в обращение фальшивых западногерманских марок.

Молчание печати относительно происхождения этих фальшивомонетчиков продиктовано желанием не дискредитировать в глазах общественности общину грузинских евреев, *насчитывавшую 50 000 человек.*

Но у рядового обывателя нет ни малейших сомнений: всякий раз, когда полиция арестует людей, подозреваемых в подделке денег или документов, он сразу же заявляет: «Конечно, это грузины». Такое убеждение основывается на том факте, что более 50 процентов всех лиц, арестованных за последние годы по обвинению в подобных преступлениях, составляют грузинские евреи.

Поскольку фамилии всех грузинских евреев оканчиваются на «швили» (что означает сын такого-то), то достаточно лишь опубликовать список подозреваемых, чтобы можно было судить об их происхождении. По мнению одного эксперта из полиции, правонарушители —

---

[1] Кравцов Б. Бегство из гетто. Л., 1984, с. 31.

уроженцы Грузии — специализируются почти исключительно на изготовлении самых различных фальшивок: от документов об актах гражданского состояния до фальшивых денег, фальшивых водительских прав и университетских дипломов.

В то же время совсем недавно полиция, раскрывшая самую крупную в Израиле сеть торговли наркотиками (героин), назвала ее «грузинской сетью». По мнению полиции, проникновение в среду этих правонарушителей исключительно затруднено. Община евреев из Грузии живет очень замкнуто, проявляет большое недоверие к «чужим», а в полиции практически никто не владеет грузинским языком.

Свое наиболее сенсационное дело эти преступники совершили в одну из ночей в октябре 1973 года, когда после египетско-сирийского нападения по всей стране был введен комендантский час. Грузинские евреи, работавшие посыльщиками в аэропорту имени Бен-Гуриона, воспользовались царившей там темнотой и похитили прибывший на одном из самолетов груз золота в 27 кг, который так и не удалось найти».

В США, как отмечает американская пресса, новоявленные «гангстеры из России» хорошо вооружены, нередко сколочены в преступные группы. Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» писала — дело дошло до того, что возникла преступная сеть, состоящая из вновь прибывших. Члены нового преступного синдиката получили различного рода документы, утверждающие, что они находились в заключении в Советском Союзе, как «политические диссиденты». Эти люди участвуют в убийствах, торговле наркотиками, подделке денежных знаков. Их гангстерская сеть охватывает Атланту, Чикаго, Кливленд, Даллас, Майами, Филадельфию, Портленд, Монреаль, Торонто, Виннипег. Сейчас в Соединенных Штатах действует не менее 12 групп, насчитывающих 400—500 человек.

Многие из отъехавших чувствовали себя чужими в нашей стране. «Я выпадаю накипью на стенах бурлящего российского котла», — откровенно писал один из них. Потребительская мещанская психология такого рода людей в среде русской белоэмиграции в 20-е годы нашла отражение в следующем — довольно незатейливом, но едком — четверостишии:

Что родина? По мне — корыто,
Где пойло вкусное, где щедро через край
Для поросят моих и для меня налито.
Вот родина моя! Вот светлый край!

Наш современник, поэт Станислав Куняев, по-своему высказал отношение к «накипи»:

Что-то взгляды его холодны,
словно мы проживаем на льдине.
Он уедет из нашей страны,
чтобы кончить свой век на чужбине.
Сколько их на погостах легло
от Шанхая до Нью-Орлеана?
Что его в эту даль навлекло —
гнев Отечества? Гул океана?
Впрочем, бог для него, или черт,
или Родина, или чужбина —
все без разницы. Был бы комфорт.
Маска сброшена с блудного сына.
Вот чем кончился поиск судьбы,
вот какого он жаждал финала!
Ни оркестра, ни гласа трубы,
ни амнистии, ни трибунала.
Самолет разгоняет винты,
так, что эхом грохочет округа,
а на мокром бетоне следы
заметает российская вьюга...

Разумеется, среди «накипи» есть и такие, кто просто потерял политическую ориентировку, многие желали увидеть собственными глазами хваленый западный образ жизни. Ведь при массированной сионистской обработке советских евреев особый упор делался на внедрение ложных стереотипов о якобы безграничных возможностях личной карьеры и обогащения для евреев в странах Запада. Израильская «Джерузалем пост» в мае 1976 года с иронией писала, что многие иммигранты, «в частности, русские евреи, верили, будто здесь улицы вымощены золотом». Да не каждому этого золота хватило. Наши средства массовой информации в последние годы регулярно публиковали материалы о бедственном положении бывших советских граждан в «капиталистическом раю». Это констатирует и западногерманский еженедельник «Шпигель», многие дети мстят своим родителям, «новым гражданам свободного мира». Как пишет журнал, они быстрее интегрируются в новом обществе, быстрее приспосабливаются к новым социальным и бытовым условиям, быстрее изучают новый язык. Но по мере усвое-

ния жестоких законов капитализма дети все больше начинают стесняться, а затем, случается, и презирать своих «неспособных» родителей, которые лишь по «собственной вине не смогли совершить желанный «прыжок наверх».

Но ведь эти люди, обрекшие себя и своих детей на всевозможнейшие лишения, знали, на что они идут и что их может ожидать... Хочется привести выдержки из одного документа конца 50-х годов.

«Мы, нижеподписавшиеся советские евреи, бывшие советские граждане, обращаемся к Вам с горячей просьбой вернуться на нашу великую Родину — Союз Советских Социалистических Республик. Мы в разное время, главным образом в 1946—48 и 1956—57 годах, приехали в Израиль, обманутые насквозь лживой сионистской пропагандой о «еврейском рае» в Палестине...

Жизнь в Израиле, в том числе наш собственный тяжелый и горький опыт, показала, что сионизм не соответствует и, более того, глубоко враждебен интересам трудящихся евреев, что сионизм — идеология крупной еврейской буржуазии. Вместо пропагандируемой и расхваливаемой на все лады «классовой гармонии» в Израиле царит самая жестокая классовая эксплуатация, прикрываемая фальшивыми и шовинистическими лозунгами»[1]. Это письмо с «капиталистической каторги» за 107 подписями пришло в июне 1959 года в Москву на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Таких посланий в те годы, как и в наши дни, было немало.

Нынешние переселенцы, конечно же, знали об этих свидетельствах. И, честно говоря, трудно понять, на какую «птицу счастья» они надеялись... Фактом является то, что в наши дни тысячи евреев, выехавших из СССР, спустя некоторое время изъявляют желание вернуться назад, в Советский Союз. Причем они стремятся осуществить это желание с гораздо большей энергией, чем тогда, когда они добивались выезда из СССР.

Те из них, кому удалось вернуться в СССР после многолетнего пребывания за рубежом, раскаянно говорят о своих заблуждениях. Ю. Чаповский, математик: «Я уехал на Запад в 1978 году. Тогда мне едва исполнилось 19 лет. Поддался на рекламу. С годами все больше при-

---

[1] За возвращение на Родину, 1959, № 47.

ходилось разочаровываться в окружавшей меня «красивой жизни». Все больше овладевало мной чувство обреченности, бесперспективности. Действительность американской жизни невольно сопоставлялась в мыслях с той, утраченной, настоящей. Я понял, что необходимая для творчества подлинная свобода существует лишь здесь, на Родине...»

А. Беркут, выпускник театрального училища: «Семь лет назад, закончив театральное училище, я решил, что мой талант не может раскрыться в Советском Союзе. Поэтому я уехал в США. Но по специальности так и не работал. Правда, материальной нужды испытать мне не пришлось: были родственники в Канаде, нашлась и работа. Но сомнения в правильности моего поступка не проходили. Росла неудовлетворенность взаимоотношениями между людьми в незнакомом для меня обществе, его моральными устоями и ценностями. Окончательное решение о возвращении в Советский Союз пришло, когда я по-настоящему задумался о будущем своих детей, о будущем, которого они лишились бы вдалеке от своего настоящего дома».

О. Гросс-Павлова, поэтесса: «Отрываясь от своих корней, творческие люди неизбежно вынуждены жить вчерашним днем. Многие из бывших советских писателей, которых мне приходилось встречать в Америке и других странах, перестают писать, озлобляются, грызутся между собой, а иные попросту не знают, как заработать на хлеб насущный. Нам с мужем не приходилось испытывать финансовых затруднений, но сама жизнь без России становилась день ото дня невыносимей. Наше творчество все больше оскудевало, превращаясь в бизнес...» [1].

Империалистическая пропаганда в последние годы все активнее пытается добиться стерилизации патриотического самосознания советских людей, противопоставляя советскому патриотизму витринные и прочие рекламные приманки Запада. Широко, порой небезыскусно, призывается на помощь пресловутый «зов крови», другая аргументация религиозного и расово-шовинистического порядка. Попались на эту удочку, помимо части советских евреев, и некоторые лица немецкой и армянской национальности.

Западногерманские средства массовой информации

---

[1] Известия, 1987, 29 января.

реваншистского толка любят поднять шум вокруг якобы нерешенного «немецкого вопроса». При этом они пытаются «погреть руки» и на факте проживания сотен тысяч лиц немецкой национальности в социалистических странах (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, в нашей стране проживает 1936 тысяч немцев[1]). Власти ФРГ также много внимания уделяют переселению лиц немецкой национальности в Западную Германию из социалистических европейских стран.

Как их там приняли? Предоставим слово самим переселенцам.

Мильда Барова, фармацевт: «Местное население очень недовольно приездом немцев из других стран. Мне неоднократно в лицо говорили со злостью: «Что вам здесь надо? Для наших людей не хватает работы, а тут вас принесло!» Когда же кто-нибудь из приезжих при случае скажет: «Мы — немцы», то немедленно его оборвут, в оскорбительном тоне заявят, что истинные немцы, арийцы (не всеми забыто это гитлеровское словечко) — это те, которые всегда жили в ФРГ, остальные же — плебеи...»

Мария Бендиг-Королева: «...Решая вопрос о выезде из СССР, многие совершенно не задумываются еще об одном немаловажном обстоятельстве — об отношении к «советским немцам» коренных жителей ФРГ. А это отношение я видела своими глазами, и заключается оно, мягко выражаясь, в неприязни. Оснований для этого, как мне объяснили сами западные немцы, предостаточно. Если речь идет о приезде молодых, трудоспособных, значит, еще длиннее станет очередь на бирже труда. Если это пенсионер, то за счет чего ему будет выплачиваться пенсия? И за какие заслуги? Видимо, снова возрастут налоги на работающих. И в том и в другом случае западные немцы вывод делают один: «Сидели бы вы дома!»[2].

Домыслы же о том, что советская немецкая культура якобы обречена в нашей стране на вырождение, страдает национальной замкнутостью и провинциальной ограниченностью (а именно на этом в основном пытаются спекулировать буржуазные идеологи, подталкивающие немцев к отъезду из СССР), лишены основания.

---

[1] См.: Население СССР. М., 1980, с. 24.

[2] Барьер несовместимости. М., 1981, с. 51, 5—6.

В 1981 году в Москве увидел свет первый номер альманаха советской немецкой прозы, поэзии и публицистики «Хайматлихе вайтен» («Родные просторы»). За последние годы алма-атинское издательство «Казахстан» выпустило около шестидесяти книг советских немецких писателей. Прибавьте к ним целый ряд коллективных сборников прозы, поэзии, публицистики, увидевших свет в издательствах «Прогресс», «Советский писатель», «Жазушы», «Жалын». Недавно в издательстве «Казахстан» вышли первые два тома трехтомной антологии советской немецкой литературы. Книги для детей, написанные немецкими литераторами, широко издаются за рубежом, в том числе и в западноевропейских странах. Произведения советских немецких писателей печатаются в газетах «Нойес лебен», «Фройндшафт», «Роте фане». При Союзе писателей СССР образована комиссия советско-немецкой литературы, идентичные советы действуют при СП Казахстана и Алтайской писательской организации.

Что касается выезда из Советского Союза армян, то отметим одно обстоятельство. Подавляющее большинство из них — это люди, не выросшие в Советской Армении или в других наших братских республиках, а уроженцы капиталистических стран. Дело в том, что Советская Армения с построением социализма в СССР «начала помогать рассеянным по всему миру соотечественникам, осуществила до и после Отечественной войны возвращение на Родину более 250 тысяч армян. Для этих целей созданы Комитет по приему и устройству возвращающихся из-за границы армян при Совете Министров Армянской ССР, а также общественная организация — Комитет по культурным связям с армянами за рубежом» [1].

Сегодня мы знаем многих армянских деятелей науки, культуры, искусства, вернувшихся на родную землю. Вспомним хотя бы имена народной артистки СССР Гоар Гаспарян и народного артиста СССР Оганеса Чекиджяна. Но не все репатрианты смогли освоиться с новой обстановкой, привыкнуть к советской действительности, к отсутствию «свободного предпринимательства». Через некоторое время «неприжившиеся» захотели вернуться обратно.

А куда? Ведь вроде все концы с Западом были об-

---

[1] Коммунист, 1981, № 8, с. 111.

рублены... Вот тут-то, «воспользовавшись обстоятельствами», как отмечали зарубежные армянские газеты, добрые дяди из Америки создают при госдепартаменте «Армянское бюро». «Бюро» не спешит заниматься сложными проблемами многочисленной армянской колонии в США, у него другая задача — «изучение зарубежных армянских общин и разработка соответствующих мероприятий по переориентации общин из диаспоры в целом на США». Цель поставлена недвусмысленно: противопоставить Советской Армении американскую армянскую общину.

В свое время армянская газета «Канч», выходящая в Бейруте, писала: «Надо быть слепым, чтобы не увидеть главную задачу, которую ставят перед собой Соединенные Штаты. Они явно хотят использовать армянскую колонию в пропагандистских целях против СССР» [1].

Для этого максимально облегчаются условия въезда армян из СССР в США. Вплоть до предоставления виз в течение суток. И хлынули навалом «приглашения» от «любящих» и «богатых» заокеанских дядюшек и тетушек... И, как в случае со «свободной еврейской эмиграцией», хлынули в обратную сторону письма армян, покинувших нашу страну.

Из заявления Акопа Агаджана на имя генерального консула СССР в Сан-Франциско: «Моя семья состоит из пяти человек: я, жена и трое маленьких детей. Мы приехали по вызову сестры моей жены. Выезд был оформлен в рамках «воссоединения семьи», но любящая родственница даже не встретила их в аэропорту. Вот уже два месяца мы не можем найти квартиру. Из-за детей никто не хочет сдавать нам жилье... Мы не знаем английского языка, и нам никто не дает работы. У нас безвыходное положение» [2].

Галина Манукян, окончившая кооперативный техникум, приехавшая в Америку из небольшого городка Светлограда на Северном Кавказе, вернувшись после долгих мытарств на Родину, отмечала: «Три года в США... Каждый живет там сам по себе, никому до другого нет дела. Умрет одинокий человек — и месяц соседи знать не будут... Если брать отдельно материальную сторону, то при квалифицированной работе человек живет вроде бы не-

[1] Литературная газета, 1982, № 19.
[2] Там же.

плохо... Но ведь правильно говорится: не хлебом единым жив человек... Так вот, такой духовной нищеты и ограниченности, как там, даже представить себе невозможно»[1].

Человек — кузнец своего счастья. Как и своего несчастья тоже.

Западные «ловцы человеческих душ» держат на своем прицеле и молодежь социалистических стран. При этом они не гнушаются ничем. Английская «Дейли миррор» в 1981 году рассказала о деятельности некоторых частных агентств, расположенных во многих капиталистических странах, которые вывешивают или публикуют объявления с туманно сформулированным текстом, как, например: «Требуются молодые люди для выполнения известных поручений за границей». Что же это за «известные поручения»?

Молодых людей направляли в социалистические страны «с поручением» завлекать молодых девушек и возвращаться с ними на Запад, прикрываясь ширмой «законного брака».

Агентство оплачивало профессиональным «женихам» путевые издержки и прочие расходы. Брак был чисто фиктивным. Сразу по приезде молодоженов на Запад агентство организует им развод, ибо вербовщик отнюдь не имеет намерения оставаться навсегда связанным с «импортированной» супругой. А «супруга» не получает гражданства, которое ей было обещано.

В своем комментарии «Дейли миррор» писала, что «подобные частные агентства направляют молодых мужчин *почти во все социалистические страны...»*. Газета подчеркивала, что ежегодно они заманивают в свои сети сотни жертв.

Нетрудно догадаться, что ждет этих молодых женщин, если они не находят дороги, позволяющей им вернуться на родину... Да, за каждую «супругу», привезенную на Запад, «жених», по свидетельству «Дейли миррор», получает 330 фунтов стерлингов комиссионных.

Формула измены

Эти сутенеры, большинство которых безработные, желающие подзаработать три сотни фунтов, не представляют, сколь-

[1] Барьер несовместимости. Указ. соч., с. 13.

ко сотен тысяч и миллионов долларов, фунтов, марок, позаимствованных из карманов западных налогоплательщиков, реакционные круги и спецслужбы капиталистических стран вкладывали и вкладывают в их «собачьи свадьбы» и прочие мероприятия по дискредитации стран реального социализма.

Одно из первых мест по емкости капиталовложений в подрывную работу Запада последних лет занимает пресловутое «диссидентоведение», призванное, по замыслу изощренных апологетов империализма, сыграть роль некой специфической идеологии, «идеологической альтернативы» марксизму-ленинизму. До полной потери здравого смысла доходит буржуазная пропаганда, рекламируя новоявленных «правозащитников» и «мучеников свободы с Востока», заматерелых ненавистников нашей Родины и социалистического строя.

И экс-президент США Дж. Картер, принимая 1 февраля 1977 года в Белом доме выдворенного из Советского Союза Буковского, знал, что тот сидел в советской тюрьме за попытку сколотить подпольную террористическую группу с целью, как он вслух разглагольствовал, «физического уничтожения коммунистов» (воинствующий авантюрист в свое время изрек: «Террор — мой метод. Бороться с коммунистическими властями надо путем террора»).

«Солженицын и другие в не меньшей степени представляют современную русскую литературу, нежели Пушкин и Толстой ее представляли в свое время...» — утверждает, например, антикоммунистический журнал «Проблемы коммунизма». «Трудом гения» назвал «Архипелаг Гулаг» издающийся в Англии журнал «Энкаунтер», сравнивая его с «Божественной комедией» Данте. Известный сионист Бернард Левин в лондонской «Таймс» писал, что, глядя на Солженицына, начинаешь понимать, что означало когда-то выражение «святая Русь». В. Максимов в «романе» с многозначительным названием «Карантин» облил помоями свой народ, изобразив его скопищем пьяниц и уголовников обоего пола, оболгав всех и вся от государственных деятелей до местоблюстителя патриаршего престола... И все эти «авторы» призывают Запад не идти на разрядку и давать «отпор» нашей стране.

Другие «звезды» этой шумихи ставят рекорды бесстыдства и подлости. Вспомним, как Синявский изрыг-

нул в пресловутом «Континенте»: «Россия — Сука». Так и написал бывший сотрудник московского Института мировой литературы оба этих слова с заглавной буквы... В 1975 году он под псевдонимом Абрам Терц издал в Париже книгу «Прогулки с Пушкиным».

Тут не выдержали нервы даже у толстого антисоветского «Нового журнала» («преемника» парижских «Современных записок»), выходящего с 1942 года в Нью-Йорке). На его страницах появилась рецензия на синявско-терцевские «Прогулки...» под названием «Прогулки хама с Пушкиным». Достаточно остро критикуют писателей-отщепенцев даже махрово-реакционные «Русская мысль» и «Новое русское слово» (дабы не потерять свой и так уже невеликий престиж) за расцветшую нецензурщину да воровской жаргон на страницах их пухлых «сочинений», абсолютно не присущие русской литературе.

«Старые» эмигранты ревностно и внимательно следят за конкурентами из «новых». Их наблюдения, какие бы чувства ни двигали ими, подчас не лишены интереса. С. Николаев в статье «Скандал в неблагородном семействе», опубликованной в еженедельной газете «Голос Родины», органе Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом, писал:

«В монархическом журнале «Знамя России» напечатали открытым текстом: «Но вот появился Максимов и заявил, что будет издавать «Континент», враз и сотрудники нашлись, и место, и типография, и, главное, деньги. Наши национальные, независимые газеты и журналы еле ноги волочат, а тут все на подносе». Не будем сочувствовать престарелым издателям подобных журналов, лучше послушаем далее: «Все теперешние заявления, все их «труды» связаны с антирусскими деньгами, всех их поддерживает антирусская пресса, антирусский Запад, антинациональные, антихристианские силы, и если кто-то этого еще не уразумел, то, как говорят, горбатого могила исправит».

Еще более решительно высказывается в этом же журнале известный белогвардейский публицист А. Дикий: «Не русская земля взрастила их, нет. Они прыщи, бородавки и нарывы на народном теле. Можно с полной уверенностью сказать, что родили, воспитали, организовали и защитили, как грудного ребенка, их те силы, которые вызывали к жизни ад: волосатых, нынешнюю апокалипсическую музыку и авангардное искусство, порнографию

и преступность во всем мире, террор и искусственный космополитизм; те, кто проповедует свободную любовь, право на самоубийство; те, кто восхваляет гниль, блуд, нечистоту, какофонию». Энергичная эта характеристика в общем и целом недалека от истины, хотя престарелый мистик А. Дикий не может, разумеется, понять, что порождают и подкармливают злопыхателей отнюдь не черти с рогами, а вполне определенные земные силы, своекорыстно заинтересованные в гибели Советской державы. Имя этим силам — мировой империализм со всеми его разновидностями: фашизмом, сионизмом и т. д.» [1]. Не ладят с «новыми» и «настоящие» антисоветчики послевоенной закалки, особенно они не любят тех, кто прибыл на Запад по «израильскому каналу». Корреспондент «Вашингтон пост» М. Гетлер в своем репортаже из Мюнхена о «борцах» за свободу с радиостанции ЦРУ «Свобода» сравнил их с пауками в банке. «Они борются теперь между собой, и их борьба принимает формы ожесточенного затяжного конфликта, в ходе которого выдвигаются обвинения в фашизме и антисемитизме и было даже возбуждено одно судебное дело о клевете» [2]. Но рукопашные рукопашной, а за выбитые зубы и раскровавленные носы денег хозяева платить не будут. И вот уже «старые» кадры Г. Струве и Б. Филиппов из так называемого «Международного литературного содружества», занимавшегося контрабандным вывозом из нашей страны «самиздатовской» неизящной словесности, закладывают основы новой организации.

Весной 1977 года на мюнхенской Эррингенштрассе, 62 создается «Международный исследовательский центр Самиздата — архив Самиздата», воистину рассадник черной пропаганды. Еще в 1954 году сотрудник ЦРУ Ладислав Фараго дал ей следующее определение в справочнике секретной службы «Война умов»: «Черная пропаганда — это основополагающая мера секретной службы не только потому, что она пользуется исключительно шпионскими материалами в качестве оружия, но еще и по той причине, что она независима и работает тайно. Черная пропаганда никогда не выдает своих подлинных источников. Она всегда будет утверждать, что распрост-

---

[1] Николаев С. Скандал в неблагородном семействе. — Голос Родины, 1976, № 47.

[2] Большаков В. Над пропастью во лжи. М., 1981, с. 134.

раняемые ею материалы получены с вражеской территории или из прилегающих к ней районов... и что они переданы бунтарскими элементами из самого логова врага».

Задача «центра Самиздата» — составление и распространение контрреволюционных памфлетов, занесение в архив подпольной антисоциалистической террористической литературы, разработка методов контрабандного провоза и распространения этой литературы в социалистических странах. «Североамериканские радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода» выразили готовность бесплатно предоставить материалы Самиздата из своих архивов новому архиву Самиздата для исследовательских и публицистических целей», — писала 22 ноября 1977 года газета западногерманских коммунистов «Унзере Цайт».

На чьи же денежки была создана столь «солидная» контора по сбору нечистот и гноя? Очевидно, что ни «бунтарским элементам из самого логова врага», ни замшелым струве и филипповым с их иудиными заработками такую «фирму» не поднять на ноги. По утверждению шпрингеровской газеты «Вельт», создание «центра» финансировалось из средств фонда «Фольксваген», а также других «благотворительных организаций» ФРГ, Швейцарии и США. На Западе не только тщательно собираются всевозможнейшие опусы «бунтарских элементов», бессильно пытающихся очернить социалистический образ жизни, но и внимательнейшим образом следят за малейшими их поползновениями.

Как же должны быть скудны арсеналы антисоветизма, если таких, как Синявский, возводят в герои. Его же буржуазная пропаганда сравнивает с Герценом, а журнал «Континент», дитя антикоммунистических сил, — с «Колоколом»...

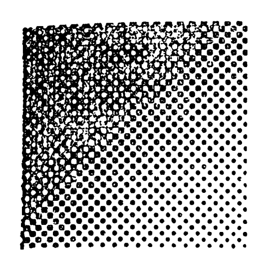
Вспомним, с какой убийственной иронией писал «Искандер» о русофобствующих «гангстерах пера» еще более ста лет назад в эмиграции — в 1856 году — в статье «Ответ»: «Я так привык к невежественной клевете на Россию, что не сержусь на нее и не отвечаю. Разве «Таймс» не рассказывал несколько месяцев тому назад, что в Петербурге лакеи раздевают дам, когда те идут спать, или разве год тому назад не было полемики в здешних журналах о том, что в России зимой мерзлую

водку рубят ли топором или нет, и что правда или нет, что зимой иногда снимают ноги вместе с сапогами».

Но щелкоперы XIX века в подметки не годятся нынешним беглым «знатокам России и СССР».

К своре недобитых фашистских холуев и уголовников тянутся за своим лакейским куском мяса и «наконец-таки» добравшиеся до желанного Запада людишки, заявлявшие еще недавно о своей приверженности идеалам чистого искусства и творческой свободы. Предает тот, кто способен предать. Они сделали свой выбор, став на тропу измены. Из них сделали, мягко выражаясь, идеологических скоморохов. «Пророчества», низкопробнейший мистицизм, заигрывания с боженькой, «покаяния», прямо-таки ангельская «жертвенность» и т. д. и т. п. — все это должно внушить западному читателю и зрителю четкие представления о «примитивизме» русской и советской души; представления, фабрикуемые на многочисленных конвейерах клеветы буржуазной пропаганды.

Подчеркнем еще одно — то, что многие коренные жители капиталистических стран весьма прохладно, с плохо скрываемым недоверием, а чаще всего с брезгливостью, относятся к осевшей рядом с ними «накипи», паразитирующей на своем советском происхождении. Так, один из предавших Родину сочинителей плакался в сентябре 1980 года еженедельнику «Нью-Йорк таймс бук ревью»: «Я в Ленинграде встречался с бо́льшим количеством американцев, чем здесь, в Америке». Да, во все времена и у всех народов такого сорта люди были не в чести...

TERTIUM NON DATUR

И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

А. Блок

Издатели журнала «Америка», распространяемого в нашей стране на русском языке, 1979 год решили завершить ударной подборкой материалов. С обложки двенадцатого номера нам улыбается симпатичная американская певица украинского происхождения. Тему «Американцы украинского происхождения» далее продолжают шестнадцать журнальных полос, воспевающих «американский образ жизни» и деловых украинцев, «нашедших себя» в Новом Свете. Вся подборка материалов призвана внушить советскому читателю «Америки» мысль о том, что многочисленная колония американцев украинского происхождения полностью «вписалась» в западный образ жизни и насквозь прониклась психологией потребительского общества.

В данном случае американская пропаганда стремится выдать желаемое за действительное... Среди американцев украинского происхождения — как и вообще среди миллионов проживающих за рубежом выходцев из царской России и СССР и их потомков — нет единства. Молчит широкая американская пресса о том, что в США активно ра-

Третьего не дано *(лат.)*.

ботает «Лига американских украинцев» — крупная прогрессивная организация, издаются прогрессивные эмигрантские газеты «Українські вісті», «Юкрейниэн Америкэн», борющиеся за социальную справедливость и установление добрососедских американо-советских отношений.

На праздновании 60-летия провозглашения Советской власти на Украине и образования Украинской ССР в декабре 1977 года отмечалось, что «около 3 миллионов выходцев с Украины проживают за рубежом. Большинство из них с глубоким вниманием и искренней доброжелательностью следят за достижениями республики, радуются ее успехам. Многие из тех, кто до установления Советской власти вынужден был покинуть родную землю в поисках хлеба и лучшей доли за океаном, их дети и внуки посещают Советский Союз, нашу республику, несут народам правду о первой в мире стране социализма, способствуют развитию отношений дружбы и сотрудничества между СССР и странами поселения украинской трудовой эмиграции...» [1].

Данная характеристика зарубежных украинцев вполне и во многом применима и к другим группам нашиx зарубежных соотечественников — русским и белорусам, эстонцам и армянам, черкесам, балкарцам и литовцам. Наши ученые, занимающиеся эмигрантской проблематикой, еще не единогласны даже в том, какое определение по отношению к этому человеку является наиболее точным и всеобъемлющим — «эмигрант», «выходец из царской России и СССР» или «зарубежный соотечественник». Отметим лишь, что по сложившейся практике работы по развитию культурных связей с этой многомиллионной группой населения зарубежных стран под определение «зарубежный соотечественник» подходят как выходцы из нашей страны, так и их дети и внуки...

Приведем один лишь пример. Когда в 1972 году в США было впервые проведено специальное обследование американцев по их этническому самосознанию, то 2188 тысяч американцев записали себя принадлежащими к этнической группе «русские» [2], хотя, по переписи населения США 1970 года, лишь 593 тысячи американцев записали в графе «Если вы родились за пределами США, то в какой стране? — «Россия» или «Советский Союз».

[1] Украина дорогой Октября. Киев, 1978, с. 90.

[2] U. S. News 8c World Report, 1973, June 4, p. 27.

При этом надо иметь в виду, что в эти 593 тысячи американцев входили не только русские, но и многие украинцы, белорусы и т. д. (за исключением литовцев, латышей и эстонцев, ибо США по сей день не признают присоединения Прибалтийских республик к Советскому Союзу в 1940 году. — *А. А.*).

Кто же он такой сегодня, наш зарубежный соотечественник?

Картина вырисовывается очень пестрая. Уцелевшие пособники гитлеровцев, другие подонки, выброшенные войной за пределы страны, и угнанная в фашистскую неволю девушка, не нашедшая сил и возможностей вернуться на Родину. Доживающий свой век в пригороде Парижа врангелевец и его преуспевающий сын-бизнесмен в Канаде. Молодая советская женщина, приехавшая в Нигерию вслед за мужем — выпускником советского вуза, и беснующийся в Нью-Йорке от ненависти ко всему советскому отщепенец... Еще в 1922 году В. И. Ленин с трибуны XI партсъезда призывал различать среди эмигрантов друзей и врагов Советской власти, отмечая, что «мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг» (т. 45, с. 95). Эта ленинская оценка ныне особенно актуальна.

В последние годы под воздействием неоспоримых исторических фактов усилились процессы поляризации в среде выходцев из нашей страны, представителей второго и последующих поколений эмиграции. Прогрессивные и нейтралистские организации наших зарубежных земляков вносят посильный вклад в борьбу за мир и социальный прогресс во многих странах Запада — США, Австралии, Финляндии, Франции, Аргентине, Канаде, Италии, ФРГ, Бельгии и т. д.

«Империалистическая реакция всегда делала ставку на эмиграцию. Среди этой разноликой по национальному и социальному составу массы немало злобных антисоветчиков, наших непримиримых врагов. Нынешняя вашингтонская администрация активно использует их в объявленном «крестовом походе» против социалистических стран. Эти люди, предав Родину, навеки утратили ее, — отмечалось в ноябре 1982 года в «Правде». — Однако *большинство наших зарубежных соотечественников* (курсив наш. — *А. А.*), несмотря на превратности эмигрантской судьбы, не позволяют вовлечь себя в антикоммунистические авантюры. Патриотически настроенные

выходцы из республик нашей страны гордятся этническим родством с советским народом, радуются его успехам, стремятся к контактам с СССР» [1].

Идеологическая обстановка в среде наших зарубежных соотечественников весьма сложна и специфична: ведь они являются, с одной стороны, объектом постоянного, повседневного натиска буржуазной пропаганды, с другой — этнические, культурные и исторические корни обусловливают стойкое желание знать правду о сегодняшнем дне родины своих отцов и дедов. Специалисты же по «эмигрантскому вопросу» из центров психологической войны Запада «почему-то» забывают сказать об этом, изображая всех наших многочисленных зарубежных соотечественников «беглецами» от большевиков, Советской власти и коммунизма, нашедших при капитализме «свое место под солнцем». В то же время они практически полностью замалчивают интереснейшие процессы из прошлого и настоящего массы выходцев из нашей страны, разбросанных по многим уголкам планеты. Поэтому мы постараемся восполнить пробелы, сделанные забывчивыми буржуазными «спецами по эмиграции». О многом уже говорилось. Но пора сделать более обобщающие выводы.

От веры, царя и Отечества

Самый многочисленный отряд выехавших из нашей страны — эмиграция ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ. Именно эти люди, покинувшие Российскую империю до 1917 года (к которым с очевидной ясностью надо присоединить покинувших Западную Украину, Западную Белоруссию, Прибалтику до 1939 — 1940 годов), и их потомки составили и составляют по сей день большинство из миллионов людей, проживающих за пределами нашей страны и этнически связанных с нею.

Статистика перехода границ России велась с 1828 года. С этого времени «по 1915 год включительно баланс выезда и въезда русских подданных через российские границы дает отрицательное сальдо в 4 509 495 человек... 4,5 миллиона — вот, по-видимому, реальный размер отлива за 88 рассматриваемых лет» [2].

[1] Правда, 1982, 24 ноября.

[2] Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928, с. 10—11.

А сколько людей оказалось за рубежом после Октябрьской революции и гражданской войны? Точных, до одного человека, данных, разумеется, нет и быть не может. Вспомним ленинскую оценку, сделанную в 1921 году: 1,5—2 миллиона человек. Свидетельствуют ли эти цифры о невиданном в истории «исходе» с родной земли? Нет. Каждая настоящая революция вызывает массовые перемещения людей. После Великой французской революции страну покинуло около 150 тысяч человек. Если сравнивать численность населения России начала XX века и Франции конца XVIII века, то получатся вполне сопоставимые цифры.

Таким образом, выходит, что образ «типичного» эмигранта из России «снижается» по сравнению с привычным для Запада стереотипом. Его усредненная, среднестатистическая фигура одета не только в офицерский мундир и носит профессорское пенсне. В истории, пожалуй, самый распространенный тип российского эмигранта — это попросту бедный крестьянин, бившийся-бившийся в нужде, а потом махнувший за океан в поисках лучшей доли.

Основной причиной, вызывавшей различные «волны» дореволюционной эмиграции был национальный, экономический, политический и религиозный гнет самодержавия.

«Оставление отечества и проживание в чужих краях по политическим причинам — явление, известное России уже давно. Так, в XVI веке эмигрировал известный князь Курбский, в XVII — Котошихин, в XVIII — Веселовские. Все это были, однако, более или менее единичные случаи, и лишь в XIX веке эмиграция из России принимает более широкие размеры» [1]. Первым политическим эмигрантом XIX века стал декабрист Н. И. Тургенев, издавший в 1825 году во Франции знаменитую книгу «La Russie et les Russes» («Россия и русские»). Он проложил дорогу в революционную эмиграцию для Огарева и Герцена, народников, большевиков... Русским эмигрантам часто доводилось за границей проходить сквозь нелегкие, но интереснейшие жизненные испытания.

...В 1859 году А. И. Герцен получил в Лондоне письмо из США от проживавшего там Ивана Васильевича Турча-

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1904, т. 80, с. 759.

нинова с яркой характеристикой нравов в американской буржуазной республике.

«Назад тому почти что три года, — так начинается это письмо, — к Вам явился в Лондоне гвардейского генерального штаба полковник Турчанинов, это был я... Я тогда сказал Вам, что еду в Соединенные Штаты и помню Ваше замечание: «Скучная земля Америка!»... Признаюсь, я отчасти усомнился в Ваших словах, мои заокеанские грезы были гораздо выше и чище пошлой действительности...»

В том же письме Турчанинов делится с Герценом планами переезда из США в Европу («назад за Атлантик») для контактов с русской революционной эмиграцией. Планам этим не дано было осуществиться. Когда весной 1861 года разразилась гражданская война в США, Турчанинов счел нужным отдать свои знания и воинский опыт на службу правительству президента А. Линкольна. Его имя осталось в истории гражданской войны в США. «Русский Громобой» — так называли в армии северян Турчанинова за отвагу и воинское искусство.

Он родился в 1822 году в семье небогатого помещика «из дворян Войска Донского» майора Василия Николаевича Турчанинова. В 1852 году он закончил курс Николаевской академии генерального штаба с серебряной медалью. Через три года «за отличие по службе» произведен в полковники (офицеров генерального штаба производили в полковники прямо из капитанов). В прошении на «высочайшее имя» от 22 апреля 1856 года Турчанинов просит разрешения об отпуске за границу. Просьба была удовлетворена. Уехал он с женой Надеждой Турчаниновой, полной своей единомышленницей с начала и до конца их совместной жизни.

В середине августа 1856 года Турчаниновы уже были в Нью-Йорке. Иван Васильевич известен теперь как Джон Бэзил Турчин... Через два месяца после начала гражданской войны он встал во главе 19-го Иллинойсского волонтерского полка, сформированного в Чикаго. С самых первых месяцев службы у него начались столкновения с консервативным командованием, проводившим соглашательскую политику в ущерб интересам борьбы с рабовладельческим Югом. Он отказывался выдавать плантаторам беглых негров-рабов, искавших защиты в его лагере.

Когда армию Огайо возглавил генерал-майор Д. К. Бьюэл, один из упорнейших примиренцев, он пред-

принял попытку расправиться с Турчаниновым. Бьюэл арестовал Турчанинова, предал суду и приговорил к изгнанию из армии. В дело Турчанинова вмешался президент Линкольн. По своей характерной манере он избрал для вмешательства не прямой, но весьма эффектный путь. Игнорируя шедший судебный процесс и никак не откликаясь на действия Бьюэла, он произвел стоявшего перед судом полковника Турчанинова в бригадные генералы. Политически это был шаг большой важности. В то же время юридически суд был сведен к нулю: трибунал из полковников был неправомочен судить генерала.

После гражданской войны Турчанинов с группой эмигрантов-поляков основал в 300 милях южнее Чикаго городок и станцию Радом и получил там участок земли. Как и раньше, он продолжает жить напряженной общественной жизнью, и его волнуют и Америка и Россия.

Судьба «генерала Севера» далеко не единична. Так, трое добровольцев из России — П. Стрельцов, Е. Константинович и Н. Мелентьев — стали соратниками легендарного предводителя освободительной борьбы кубинского народа против испанских поработителей Антонио Масео. Главным врачом военно-морского флота Чили был назначен в 1883 году А. Я. Щербаков, бежавший из России из-за преследований за революционную деятельность.

В количественном отношении политическая эмиграция, включая и революционную, составила малую часть «зарубежной Российской империи», большинство которой представляла другая — экономическая, так называемая трудовая эмиграция. В эпоху империализма она принимает массовые масштабы и носит, как правило, вынужденный характер. Подчеркивая это, К. Маркс писал: «Избыток населения создается теперь отнюдь не в результате недостатка производительных сил; наоборот, именно рост производительных сил требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции. Не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение» [1].

В. И. Ленин много интересовался проблемами эмиграции и иммиграции на империалистической стадии развития буржуазного общества. Теоретическое обоснование этого явления нашло отражение в таких ленинских работах, как «Империализм, как высшая стадия капитализ-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 568.

ма», «Капитализм и иммиграция рабочих», «Критические заметки по национальному вопросу», «Русской колонии в Северной Америке» и др. Подытоживая развитие мирового капитализма за полвека, прошедшие после выхода в свет «Капитала» Маркса, Владимир Ильич отметил, что «к числу особенностей империализма... относится уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение иммиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой» (т. 27, с. 404). Это явление при капитализме, особенно монополистическом, вызвано такими «надежными» спутниками данного способа производства, как экономические кризисы и безработица; следствием чего являются поиски средств существования на чужбине. «Капитализм создал особый вид переселения народов, — писал Ленин в 1913 году в работе «Капитализм и иммиграция рабочих», — ...Нет сомнения, что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплуатируют самым бессовестным образом рабочих-переселенцев» (т. 24, с. 89).

Владимир Ильич показал большое значение рабочей иммиграции для развития такой страны, как США. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали важнейшую роль иммиграции для экономического развития Соединенных Штатов. Волны вынужденной эмиграции, которая «порождена лендлордизмом, концентрацией земельных участков, применением машин при обработке земли и введением в широких масштабах современной системы сельского хозяйства», одна за другой катились «за океан в поисках новой родины и новой земли» [1].

Бурное развитие капитализма в США было бы невозможно без огромного притока иммигрантов, давшего американскому хозяйству главную производительную силу и большой потребительский рынок. «Именно европейская иммиграция сделала возможным колоссальное развитие земледельческого производства в Северной Америке... Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии» [2]. Объясняя, чем вызвана исключительная быстрота

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567.
[2] Там же, т. 19, с. 304—305.

концентрации американского капитала, Ф. Энгельс писал: «...Это сказочное накопление богатства возрастает со дня на день все больше, благодаря огромному переселению в Америку. Ибо это переселение и прямо и косвенно идет прежде всего на пользу магнатам капитала. Прямо — ибо оно является причиной быстрого возрастания цен на землю; косвенно — ибо множество переселенцев понижают уровень жизни американских рабочих»[1]. На то, что «Америка стоит во главе стран, ввозящих рабочих», указывал и Ленин.

Беседуя в феврале 1920 года с корреспондентом американской газеты «The World» («Мир») Л. Эйром, Владимир Ильич говорил: «Что бы стала делать Америка без своих рабочих-иммигрантов? Они абсолютно необходимы для вашего экономического развития» (т. 40, с. 152). Он внимательно анализировал направление миграционных потоков. До 1880 года в многомиллионной массе иммигрантов, осевших в Америке, преобладали выходцы из стран Западной и Северной Европы, в последние же десятилетия XIX века очень быстро росла иммиграция из менее индустриальных стран Юго-Восточной Европы — Италии, Австро-Венгрии и России[2]. В. И. Ленин назвал эти два этапа «старой иммиграцией» и «новой иммиграцией» (т. 24, с. 90).

Он подчеркивал «прогрессивное значение» подобного «переселения народов» в те годы, говорил о том, что оно способствует укреплению пролетарского интернационализма, помогает просвещению рабочих из отсталых стран. «Американский капитализм вырывает миллионы рабочих отсталой восточной Европы (и России в том числе, давшей 594 тысячи иммигрантов в 1891—1900 гг. и 1410 тысяч в 1900—1909 гг.) из их полусредневековой обстановки и ставит их в ряды передовой, международной армии пролетариата» (т. 24, с. 90—91). Интересные данные «о том, в каких размерах идет вообще процесс ассимиляции наций при современных условиях передового капитализма» приводил, например, Владимир Ильич в работе «Критические заметки по национальному вопросу»: «Перепись 1900 года насчитала в Соединенных Штатах свыше 10 млн. человек иностранцев. Штат Нью-Йорк, в ко-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 316.

[2] Принято считать, что эмигрант — это человек, покинувший ту или иную страну, а иммигрант — человек, прибывший в ту или иную страну.

тором было по той же переписи свыше 78 тыс. австрийцев, 136 тыс. англичан, 20 тыс. французов, 480 тыс. немцев, 37 тыс. венгерцев, 425 тыс. ирландцев, 182 тыс. итальянцев, 70 тыс. поляков, 166 тыс. из России (большей частью евреи), 43 тыс. шведов и т. д., — походит на мельницу, перемалывающую национальные различия. И то, что в крупных интернациональных размерах происходит в Нью-Йорке, происходит также в *каждом* большом городе и фабричном поселке» (т. 24, с. 126). Экономисту И. А. Гурвичу, эмигрировавшему в США и издавшему там работу «Иммиграция и труд», Ленин писал о том, что его «работа дает массу ценного по изучению капитализма, будучи вместе с тем как бы перенесением лучших методов нашей земской статистики на *западную* почву» (т. 48, с. 264).

В период 1880—1914 годов из России в США прибыло около 3200 тысяч иммигрантов, большая часть из них в 1911—1914 годах — 868 тысяч человек.

Большинство эмигрантов из России первоначально останавливалось в штатах Нью-Йорк, Пенсильвания, Массачусетс, Иллинойс. Российское генеральное консульство в Нью-Йорке в отчете за 1906 год отмечало, что три четверти всех российских эмигрантов осело на постоянное местожительство в восточных торгово-промышленных центрах — Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Балтиморе, Буффало, Питсбурге, а также в горнозаводских местах в Пенсильвании [1].

Всего же «в 1861—1896 гг. число эмигрантов составило 1 млн. 300 тыс. (из них 120 тыс. уехало до 1871 г.). В период империализма эмиграционный поток резко усилился и с 1897 по 1916 г. Россию покинуло 3026,8 тыс. русских подданных» [2]. Причин возникновения массового эмиграционного движения было немало.

В. И. Ленин, характеризуя низкий жизненный уровень российского рабочего класса, писал в 1913 году, что «в Америке... средний заработок промышленного рабочего... больше чем *вчетверо* выше русского» (т. 23, с. 21). Безысходная нужда деревенской бедноты, наличие кре-

---

[1] Подробнее об этом см.: Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986, глава «Российская трудовая эмиграция в США», с. 117—186.

[2] Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма. — История СССР, 1980, № 3, с. 83.

постнических пережитков наряду с развитием капитализма в сельском хозяйстве дали Ленину повод написать о том, что «вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России» (т. 10, с. 60). Подчеркивая связь между нищенским положением российского крестьянства и эмиграцией, Владимир Ильич отмечал, что «совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света» (т. 21, с. 325). Он и бежал, российский бедолага, во все концы света, преимущественно в страны, заселенные недавними эмигрантами и их потомками — США, Канаду, Аргентину, Бразилию, Австралию, Новую Зеландию, даже на Гавайские острова.

Многие пароходные компании нажили баснословные прибыли на доставке российских эмигрантов. «Бессовестная реклама бразильского правительства (как и канадского), — писал В. И. Ленин. — Платят агентам по 10 марок с души переселенца» (т. 28, с. 156). Советник русского посольства в Вашингтоне Щербатский в 1914 году докладывал в царский МИД: «...Чистый годовой доход германских предприятий от перевозки русских эмигрантов должен выражаться многими миллионами рублей. Компании находят возможным уплачивать как своим агентам, так и негласным комиссионерам, которые массами работают на них в странах эмиграции, значительную комиссию. По американским сведениям, такие штатные агенты особенно прибыльно работают в России, Австрии и Венгрии; в одной лишь Галиции две главные компании имели в 1907 году более 5000 подобного рода корреспондентов. Имеются сведения, что на капиталы германских пароходных обществ в нашем западном крае работают дешевые кинематографы, изображающие в привлекательном свете картины американской жизни, богатые злаки, фрукты в Калифорнии и проч. ...» [1].

Переселенцы из России с «привлекательностью» ожидаемой их жизни сталкивались сразу при въезде в обещанный «рай». После тягостнейшей дороги их ждали иммигрантские «чистилища» вроде североамериканского острова Эллис-Айленд или южноамериканского, расположенного вблизи Рио-де-Жанейро «Острова цветов», где с «новыми американцами» обращались как с рабами. «Только

[1] Баграмов Л. А. Иммигранты в США. М., 1957, с. 27—28.

горькая необходимость может заставить пассажира рискнуть таким карантином и жизнью на острове, открытом всевозможным ветрам, снабженном для жилья самыми первобытными лачугами, где можно получить мясо и хлеб, истинно, только на вес золота, а лихорадку или плеврит — совсем задаром»[1], — делился впечатлениями от посещения главного бразильского пропускного пункта для иммигрантов известный русский дипломат и путешественник А. С. Ионин.

Очутившись на Американском или Австралийском континенте, переселенцы быстро убеждались в вероломстве вербовщиков. Ведь «для империализма... эксплуатация труда *хуже оплачиваемых* рабочих из отсталых стран особенно характерна, — отмечал В. И. Ленин. — Как раз на ней основан, в известной степени, *паразитизм* империалистических, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих... Эксплуататоры «цивилизованных» стран всегда пользуются тем, что ввозимые иностранные рабочие бесправны» (т. 34, с. 371). Незнание языка, полное, как правило, безденежье, отсутствие высокой рабочей квалификации — весь этот традиционный набор эмигрантской неполноценности часто делал российских иммигрантов беззащитными перед произволом заводчиков, фабрикантов, плантаторов. Вот что писал известный деятель большевистской партии Артем (Ф. А. Сергеев) о первых днях своего пребывания в Австралии: «Работаю на железной дороге, рабочим платят по одному шиллингу в час. Живу в палатке. Укрепляю мускулы и нервы. Перекочевываем с места на место по мере того, как постройка подвигается дальше... Работаю обыкновенным рабочим на подбивке пути. Обыкновенно лопатою. Редко ломом или кайлом...»[2].

У «новой» иммиграции за океаном, прежде всего в США, нашлось немало противников. Многие расистски настроенные американские деятели стали пытаться затруднить доступ в страну «новым» иммигрантам, в большинстве своем неграмотным или малограмотным крестья-

---

[1] Ионин А. С. По Южной Америке. Спб., 1896, т. 1—2, с. 2.

[2] Российская революционная эмиграция в Австралии (1900—1917). Днепропетровск, 1978, с. 8.

нам. Возникли многочисленные общества и ассоциации, публиковавшие «научные труды», в которых утверждалось о вредности «смешения рас», о неполноценности восточно- и южноевропейцев, азиатов. Заявления шовинистического толка заполняли страницы газет, многочисленные петиции сыпались в законодательные органы.

Была пущена в ход теория «расового превосходства», теория «отсталых» и «передовых» рас. В США эта борьба приняла характер настоящей войны против «малокультурных элементов» из Восточной и Южной Европы. «Враги иммиграции использовали новый национальный состав иммигрантов для того, чтобы доказать ее социальную опасность для американцев. Следует отличать, говорили они, старую немецко-ирландскую иммиграцию от новой итальяно-славяно-еврейской: первая была желательна, вторая — нежелательна. Новая иммигрантская масса малокультурна, трудно поддается ассимиляции» [1].

Один из таких «патриотов», профессор Гарвардского университета Г. Мюнстерберг, писал в 1906 году в книге «Американцы»: «Всюду — итальянцы, русские, евреи, галичане, румыны. Даже свободный от предрассудков американец с тревогой задает себе вопрос, не ухудшится ли в случае продолжения этого притока качественный состав американского народа». «Свободные от предрассудков» мюнстерберги брюзжат и поныне, стараясь не замечать того, сколько труда и таланта вложили в благополучие США на шахтах Иллинойса и Пенсильвании, портах Сан-Франциско и Нью-Йорка, металлургических заводах Питтсбурга и Чикаго, полях Северной Дакоты, Небраски и Калифорнии миллионы «малокультурных элементов» из Юго-Восточной Европы. И не только Соединенных Штатов, но и многих других развитых капиталистических стран, кичащихся ныне своим благополучием...

Рабочие, эмигрировавшие в Америку из России после революции 1905 года, принесли в американский рабочий класс «дух более смелых, наступательных, массовых стачек» (т. 24, с. 91) — на эту особенность обратил внимание Ленин. Дух борьбы пролетариата за свои классовые права был внесен российскими эмигрантами, разумеется, не только в рабочий класс США. «Наихудшим элементом, которому нельзя позволять въезд в страну, является рус-

---

[1] Смолянский Г. Б. Мировая эмиграция и иммиграция. М., 1926, с. 16.

ский анархический и революционный элемент. Лишенный средств и склонностей к полезной и выгодной работе, он в действительности является орудием беспорядка и пропаганды идей, враждебных общественному благосостоянию»[1], — раздраженно писал в 1912 году министр сельского хозяйства Аргентины Д. Торино.

Одним из главных «двигателей» эмиграционного движения из дооктябрьской России являлся также национальный гнет царизма. «Инородческая» эмиграция началась задолго до появления капитализма на российской почве. Так, в Турцию переселились после присоединения к России Крыма (1783 г.) многие населявшие полуостров татары — до 300 тысяч человек. Эмиграция татар усилилась после Крымской войны, разорившей многих из них, она «коснулась 784 селений, из которых 330 совершенно опустели; по официальным данным, за этот период (1859—1863 гг. — *А. А.*) татар ушло 181 177 человек»[2]. Борьба кавказских горцев против завоевательной политики царского самодержавия завершилась в 50—60-х годах прошлого века массовым выселением части горцев (около одного миллиона), прежде всего представителей адыгских народов — черкесов, адыгейцев, кабардинцев — в Османскую империю, где они стали жертвами жесткой ассимиляторской политики турецких властей, проводимой под лозунгом османизма: якобы в Османской империи нет турок, татар, армян, черкесов, греков и т. д., а есть только «османы».

Представители многочисленных национальных меньшинств Российской империи составили также большинство заокеанской эмиграции. «В настоящее время нет ни одного штата или города, где бы не было эмигрантов из России, — писал прогрессивный журналист Иван Окунцов в справочнике для российских эмигрантов. — Русских поляков в Америке живет до 1 200 000 человек, русских евреев свыше 1 500 000, литовцев 75 000, латышей 25 000, эстонцев 7 000, финнов 40 000, русских — велико-беломалороссов — до 200 000 человек»[3]. В одно из самых бурных десятилетий (1899—1909 гг.) бегства из «тюрьмы народов» национальный состав эмиграции из России выгля-

---

[1] Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980, с. 25.

[2] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1904, т. 80, с. 753.

[3] Русско-американский справочник. Нью-Йорк, 1913, с. 127.

дел следующим образом: евреи составляли 43,8 процента, поляки — 27, литовцы — 9,6, финны — 8,5, немцы (колонисты) — 5,8, русские — 4,4 процента[1]. Вот более подробная характеристика отдельных национальных групп российской эмиграции, прибывших в США за 1899—1910 годы[2].

	Евреи	Поляки	Русские	Литовцы	Финны
Доля лиц полурабочего и зрелого возраста (до 14 и старше 44 лет), в %	30,4	11,7	9,7	9,7	11,7
Процент женщин	43,4	30,5	15,0	29,4	33,9
Сельскохозяйственных рабочих, крестьян, неквалифицированных рабочих, прислуги	25,0	93,2	88,1	92,7	93,3
Торговцев	5,3	0,1	0,9	0,1	0,1
Неграмотных старше 14 лет	26,0	35,4	38,4	48,9	1,3
Оказалось денег на одного прибывшего (в долларах)	12,8	11,9	19,2	11,1	19,1

Судя по таблице, подлинных иммигрантов представляли евреи, больше всех везущие с собой детей и лиц, переступивших зрелый возраст, да и процент женщин среди них был близок к половине.

К эмиграции российских евреев толкали и главари сионизма. К письму великого герцога Баденского от 2 декабря 1899 года русскому царю была приложена памятная записка Т. Герцля, в которой излагались сущность сионизма и необходимость еврейской эмиграции: «Единственным профилактическим средством против этого зла (революционных учений. — *А. А.*) является сионизм. Сионизм, проникая в массы еврейства, отвращает их от социализма, сионизм ставит еврейству новую историческую задачу,

[1] См.: Патканов С. Итоги статистики иммиграции в Соединенные Штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900—1909. Спб., 1911, с. 26.

[2] Оболенский В. В. Указ. соч., с. 25.

новый национальный идеал, который спасает его надеждой скорого его осуществления от заразительного яда революции... Само собой разумеется, что сионизм не стремится к исходу всех евреев, так как состоятельные классы евреев не мечтают о переселении, но готовы своими средствами содействовать эмиграции своих единоверцев. Таким образом, в то время как зажиточные евреи останутся на своих местах и будут продолжать сливаться с культурой христианского населения страны, еврейский пролетариат начнет постепенно эмигрировать»[1].

Санкцию на эмиграцию из России евреи получили в 1892 году, когда царь Александр III утвердил «Положение Комитета Министров» относительно условий деятельности в стране Еврейского колонизационного общества (ЕКО), в котором подчеркивалось, что «выехавшие согласно этому положению евреи «признаются покинувшими навсегда пределы России»[2]. ЕКО (или «фонд барона Гирша», как его в те годы чаще именовали) стремилось отбирать эмигрантов побогаче из многочисленного еврейского населения России конца XIX века[3], но они не имели особой тяги к перемене мест.

За океан массой хлынули сотни тысяч бедствующих евреев из «местечек» за пресловутой «чертой оседлости»... «В 1900—1910 годах из всех евреев, прибывших в США, выходцы из России составляли 71,5%»[4]. Там, желая быстрее адаптироваться к американской действительности, многие из них принялись подражать евреям немецкого происхождения, занявшим к тому времени уже прочные позиции в буржуазном обществе США, — переделывать свои фамилии и свой еврейский разговорный язык Восточной Европы (идиш) и на немецкий лад. Но еврейская буржуазия немецкого происхождения, как отмечают современные американские исследователи, «встретила своих восточноевропейских единоверцев со смешанным чувством презрения и страха. Респектабельные еврейские дельцы опасались, что вновь прибывшая, в целом классово чуждая им, масса евреев может серьезно подорвать их позиции в американском обществе. Они боялись не только конкуренции со стороны наиболее предприимчивых

[1] Цит. по: Тудоряну Н. Л. Указ. соч., с. 31—32.

[2] Яновский С. Я. Русское законодательство и эммиграция. — Журнал министерства юстиции, 1909, № 4, с. 107.

[3] По переписи населения Российской империи, в 1897 году в стране проживало 5 215 805 евреев.

[4] Баграмов Л. А. Указ. соч., с. 38.

«русских» евреев, но и требования «восточноевропейской черни» об оказании ей всесторонней помощи... Бизнесмены — евреи немецкого происхождения со страхом думали о том, что новые иммигранты могут дискредитировать их в глазах англосаксонской клиентуры и коллег-дельцов» [1].

По отдельным периодам еврейская эмиграция из царской России в количественном отношении характеризуется следующими цифрами: за 1881—1885 гг. — 64 322 человека, 1886—1890 гг. — 142 545, 1891—1895 гг. — 224 145, 1896—1899 гг. — 132 119, 1900—1904 гг. — 237 750, 1905—1909 — 433 682 человека [2]. Помимо США, она направлялась в Англию, Францию, Канаду, Палестину, Германию, Египет, Южную Африку, Аргентину.

Представители другой национальной группы явились в 70-х годах прошлого века пионерами массового эмиграционного движения из России в страны Латинской Америки. Это были выходцы из немецких колонистов, прожившие более века в России, меннониты (протестантская секта, проповедовавшая смирение и отказ от насилия), которые предпочли покинуть насиженные места в связи с решением царского правительства распространить на них в 1874 году закон о воинской повинности. Первоначально они поселились в Бразилии, а через некоторое время перекочевали в Аргентину. А. С. Ионин вспоминал: «Мне случалось беседовать с некоторыми из этих меннонитов, из стариков, по-русски. Любопытно, что они никак не хотели признать, что они не русские, а немцы: принадлежность свою к великому германскому отечеству они отрицают... «Мы все-таки русские, — говорят они, — и очень любим Россию. Она наше отечество, мы и деды наши там родились и не ушли бы оттуда, если бы не военная повинность, но что же делать? Нельзя, вера не велит». Далее он пишет: «Так их русскими здесь и называют, и на вид они тоже напоминают Россию: носят меховые шапки, часто с наушниками, наши смазанные сапоги, рубашки с косым воротом или косые армяки. В Оливрии же, где уже холодно, — овчинные тулупы» [3]. Русский посланник в Южной Америке в 1909 году сообщал, что «в Бразилии проживает несколько тысяч, в Ар-

[1] Национальные процессы в США. М., 1973, с. 84.
[2] Энциклопедический словарь Гранат. М., 1911, с. 19, с. 465.
[3] Ионин А. С. Указ. соч., с. 236, 239.

гентине же до 25 тысяч приволжских немцев колонистов». С конца XIX века «русских» немцев манила уже не Южная, а Северная Америка. За «1899—1913 гг. их туда (в США. — *А. А.*) прибыло 138 тысяч человек» [1]. В донесениях царских дипломатов тех лет часто встречаются описания канадских или бразильских колоний —саратовских и самарских немцев».

Обратим внимание читателя на одну черту дореволюционной эмиграции: довольно небольшое число эмигрантов русского, украинского и белорусского происхождения. «На долю коренного русского населения приходится только двадцатая часть всех выбывающих лиц, да и то большинство из них покидает родину только временно, на время заработка, и, таким образом, русская эмиграция существует скорее для прилива золота в Россию, чем для отлива его» [2]. Эмиграцию русских, украинских и белорусских крестьян сдерживала и сельская община, и, что немаловажно, наличие колонизируемой Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX века. Американский ученый А. Рул подчеркивал, что русские крестьяне не нуждались в эмиграции, имея свой «дикий Запад» у себя дома.

Значительную часть русских дореволюционных эмигрантов из России, особенно до революции 1905 года, составили приверженцы различных религиозных сект. Самодержавие жестоко преследовало своих подданных русской национальности, уклонявшихся от господствующего вероучения православной церкви. «30 000 человек — вот та вероятная цифра, которая более полно охарактеризует сектантскую эмиграцию» [3]. Ее можно разделить на две категории: «неорганизованную» и «организованную». Первая появилась в XVII—XVIII веках, когда в Турцию в 1740 году, спасаясь от преследования царских войск, бежали «игнат-казаки» — русские старообрядцы поповского согласия, — донские казаки, сторонники атамана Игната Некрасова, одного из предводителей Булавинского восстания. Вслед за некрасовцами неорганизованную сектантскую эмиграцию дополнили скопцы и баптисты, бежавшие из России в Румынию, Болгарию, Австрию.

---

[1] Оболенский В. В. Указ. соч., с. 75.

[2] Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820—1910. Либава, 1909, с. 12.

[3] Оболенский В. В. Указ. соч., с. 59.

«Организованную», направлявшуюся в основном за океан эмиграцию русских сектантов с конца XIX века составили представители секты «Новый Израиль», духоборцы, духовные молокане, штундисты и новые штундисты. Они уже не тайком бежали из России, а, разуверившись после длительных, и как правило, безрезультатных переговоров с царскими чиновниками относительно свободы деятельности своих сект и частых расправ с ними, покидали страну организованными компактными группами, чему предшествовало предварительное ознакомление их делегатов с новыми «отечествами» — США, Канадой, Уругваем. В защиту преследуемых сект часто поднимала свой голос передовая часть тогдашнего общества. Представители одного «направления» русского сектантства, которых царское министерство внутренних дел отпускало за рубеж «на собственный счет» и с условием «никогда не возвращаться в пределы империи», стремились сохранить (и их потомки во многом сохранили по сей день) язык, песни, обычаи своего родного народа.

Самой большой группой русских сектантов, переселившихся в Новый Свет, «являются духоборцы, прибывшие в Канаду в 1899 году, когда прибыло 7361 человек и впоследствии приехало еще несколько более мелких групп» [1]. В настоящее время их численность в Стране кленового листа составляет около 20 тысяч человек.

«Духоборы в Канаде — неповторимое, удивительное явление в истории человеческих судеб. На другой половине земного шара, на западе Канады, на приграничных с США землях живет община русских людей, трудолюбивых и бережно хранящих язык и традиции своей Родины, которую они вынуждены были оставить еще в конце прошлого века» [2]. У них устойчиво развито чувство национального достоинства и самосознания, потребность духовного и культурного общения с родиной. Они очень живо интересуются жизнью в Советском Союзе, их организация — Союз духовных общин — принимает активное участие в работе Канадского конгресса мира, борющегося за расширение дружественных связей между канадским и советским народами. Все чаще и чаще группы духоборцев посещают СССР. Почетный председатель «Союза духовных общин Христа» Иван Иванович Веригин во время

---

[1] Окулевич Г. Русские в Канаде. Торонто, 1952, с. 42.

[2] Яковлев А. «Плакун-трава, плывущая напротив воды». — Дружба народов, 1984, № 12, с. 210.

своего пребывания в СССР в 1985 году был награжден юбилейной медалью «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Он в годы войны вместе с членами Федерации русских канадцев организовал сбор средств в помощь родному народу.

В день получения награды И. И. Веригин рассказывал: «Нас, русских духоборцев, проживающих в Канаде, очень волнует проблема всеобщего разоружения. Мы стараемся, как только можем, помогать в разрешении этого вопроса. Не должно быть гонки ядерного вооружения!

Наш Союз духовных общин участвует в самых разных демонстрациях мира, идет рука об руку со всеми людьми доброй воли. Город Ванкувер — столица Британской Колумбии, провинции, где расположена колония духоборцев, уже провозгласил себя зоной, свободной от ядерного оружия.

Мы уделяем большое внимание воспитанию у себя дома молодого поколения... Мы стараемся воспитать наших детей и внуков людьми, любящими землю своих предков. И в этом нам очень помогает общество «Родина», которое принимает на учебу в Советском Союзе детей духоборцев. С 1980 года шестнадцать наших юношей и девушек обучались русскому языку в педагогическом училище исконно русского города Иваново. Теперь эти ребята сами учат русскому языку детей в школах и детских садах Канады. А в 1985 году в Советский Союз приехала еще одна группа молодых духоборцев. Четырнадцать человек учатся в столице Советской Украины — Киеве, а двое — в Москве, в Институте русского языка имени А. С. Пушкина. Я побывал в Киеве. Для наших учащихся созданы исключительно хорошие условия и для учебы, и для отдыха. И я уверен, что эти молодые люди полюбят Советский Союз всей своей русской душой...»

Надо отметить также, что из всех этих эмигрантов из царской России русские — не сектанты — в наибольшем числе реэмигрировали на родную землю, ибо, как писал об этом один прогрессивный эмигрантский общественный деятель и публицист: «Русский, не в пример... другим российским выходцам, бывало, едет в Америку один, без семьи, с намерением, по накоплении малой толики американских долларов, возвратиться на родину» [1]. Например,

---

[1] Бургин Г. Русская колония в Америке. — В сб.: Двадцать лет русской секции Интернационального Рабочего ордена. Нью-Йорк, 1940, с. 25.

в 1908—1909 годах на каждые 100 русских иммигрантов, прибывших в США, приходился 41 реэмигрант.

В целом, конечно же, экономическая, трудовая, или, как было принято в те годы называть, «долларовая», эмиграция отрицательно сказывалась на темпах экономического развития России. «Старый Свет» отдавал «Новому» в данном случае лучшую долю своих сынов»[1], — отмечал И. Гурвич в своей фундаментальной работе «Иммиграция и труд», названной В. И. Лениным «чрезвычайно поучительной». Культурный и образовательный уровень эмигрантов из России был определенно выше среднего уровня населения на родине. «Россия все более отстает, отдавая загранице часть лучших своих рабочих» (т. 24, с. 91), — писал В. И. Ленин в 1913 году.

Абсолютное большинство эмигрантов, покинувших Россию до 1917 года в поисках лучшей доли и обосновавшихся за океаном, с симпатией отнеслось к победе Октябрьской революции. Это хорошо показал в написанной в 1922 году диссертации «Русский иммигрант» американский прогрессивный деятель Дж. Дэвис[2]. Многие из них вернулись на Родину и внесли свой вклад в строительство социализма. Оставшиеся же в США, Канаде, других странах Америки российские иммигранты провозглашались носителями «красной заразы», стали подвергаться различным репрессиям. «Слишком, слишком много большевиков и ликвидаторов буржуазии у нас теперь... Русские рабочие избавились от буржуазии, — читают украинцы в своем нью-йоркском органе, — мы избавимся от нее завтра...» Пока революционерами свободно могут обсуждаться свои иностранные темы, много ли шансов американизировать их?»[3] — вопрошала в апреле 1919 года газета «Нью-Йорк таймс». Многие выходцы из России стали активными участниками классовых боев американского пролетариата. В создании Коммунистической партии Канады большую роль сыграли Джон Горбатюк и Мирон Костанюк. Таких примеров можно привести немало...

О зарубежных россиянах не забывали и на Родине в первые годы Советской власти. В газете «Русский го-

---

[1] Hourwich Y. Immigration and Labor. N.—Y., 1912, p. 71.
[2] The Russian Immigrant, hy Jerome Davis. N.—Y., Mac Millan, 1922.
[3] Шлепаков А. Н. Указ. соч., с. 208.

лос», до наших дней издающейся в Нью-Йорке прогрессивной русской общественностью, 10 января 1923 года было опубликовано письмо Ленина «Русской колонии в Северной Америке». Письмо было адресовано той части русской колонии в США, которая группировалась вокруг организаций, стоявших на позициях дружественного отношения к молодой Советской Республике — русской секции Общества друзей Советской России, русских секций профсоюзов США, Общества технической помощи Советской России и др. Владимир Ильич, узнав «о неправильном взгляде на новую экономическую политику, существующем среди части русской колонии в Северной Америке» (т. 45, с. 296), подробно объясняет американским соотечественникам смысл и сущность нэпа, благодарит их за оказываемую ими помощь новой России.

Массовая эмиграция трудового населения с территорий, лишь в 1939—1940 годах вошедших в состав СССР, продолжалась в межвоенный период, достигнув наибольшего размаха в 1926—1930 годах. За океан потянулись гонимые нуждой сотни тысяч литовцев, латышей, эстонцев, русских, украинцев и белорусов из Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, из Бессарабии. Эмиграцию русского, украинского и белорусского населения вызывала также насильственная ассимиляционная политика господствующих классов Польши и Румынии (вспомним официальный лозунг тогдашней польской администрации — «русских в Польше нет»), направленная на то, чтобы вытравить у него национальное самосознание. Большинство представителей этой «волны» эмиграции по-доброму, по-сыновьи относятся к родине своих отцов и дедов.

Отметим, что тема дореволюционной трудовой эмиграции далеко еще не исследована так, как этого она заслуживает. Если история дореволюционной политической и революционной эмиграции имеет не так уж много «белых пятен», то массовое эмиграционное движение из России конца XIX — начала XX века еще ждет своих исследователей. Из работ советских ученых, где освещается эта тема, на наш взгляд, выгодно выделяются всего лишь работы Л. А. Баграмова «Иммигранты в США» (1957 г.), А. Н. Шлепакова «Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма» (1966 г.) и Н. Л. Тудоряну «Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма» (1986 г.), где впервые в советской историо-

графии предпринята попытка комплексного исследования истории трудовой эмиграции из России.

Как справедливо отметил А. Н. Шлепаков: «Истории трудовой иммиграции до сих пор не «везло» в научной литературе. В этом можно видеть отражение общей неразработанности в ней динамики социальной структуры американского общества, истории общественных институтов, общественной мысли и психологии... Думается, что судьбы многих миллионов трудящихся-иммигрантов еще привлекут внимание советских историков»[1]. За годы, прошедшие со времени появления книги А. Н. Шлепакова в 1966 году, положение с изучением экономической эмиграции из России мало изменилось. Наши ученые охотно и много пишут о неграх, немцах, ирландцах, мексиканцах в США, но довольно скромно — о положении миллионов выходцев из России и их потомков на том же Американском континенте. Это, кстати, наблюдается и в зарубежных исследованиях. «Не все иммигрантские группы как следует изучены, — отмечает прогрессивный австралийский ученый М. де Леперванш, — мало опубликовано работ о русских, украинцах, мальтийцах, турках, ливанцах, югославах, голландцах и немцах, прибывших в Австралию в послевоенное время. Некоторые небольшие группы (например, латышская) выпустили много публикаций на своем родном языке, тогда как русских изданий вышло очень мало. С другой стороны, о греческих, итальянских, китайских и еврейских иммигрантах имеются капитальные труды...»[2]. Данное замечание, относящееся к небольшому временному отрезку применительно к одной стране, заселенной недавними иммигрантами и их потомками, верно и для истории многих других государств — США и Бразилии, Канады и Аргентины.

Между тем глубокая научная разработка такого сложного социально-экономического феномена, как массовая эмиграция из царской России, значительно способствовала бы более точному и всеобъемлющему осмыслению многих сложных процессов в современном капиталистическом мире, вооружила бы нас ценным пропагандистским и контрпропагандистским материалом.

---

[1] Шлепаков А. Н. Указ. соч., с. 464.

[2] М. де Леперванш. Иммиграция в Австралию в 1947—1979 годах. — Советская этнография, 1981, № 4, с. 77.

Вторая жизнь

Читатель этой книги уже имеет представление о том, как спекулируют буржуазные идеологи на теме эмиграции из нашей страны. В то же время они практически полностью замалчивают процесс реэмиграции, то есть возвращения в родную страну сотен тысяч людей за годы существования Советского государства.

...19 июня 1946 года посол СССР во Франции А. Е. Богомолов отправил письмо редактору эмигрантской газеты «Русские новости» А. Ф. Ступницкому. В нем он сообщал, что «правительство СССР приняло решение, дающее право каждому, кто не имел или потерял гражданство СССР, восстановить это гражданство и таким образом стать полноправным сыном своей Советской Родины». Объясняя мотивы данного решения, посол отмечает: «В годы Великой Отечественной войны большая часть русской эмиграции почувствовала свою неразрывную связь с советским народом, который на полях сражений с гитлеровской Германией отстаивал свою родную землю» [1].

Первый Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство» был принят 10 ноября 1945 года. Он относился к нашим соотечественникам, проживавшим на территории Маньчжурии. Затем Указом от 20 января 1946 года его действие было распространено на соотечественников, проживавших в провинции Синьцзян и в городах Шанхае и Тяньцзине. Аналогичные Указы Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции, Югославии, Болгарии, были приняты 14 июня 1946 года, на территории Японии — 26 сентября 1946 года, на территории Чехословакии — 5 октября 1946 года, на территории Бельгии — 28 мая 1947 года, о порядке приобретения гражданства СССР гражданами Литовской, Латвийской и Эстонской республик и уроженцами Бессарабии, проживавшими в странах Латинской Америки, — 30 марта 1948 года.

Прогрессивная часть российской эмиграции с воодушевлением восприняла указы. По официальным данным,

---

[1] Русские новости. Париж, 1946, № 58, 22 июня.

только в Югославии в 1945 году более шести тысяч русских эмигрантов изъявили желание перейти в советское гражданство. Во Франции получили советское гражданство около 11 тысяч человек. «Среди получивших советский «вид на жительство» были самые различные люди — от адмирала Вердеревского и генерала Постовского до активного участника партизанского движения во Франции Матьяша и совсем молоденькой работницы Натальи Хорунжей, родившейся и выросшей в Лионе, — писал о церемонии вручения паспортов русским эмигрантам в парижском зале Иены Ю. Жуков. — ...А потом был дан концерт. Молодежный хор «Союза советских патриотов» с большим чувством исполнил марш эмигрантской молодежи:

Помни, товарищ, бойцов Сталинграда,
Помни героев, сразивших Берлин!
Надо, чтоб родиной сердце горело,
Родиной полнилась крепкая грудь!» [1]

Около двух тысяч вновь обретших Родину людей вернулось из Франции в СССР. Напутствуя очередную группу реэмигрантов, газета «Советский патриот» желала им, чтобы «то, что осталось в их жизненном багаже из старых дореволюционных пережитков, от которых так трудно избавиться, живя за рубежом, в погоне за насущным куском хлеба, пусть будет выброшено у пограничного советского столба» [2]. Много эмигрантов вернулось на Родину и из Китая. После возобновления работы консульства СССР в Шанхае тысячи эмигрантов обратились в него с просьбами о получении советского гражданства» [3]. Из разных уголков планеты возвращались эмигранты на Родину, непомерно дорогую цену заплатившую за спасение Европы и мира от ужасов коричневой нацистской чумы. 20 миллионов советских людей погибли в годы второй мировой войны, 1710 советских городов лежали в развалинах...

Справедливости ради надо отметить, что из эмигрантов, принявших во второй половине 40-х годов советское гражданство, не все вернулись на Родину (в силу целого

[1] Жуков Ю. На Западе после войны. — Октябрь, 1947, № 10, с. 129—130.
[2] Советский патриот. Париж, 1947, 21 сентября.
[3] Голос Родины, 1963, № 65.

ряда причин: старость, боязнь начать новую жизнь, неуверенность в том, что смогут «вписаться» в советский образ жизни, запугивания и т. д.), установив с нею, если можно так выразиться, лишь более тесную духовную связь — возможность безбоязненно приходить в советские посольства и консульства, посещать мероприятия, проводимые СССР в странах их проживания. Так, советской гражданкой стала Надежда Александрова Тэффи.

Цветут тюльпаны синие
В лазоревом краю.
Там кто-нибудь на дудочке
Доплачет жизнь мою... —

грустно подытоживала она свой жизненный путь. Советским гражданином умер в Париже самобытнейший русский писатель Алексей Ремизов.

За рубежом он написал много книг, но они в лучшем случае — самоповторение. Оторвавшись от родной почвы, лишившись корней и притока свежих впечатлений (российских, заграничные его не интересовали), Ремизов пережил самого себя, на много лет пережил того Ремизова, который вошел в историю русской литературы. «Опустошение — пустыня — вот под каким знаком пройдет моя жизнь» — такой беспощадный диагноз поставил он самому себе в своих воспоминаниях («Иверень»). Он маялся в эмиграции, тосковал по Родине.

«Первые горсти земли, брошенные на его гроб, — вспоминала Н. В. Резникова, принявшая 26 ноября 1957 года последнее дыхание писателя, — горсти русской земли (привезенные юношами, побывавшими этим летом на фестивале молодежи)». Принял советское гражданство и скончавшийся в Риме Вячеслав Иванов — идейный вождь русского символизма, некогда хозяин той петербургской квартиры, которую посещала юная Лиза Пиленко (будущая мать Мария) и которая вошла в историю «серебряного века» русской поэзии как «башня из слоновой кости».

Некоторые эмигранты возвращались на родную землю не по своей воле. В. Шульгин был препровожден в СССР из освобожденной Югославии в 1944 году и понес заслуженное наказание за свою многолетнюю антисоветскую деятельность. Досрочно освобожденный в 1956 году, он поселился во Владимире. В декабре 1960 года Шульгин обратился к русской эмиграции с открытым пись-

мом. О мотивах, побудивших его выступить в советской печати, он пишет так: «Враждебное отношение некоторой части русской эмиграции к своей Родине является одной из сил, повышающих международную озлобленность. Желанием хоть чем-то смягчить эту опасную психику вызвано настоящее обращение к эмиграции».

Близко познакомившись с советской действительностью, Шульгин нашел в себе мужество признать, что Россия, «гибель» которой он когда-то оплакивал, стала могучей державой. Он признает, что это достигнуто народами СССР под руководством партии Ленина. Затем появилось второе письмо В. Шульгина — «Возвращение Одиссея».

Бывший врангелевский генерал В. Ткачев, один из лучших русских военных летчиков в годы первой мировой войны, после немецкой оккупации Югославии наотрез отказался сотрудничать с гитлеровцами. «В 1945 году не бежал на Запад, а явился к Советской власти с повинной. Был осужден, отбыл срок наказания, а когда некоторые лица в Париже стали хлопотать ему иностранный паспорт, он не захотел уезжать из России. Уж Ткачев-то слишком хорошо знал, что значит потерять Родину, и остался в Советском Союзе» [1].

Особо надо остановиться на послевоенной репатриации зарубежных армян. Они возвращались на родную землю на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке приобретения гражданства СССР лицами армянской национальности, возвращающимися из-за границы на родину, в Советскую Армению» от 19 октября 1946 года, установившего, что «лица армянской национальности, возвращающиеся из-за границы на родину, в Советскую Армению в порядке, установленном постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 21 ноября 1945 года «О мероприятиях по возвращению армян из-за границы в Советскую Армению», признаются гражданами СССР с момента прибытия их в Союз Советских Социалистических Республик». Советское государство, как мы уже отмечали, осуществило до и после Отечественной войны возвращение на Родину более 250 тысяч армян. Значительную помощь в массовой репатриации армян оказал в 1946—1947 годах также

---

[1] Спатарель И. К. Против черного барона. Кишинев, 1972, с. 252.

«Армянский всеобщий благотворительный союз», организованный еще в 1906 году в Каире. «Вкладом в полтора миллиона долларов он облегчил десяткам тысяч людей возвращение на родную землю» [1].

Вот уже более 60 лет, как в армянском словаре существует слово «спюрк», означающее «рассеянное по всему миру армянство». «Спюрк» — это не эмигранты, а люди, насильственно оторванные от родной земли. Отсюда привязанность подавляющего большинства зарубежных армян к своей Родине и постоянное внимание Советского правительства к судьбе зарубежных армян. Сразу после Октябрьской революции, в декабре 1917 года, В. И. Ленин специально занимался вопросом западных армян, чрезвычайному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручалось оказывать всяческие содействия армянам-беженцам, «насильственно выселенным во время войны турецкими властями». Молодая Советская Россия приютила десятки тысяч армянских беженцев на Северном Кавказе, в Крыму и других частях страны.

И в наши дни все теснее связи зарубежных армян, проживающих более чем в 60 странах мира, со своей социалистической Родиной. «Советская Армения всегда проявляет заботу о трудящихся армянах, волею судеб оказавшихся на чужбине, — отмечалось на XXVII съезде Компартии республики, — ярким свидетельством этой заботы является продолжающаяся репатриация армян из-за рубежа. Став полноправными гражданами Советского Союза, они вносят свой достойный вклад в развитие экономики, культуры и науки республики» [2].

Вся история реэмиграции в СССР — яркое свидетельство гуманизма нашего социалистического Отечества. С первых послеоктябрьских лет оно не забывало о российских эмигрантах — даже о тех, кто с оружием в руках сражался против Советской власти.

Сразу же после труднейших испытаний гражданской войны, 3 ноября 1921 года, был принят декрет ВЦИК об амнистии рядовых участников белогвардейских военных организаций. «Советская власть не может равнодушно относиться к судьбе этих рабочих и крестьян, которые,

---

[1] Капутикян С. Меридианы карты и души. М., 1978, с. 187.

[2] Коммунист, 1981, № 9, с. 111.

поняв свои заблуждения, стремятся вернуться на родину, чтобы здесь своим трудом искупить свои ошибки и помочь восстановлению народного хозяйства» — говорилось в этом документе, который, несмотря на все чинимые властями буржуазных стран препоны, все же доходил до солдат разбитых белых армий.

Этот гуманный документ открыл дорогу на Родину десяткам тысяч эмигрантов. Им была предоставлена возможность вернуться в Советскую Россию на общих основаниях с возвращающимися на Родину военнопленными первой мировой войны. В 1924 году амнистия была распространена на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат белых армий. Всего за один только 1921 год на Родину вернулось 121 843 человека. Причем многие вернулись еще до принятия декрета ВЦИК об амнистии. В советских газетах появились сообщения о возвращении на Родину бывших солдат белых армий. 6 апреля 1921 года «Правда» опубликовала заметку о том, что турецкий пароход «Решид-Паша» доставил в Одессу 3800 пассажиров, в подавляющем большинстве казаков и солдат из армий Врангеля и Деникина.

3 ноября 1922 года бывший врангелевский офицер Николай Бойчаров убивает в Софии своего бывшего сослуживца Александра Агеева. Это было политическое убийство. Александр Михайлович Агеев был редактором газеты «На Родину» (затем она называлась «Новая Россия») и одним из организаторов «Союза возвращения на Родину» («Совнарод»). Он возглавил кампанию за признание Советской России, за возвращение на родную землю. В своем первом номере газета «На Родину» писала: «Мы зовем всех честных людей русской эмиграции, которым чужды авантюристские похождения и дороги интересы родной страны, сомкнуть свои ряды под флагом нашей организации и газеты и вместе с нами начать дело исправления наших ошибок, сознательно или бессознательно нами совершенных, дело искупления наших грехов».

Георгий Димитров, выступая 31 марта 1922 года на митинге пролетариата Софии, говорил: «Болгарская коммунистическая партия и весь трудовой народ требуют от правительства, чтобы Врангель был немедленно схвачен за уши и, как ненужная тряпка, выброшен вон! Чтобы его армия была обезоружена! Чтобы русские солдаты

и казаки были отправлены к себе на родину, которая простила их и ожидает для благодатного мирного труда!»[1]

Все большее число людей в белоэмиграции изменяет «белой идее». На Родину рвутся не только солдаты и рядовые эмигранты...

Своим «советским паспортом» назвал всемирно известный русский писатель Алексей Толстой «Открытое письмо Н. В. Чайковскому», опубликованное в эмиграции 14 апреля 1922 года. Чайковский, непримиримый враг Советской власти, по поручению белоэмигрантов потребовал у писателя объяснений по поводу его сотрудничества в берлинской сменовеховской газете «Накануне». «Живьем в подвал — нет!» — в свойственной ему манере заявляет писатель и вскоре возвращается на Родину. Вернулись и такие видные деятели, как Ю. Ключников («министр иностранных дел» в белогвардейском «правительстве» Колчака), Ю. Потехин, А. Бобрищев-Пушкин и другие. В Советской России они были назначены на ответственные посты в государственном аппарате.

Много шума наделало признание Советской власти бывшим военным агентом Российской империи во Франции графом А. А. Игнатьевым. Он не был эмигрантом. Весть об Октябрьской революции застала его во Франции. В годы первой мировой войны на его имя во французские банки царским и Временным правительствами были переведены десятки миллионов франков для закупки вооружения. Белоэмигрантские деятели (по-своему логично) рассчитывали, что граф Игнатьев, представитель одного из самых аристократических семейств дореволюционной России, предоставит эти деньги для борьбы с большевиками. Но этого не произошло. Убежденный патриот, Игнатьев, несмотря на всевозможные интриги и провокации, сумел сохранить эти средства для родной страны (до 1937 года А. Игнатьев работал в советском торговом представительстве в Париже. Затем вернулся на Родину. Служил в Красной Армии в звании генерал-лейтенанта).

Большой резонанс среди белой эмиграции получила «Декларация чинов бывших белых армий к войскам белых армий», подписанная генералами А. Секретевым,

---

[1] Димитров Г. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 81.

Ю. Гравицким, И. Клочковым, Е. Зелениным, девятнадцатью полковниками и другими (принята в 1923 году). Они заявили, что отныне в качестве российского правительства признают нынешнее правительство Российской Советской Федеративной Республики и готовы перейти на службу в Российскую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РРККА). В декларации, в частности, отмечалось:

«Совет Народных Комиссаров, ставший на место политических болтунов и предателей типа Керенского, Савинкова и других, твердо начал создавать новую жизнь.

Медленно, но верно, в тяжелой обстановке, осложненной бывшей гражданской войной и хищническим стремлением международных капиталистов, Советская власть ведет русский народ по пути экономического возрождения.

Спокойно и уверенно выступают представители Республики на международном поприще в Генуе, Гааге и Лозанне, защищая интересы угнетенных, слабых и завоевывая почетное место новой России среди других народов.

Ныне власть РСФСР в твердых, крепких руках. Создана мощная РРККА, восстанавливается транспорт, а борьба со стихийными бедствиями — эпидемиями и голодом — уже почти завершена благополучным концом.

Мы же, очутившиеся в стане белых с самого начала бессмысленной гражданской войны, сразу оторвались от нашей Родины, потеряли всякую связь с нашим народом и, толкаемые в новые авантюры, невольно творили позорное дело измены против родного народа.

Наступил третий год с тех пор, как последний выстрел гражданской братоубийственной войны заглох в Крыму. Мы за границей — бесправные беженцы; в России идет постройка новой государственности.

За этот период уже изжиты непосредственные впечатления гражданской войны, и русский народ первый протягивает руку прощения эмигрантам, открыв широкую дорогу на Родину нам, вольно или невольно обманутым сынам, которые искренне осознали свои ошибки и честно готовы послужить новой России.

Солдаты, казаки и офицеры белых армий!

Мы, старые ваши начальники и соратники по прежней службе в белой армии, призываем вас всех честно и открыто порвать с вождями белой идеологии и, признав

существующее на родине Правительство СССР, смело ехать на Родину.

Идя навстречу назревшим стремлениям офицерской массы за границей, ВЦИК выделил особую Комиссию, так называемый Малый ВЦИК, для ускорения делопроизводства по огромному количеству анкет, поступивших в Москву.

Ориентирующиеся на кого угодно, только не на интересы Родины, врангели, кутеповы и прочие вожди белого движения ищут только случая, чтобы послать вас вновь творить каиново дело против Родины, в союзе с врагами России — на новую авантюру, чтобы восстановить свое прежнее положение и власть помещиков и капиталистов.

В это же время Советская власть при полной поддержке всего народа, шаг за шагом, отвоевывает достойное положение нашей Родины у международных хищников и укрепляет незыблемость границ территории Российского государства.

Боевые наши соратники!

Каждый лишний день нашего прозябания за границей отрывает нас от Родины и дает повод международным авантюристам строить свои предательские авантюры на наших головах. Мы должны решительно отмежеваться от этого низкого и подлого предательства нашей Родины и призываем всякого, у кого не заглохло чувство любви к Отчизне, быстрее присоединиться к трудящимся России.

Пусть в слиянии зарубежных изгнанников с Родиной враги России увидят грозный симптом подъема величия нашей Родины, и в этом залог процветания народов, населяющих огромные пространства нашей Родины.

Ни одного солдата, казака и офицера на новую авантюру против России!» [1]

У «вождей» белой эмиграции, не оставлявших надежд силой изменить положение на Родине, особую тревогу вызвало признание Советской власти и реэмиграция военных, особенно высших офицеров. А таких было немало: бывший командир корпуса генерал А. Секретев, бывший командир дивизии генерал Ю. Гравицкий, многие другие генералы и полковники, сражавшиеся в годы

---

[1] Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. М., 1983, с. 36—38.

гражданской войны на стороне белых. Теперь они признавали свою былую неправоту и присоединялись к той части русского офицерства, которая сразу перешла на сторону революции. А это была значительная часть офицерского корпуса. Достаточно сказать, что в годы гражданской войны на командных должностях в Красной Армии служило 250 бывших царских генералов. Характерно, что информация о службе в Красной Армии старых офицеров распространялась среди верхушки белоэмиграции строго конфиденциальным порядком.

Генерал Врангель издал приказы об увольнении и лишении чинов всех офицеров и генералов, заявивших о признании Советской власти. Генерал Кутепов приказал расстрелять полковника Щеглова за то, что тот захотел уехать в Советскую Россию. За это же убивают генерала Кельчевского, капитана Шелепугина и других. Конечно, применялись и другие методы запугивания — прежде всего клевета о том, что на Родине реэмигрантов ждет якобы расправа.

Но с желающими вернуться часто расправлялись за рубежом. Так, молодой белоказачий генерал Борис Анненков, бегущий в Китай со своим разбитым воинством, издал вероломный приказ, в котором в торжественном стиле объявил, что все солдаты, желающие вернуться на Родину, могут вернуться, дабы не нести тягот жизни на чужбине. «Изъявившие желание вернуться в Советскую Россию (а их было несколько тысяч человек. — *А. А.*), — говорилось в обвинительном заключении на процессе по делу атамана Анненкова, — были раздеты, потом одеты в лохмотья и в момент, когда проходили ущелья, пущены под пулеметный огонь» [1].

Тем не менее эмигранты рвались на Родину, несмотря ни на какие препятствия. Большой переполох среди зарубежных белых вызвал случай, когда два бывших врангелевских летчика — Иван Лойко и Павел Кочан, — похитив самолет, бежали из Югославии в СССР. Из-за недостатка горючего они вынуждены были приземлиться в Румынии, откуда с большими трудностями добрались до Родины (служба у Врангеля им была прощена, и они немало лет отдали советской авиации).

В те годы так называемая свободная пресса Запада

---

[1] Неотвратимое возмездие. Указ. соч., с. 84.

не писала об этом. Она расписывала «страдания» беглых «высочеств», «сиятельств» и «превосходительств», охочая до интервью с любым «беженцем от Советов», она упорно «не замечала» тех, кто нашел в себе мужество отказаться от «белой идеи» и воссоединиться со своим народом.

Более того, империалистические заправилы всячески препятствовали процессу реэмиграции в СССР. Причем для этого использовались пропагандистские, экономические и полицейские методы. Сначала лидеры Запада лелеяли надежду «свалить большевиков» штыками эмигрантского воинства. Когда же подобные надежды стали таять — Советская держава крепла — эмигрантскую массу постарались убрать подальше от границ СССР. Пусть русский будет если не интервентом-наемником, то хотя бы бесправным рабочим на плантациях в Африке или Южной Америке. Но, например, многие солдаты из экспедиционного корпуса, отправленного царем проливать кровь во Франции, отказались ехать в колонии и пешком, без гроша, через несколько стран, упрямо пробирались на Родину. Их арестовывали, били, сажали в тюрьмы, запугивали, но они шли. Об этом буржуазная «свободная» пресса молчала.

Не взрывалась она сенсациями и по поводу того, что многие российские эмигранты из дореволюционной «долларовой» эмиграции захотели принять непосредственное участие в создании новой жизни на родной земле, восстановлении разрушенного первой мировой и гражданской войнами народного хозяйства. В 1920 году среди российских эмигрантов в США и Канаде началось движение за переселение в Советскую Россию. В Америке было создано Общество технической помощи Советской России. Оно имело отделения в 75 городах Нового Света и насчитывало около 10 тысяч членов.

Надо сказать, что стихийная реэмиграция представляла немалые трудности для молодой Советской Республики. Народ, который только-только победил внутреннюю и внешнюю реакцию, получил тяжелейшее наследие — разрушенное хозяйство, голод, безработицу. Советское правительство поставило вопрос об организованном переезде желающих возвратиться на Родину, о необходимой для этого подготовке. И такие группы стали формироваться. Только за последние месяцы 1920-го и первые месяцы 1921 года через один порт Либаву (ныне

город Лиепая) прошло свыше 16 тысяч реэмигрантов. Декретом Совета Народных Комиссаров от 22 августа 1921 года был определен порядок вступления этой категории реэмигрантов в советское гражданство.

Многие группы эмигрантов из России обращались к Советскому правительству с просьбами разрешить им вернуться на Родину. «Трудовые и беднейшие элементы колонии, — говорилось в письме российских иммигрантов, проживавших в Лос-Анджелесе, — повсеместно являются самыми искренними друзьями Советской России, бедствие которой в настоящее время заставило сплотиться для помощи голодающим (имеется в виду голод в Поволжье в 1921 году. — *А. А.*). Мы верим и ждем, что Советское правительство поможет нам осуществить нашу мечту о возврате на родную землю для коммунистического строительства». По многим городам Америки распространялось воззвание «Едемте в Россию!» Общества технической помощи Советской России. С октября 1922 года по август 1925 года специальная комиссия Совета Труда и Обороны дала разрешение на въезд в СССР 21 группе (2689 человек) для работы в сельском хозяйстве и 11 группам рабочих (3249 человек) — для работы в промышленности. В персональном порядке за этот период комиссия СТО выдала разрешение на въезд 1773 реэмигрантам.

Не обсуждала западная пресса и того, что с середины 20-х годов один за другим стали возвращаться в СССР интеллигенты, ранее не понявшие и не принявшие Октябрьской революции. На Родину вернулись писатели А. Белый, А. Куприн, художник И. Билибин, композитор С. Прокофьев и многие другие. Эти люди не бедствовали на Западе, порой они принадлежали к привилегированным кругам дореволюционной России (например, историк литературы князь Д. П. Святополк-Мирский). Сердцем тянулась к Родине Марина Цветаева:

Даль, прирожденная,
как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду,
через всю
Даль — всю ее с собой несу!
Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись
Домой!»
. . . .

Если хронологически обозреть историю возвращения писателей-эмигрантов в СССР, то первой крупной фигурой (вслед за Алексеем Толстым) следует считать Андрея Белого. Открыватель новых горизонтов языка, автор романа «Петербург» и книги стихов «Пепел», Андрей Белый пробыл в эмиграции недолго (1922—1923 годы). «Ужасно скучаю по России, — записывает он в дневнике 24 июля 1923 года. — Трудно жить с берлинскими русскими». О его возвращении ходили нелепые слухи, видимо, инспирированные эмигрантскими политиканами. Этим домыслам, бывало, верили лучшие представители русского зарубежья. Марина Цветаева, с которой он поддерживал тесные контакты в Берлине, писала много лет спустя после отъезда Андрея Белого на Родину: «Больше я о нем ничего не слышала. Ничего, кроме смутных слухов, что живет он где-то под Москвой... Пишет много, печатает мало, в современности не участвует и порядочно-таки забыт».

Цветаева была обманута эмигрантскими слухами, обманута и в частности, и в главном. На Родине Андрей Белый активно «участвовал в современности». Писал и печатался много. Созданные им тогда две книги интереснейших воспоминаний и сейчас широко читаются в СССР. Щедро делился Андрей Белый с молодыми писателями своей богатейшей эрудицией, принимал участие в литературных диспутах. На собрании советских писателей он говорил о готовности всем своим творчеством служить революционной России. Когда в 1934 году он скончался, газета «Правда» писала в некрологе: последний из крупнейших представителей русского символизма Андрей Белый умер советским писателем. Как тут не вспомнить слова Достоевского: «Неужели же и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад вертишься».

Всего в Советский Союз «за десять лет (с 1921 по 1931 год) возвратилось 181 432 человека» [1].

В 1955 году в какой-то мере повторилась ситуация 1921 года; руководствуясь ленинскими принципами гуманности, Советское государство сочло возможным применить амнистию к тем советским гражданам, которые

---

[1] БСЭ, изд. 1-е, 1934, т. 64, с. 162.

во время войны по малодушию или несознательности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами.

17 сентября 1955 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Статьи седьмая и восьмая Указа, в частности, гласили: «Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

...Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе».

Но было бы неверным сводить «возвращенцев» последних десятилетий только к тем, кто попал за пределы Советского Союза в результате второй мировой войны. С этими людьми смешались представители практически всех других слоев российского зарубежья. С просьбами о восстановлении или получении гражданства СССР в советские дипломатические представительства за рубежом, непосредственно в Верховный Совет СССР обращались и обращаются и бывшие «белые», по каким-либо причинам ранее не решавшиеся на реэмиграцию, и эмигрантская молодежь, достигшая совершеннолетия, и

другие лица. Получается такая пестрая картина, что затруднительно вывести какую-то типичную, наиболее характерную фигуру реэмигранта последних лет.

Оглушительной пропагандистской шумихой встречают на Западе каждого дезертира и перебежчика из нашей страны. Под диктовку западных спецслужб все послевоенные годы отщепенцы рассказывали и рассказывают (а мощные средства буржуазных средств массовой информации разносят по всему миру) ужасы о преследовании в СССР интеллигенции. А в это время в Советский Союз из стран «свободного» Запада возвращались такие люди, как выходец из петербургской аристократии искусствовед Л. Д. Любимов, скульптор С. Эрьзя, певец Петр Топчий, экономист В. И. Терещенко и другие.

Возьми мой талант, и мои
неуставшие руки,
И опыт, и память, и гнева
отточенный меч,
И верное сердце, что выросло
в долгой разлуке,
И строгую лиру, и мягкую
женскую речь,
И посох возьми, что стучал
о холодные плиты
Чужих городов, и веками
накопленный клад.
И краски моей, нищетой
расцвеченной палитры,
И парус скитальца лохматый,
в узоре заплат.
Сложи их на площади, в снежном твоем
Ленинграде,
Костер запали, пусть огонь высоко
возгорит,
И легкими стаями к небу взовьются
тетради,
Как желтые листья, когда леденеет
гранит.
Ведь только из страшных горений
рождается слово,
И если ты спросишь, стихам моим веря
живым:
«Готова ли дважды сгореть?» — я
отвечу: «Готова!» —
И русская муза протянет мне руки
сквозь дым, —

писала в стихотворении «России» вернувшаяся на Родину самобытная поэтесса Мария Вега.

«Свободная» пресса Запада, ссылаясь на «беспри-

страстных» свидетелей, пишет о насильственной русификации в СССР, а в Советскую страну ехали не только русские, но и украинцы, и литовцы, и белорусы, и эстонцы. Сколько же слез пролито буржуазными идеологами о «катакомбной» церкви в Советском Союзе, о преследовании верующих в нашей стране, а в СССР после долгих лет эмиграции вернулись многие архиереи и священники. «Среди них митрополит Саратовский и Балашовский Вениамин, прибывший из США, митрополит Серафим, прибывший из Франции, митрополит Новосибирский и Барнаульский Нестор, архиепископ Краснодарский и Кубанский Виктор, архиепископ Ижевский и Удмуртский Ювеналий и епископ Вологодский и Череповецкий Гавриил, прибывшие из Китая, архимандрит Мстислав, ныне епископ Великолукский и Торопецкий, прибывший из ФРГ, благочинный и настоятель собора в Херсоне протоиерей Борис Старк, прибывший из Австралии, и многие, многие другие», — отмечалось в обращении священного синода русской православной церкви от 14 марта 1957 года ко «всем ее чадам, пребывающим в рассеянии и вне ограды матери-церкви».

Возвратившееся духовенство смогло воочию убедиться в лживости утверждений о гонении на религию и церковь в Советском Союзе, о преследовании священнослужителей за церковную деятельность. Бывшие эмигранты — служители русской православной церкви получили приходы и епархии, соответствующие их церковному сану. Некоторые из них стали затем архиереями, ответственными сотрудниками Московской патриархии, преподавателями духовных семинарий и академий. Вернулись на родную землю и сектанты-некрасовцы, предки которых двести с лишним лет назад вынуждены были покинуть Россию из-за преследования царских властей.

В реэмиграции послевоенных десятилетий — люди разных поколений, оказавшиеся за рубежом по различным причинам. Вот как, например, сложились судьбы трех реэмигрантов из Аргентины. И. Ф. Попов попал в волну белой эмиграции совсем юным. Учился в Чехословакии, стал инженером-электриком. В Аргентине занимал высокую должность в крупной фирме. В начале 60-х годов вернулся в СССР, работал в Воронеже, где вступил в ряды КПСС. Ныне пенсионер, живет в Подмосковье. Ю. Г. Слепухина подростком угнали с оккупированной территории фашисты во время войны. Был

так называемым «перемещенным лицом», после скитаний по разным странам оказался в Аргентине. Вернувшись в СССР, стал писателем. Широко известны его романы «У черты заката», «Джоанна Аларика», «Южный крест» и другие произведения. Живет под Ленинградом. В. И. Ляховчук попал в Аргентину в 1928 году в трехлетнем возрасте, когда, спасаясь от нужды, уехала с Западной Украины, входившей в состав панской Польши, его семья. В СССР вернулся в 1959 году. Живет во Львове. Был рабочим, теперь работает мастером на производственном объединении имени 50-летия Октября.

Даже из нашего краткого обзора истории реэмиграции видно, насколько лжив миф буржуазной пропаганды о том, что из Советского Союза всегда только «бежали». (Мы, кстати, не затрагивали здесь эмиграцию в СССР иностранцев — немецких антифашистов, в том числе видных деятелей культуры, испанских республиканцев и т. д. — это отдельная тема.) Но заправилы западной идеологии и в наши дни продолжают упрямо твердить: «Хотя с Востока на Запад люди бегут, почти нет случаев, чтобы бежали с Запада» (из интервью, данного 8 мая 1982 года директором Управления по международным связям США Чарльзом Уиком токийской газете «Санкэй симбун»).

Это ложь. И вышеприведенные факты убедительно опровергают подобные инсинуации.

Если учитывать мотивы, которыми руководствовались возвращающиеся в СССР, то можно заметить, что многие стремились на Советскую Родину отнюдь не потому, что бедствовали за рубежом. Что же их влекло в родные края? Если суммировать написанное реэмигрантами в мемуарах, рассказанное ими на страницах печати и в личных беседах, можно сделать главный вывод: их привлекал советский образ жизни. Они предпочли советское общество буржуазному с его борьбой каждого против всех за «место под солнцем», мещанскими идеалами «общества потребления». Не для того чтобы, если повезет, открыть частную лавочку, вернулись в СССР сотни тысяч человек из США и Китая, Франции и Аргентины, Канады и Турции, из многих других стран. «Я приехал в Советский Союз не за куском хлеба — за человеческим достоинством. И нашел его», — пишет В. Ляховчук.

Под этими словами мог бы подписаться каждый из возвратившихся на Родину за годы Советской власти. Кем бы ни был реэмигрант — седовласым профессором лингвистики или молодым сапожником, известным художником или рядовым фермером, — все в один голос говорили, что, обретя Родину, они начали жить заново.

Граница посередине сердца

Западная пропаганда упорно «не замечает» и политического размежевания среди наших зарубежных соотечественников, продолжая крутить неистовую пропагандистскую карусель вокруг относительно небольшой по численности антисоветской части эмиграции да кучки отщепенцев, предавших нашу социалистическую Родину. Факты горячего участия наших зарубежных земляков в борьбе за дело мира, социального прогресса и разрядку международной напряженности, их посильного вклада в развитие культурных, научно-технических связей между Советским Союзом и странами своего проживания по вполне понятным причинам не привлекают широкого внимания буржуазных средств массовой информации.

В благоприятной международной атмосфере 70-х годов были созданы условия для того, чтобы фильм о ленинградском Эрмитаже снимали знаменитый английский драматург и актер русского происхождения Питер Устинов и американская кинозвезда Натали Вуд (настоящая фамилия актрисы, трагически погибшей в расцвете творческих сил в 1981 году, — Захаренко: она родилась в Сан-Франциско в семье эмигрантов из России).

Лондонское издательство «Макмиллан» выпустило в 1983 году в свет книгу Питера Устинова «Моя Россия» [1]. Она всколыхнула общественное мнение, ибо нечасто в буржуазной Британии выходит честная и объективная книга о жизни советского общества, о различных аспектах внешней политики Советского Союза. «Моя Россия» была встречена в штыки многими английскими средствами массовой информации. Как отметила газета «Советская культура», «претендующий на солидность журнал «Экономист» в оскорбительных тонах посоветовал Питеру Устинову не заниматься политикой, а «применять таланты в других областях». Отражающий взгляды

[1] «My Russia» by Peter Ustinov, Macmillan, London, 1983, 224 p.

верхушки консервативной партии «Экономист» не утруждает себя серьезной аргументацией, да и о какой полемике может идти речь, если автор напечатанной в ней заметки прямо заявляет: «Но ведь Россия — наш враг»[1].

Что же так обеспокоило респектабельных буржуазных пропагандистов?

Питер Устинов показывает всю нелепость мифов о «советской военной угрозе», пишет о том, что «каждый советский школьник, каждая советская школьница знают, что шестьдесят лет назад британские и американские солдаты были на русской земле, что немцам удалось захватить Украину, что вся Сибирь и большие части территории на Севере и на Юге находились под иностранной военной оккупацией и что тогда советские люди одержали их первую важнейшую победу над пришельцами.

Прошло всего лишь двадцать лет, и все началось снова, на этот раз с потерями не в один миллион, а в двадцать миллионов человек. И вновь была одержана победа после начального периода неудач.

Неужели после этого нужны еще какие-то доказательства того, что русским следует находиться в состоянии постоянной готовности, а не уповать на добрые намерения Запада? Имеется гораздо больше аргументов в пользу искренности русских, заявляющих о стремлении к миру, чем в пользу доброй воли Запада. Подтвердить это в скорбном молчании может хор буквально не поддающихся подсчету павших. За последние двести лет Россия перенесла страдания в масштабах, неизвестных другим народам... И что же, теперь она планирует завоевание мира?»

В «Моей России» высказывается мысль, что не Запад, а Советский Союз должен постоянно заботиться о своей собственной безопасности из-за сложившейся в мире стратегической ситуации.

«Если применить эту ситуацию к американцам, то можете себе представить настроение — нечто среднее между тревогой и воинственностью, которым были бы охвачены Соединенные Штаты, окажись советские военные базы на юге Канады, большей части мексиканской границы и в различных районах Карибского моря. Насколько яростной была бы реакция Соединенных Штатов, если бы они были так же плотно окружены, как Советский

---

[1] Советская культура, 1983, 14 июня.

Союз? И зачем удивляться тому, что Советский Союз делает все, что можно, в нынешних условиях, чтобы не оказаться неподготовленным. Ведь границы Советского Союза протянулись на тысячи миль. Те, кто считает, что вооруженность СССР превосходит его нужды, полагают, что честь и моральные устои западного союза вне всяких подозрений. Однако не существует никаких исторических или этических оснований, которые убеждали бы в этом русских. С их точки зрения, Запад предпринимает максимальные усилия, чтобы оказать на них военное и экономическое давление для того, чтобы помешать развитию СССР и держать его в положении обороняющейся стороны. В известном смысле слова русские правы, по крайней мере, в отношении Соединенных Штатов».

Конечно, такие размышления не по душе трубадурам нового «крестового похода» против коммунизма. Кстати, по поводу его застрельщика — президента Рейгана — в книге звучат осуждающе иронические слова.

«Правила загона для скота неприменимы к жизни, а особенно к дипломатии. Конфронтация сейчас стала настолько явной, что постоянная и неумолимая опасность грозит нам всем. И вот теперь, когда предложения о сосуществовании отвергаются, когда краткая вспышка надежды, проявившаяся в сотрудничестве в космосе и других областях, стала делом прошлого, когда соглашения о нераспространении оружия оказались заброшенными, температура снижается с каждой минутой. Уже наблюдаются трещины и в самой системе западного союза. Попытки США дестабилизировать советскую экономику, лишив ее помощи, вплоть до того, чтобы заставить американских союзников подчиниться американскому законодательству, выглядят крайне неуклюжими, бестактными и по сути своей неумными».

Очень интересны также и наблюдения всемирно признанного мастера культуры, неоднократно бывавшего в нашей стране, об особенностях русского национального характера. «Это народ, способный на огромные коллективные усилия, когда личное приносится в жертву общему делу. Качество это он демонстрировал неоднократно, и оно, это качество, находит свое выражение, в частности, в жаркой любви и понимании природы, всего естественного. Это люди исключительно поэтичные. Поэт, читающий свои стихи в городе, на открытом воздухе может вызвать настоящий автомобильный затор на улицах.

И конечно же, русские необычайно чувствительны к ритмам, к гармонии их музыки... Отчетливо понимаешь, что страсть к культуре удивительным образом прививается всем людям, которым с детства внушают, что искусство является общенациональным достоянием».

По книге «Моя Россия» — а она была переиздана в США, Канаде, ФРГ, Франции и Австралии — канадское телевидение сняло в Советском Союзе шестисерийный документальный фильм. Сценаристом и ведущим картины являлся Питер Устинов. Съемки проходили в Москве, Ленинграде, Загорске, Суздале, Ярославле, Новгороде. Выступая на премьере фильма в женевском Дворце наций в декабре 1986 года, Питер Устинов сказал: «Я хотел, чтобы люди на Западе лучше поняли историю России, Советского Союза, ведь они не очень хорошо ее знают. Снимая фильм, я сам словно заново открывал Советский Союз. Я назвал бы чудом то, что, несмотря на тяжелые испытания, в русских сохранились прекрасные черты — теплота сердца, искренность, дружелюбное отношение к другим народам. Об этом — мой фильм».

Именно разрядка привела к тому, что московские зрители познакомились с труппой «Нью-Йорк сити балле» Джоржа Баланчина (Г. М. Баланчивадзе), что в СССР стал приезжать и давать концерты, имевшие огромный успех, «золотой голос века», шведский певец русского происхождения Николай Гедда. «Я выступал на многих сценах мира, но ни одна публика мира не принимала меня так тепло и душевно, как советская, — писал певец после гастролей. — За это я горячо признателен. Русская песня, русская культура объединяют всех нас. Это наш животворный источник, в котором мы черпаем свои духовные силы». Несколько лет во многих городах Советского Союза демонстрировалась выставка «Этнография и искусство Океании». Ее привез в нашу страну выходец из русской семьи во Франции Николай Николаевич Мишутушкин, более двадцати лет своей жизни посвятивший делу сохранения культурно-исторического наследия народов Океании. С успехом в крупнейших музеях страны прошли выставки художников Бориса Шаляпина, Михаила Ларионова, Николая Бенуа, Григория Шилтяна, Николая Тархова, Зинаиды Серебряковой.

С удовлетворением советские люди встретили известие о переносе на Родину праха великого русского певца

Федора Ивановича Шаляпина. Спустя 47 лет после его кончины 29 октября 1984 года на Новодевичьем кладбище в Москве состоялась торжественно-скорбная церемония перезахоронения его праха. Шаляпина все его последние годы жизни не покидало стойкое желание вернуться на Родину. «Вот езжу все по свету, вечным гостем стал. А дома-то своего, родного дома, нет, — горько сокрушался певец. — Потеряли мы его. Пою я в Глазго, Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Берлине. А ведь место-то, собственно говоря, мое там, у себя в Саратове, в Москве, на Волге-матушке. Пою по-русски, а много ли в этом моем пении понимают немцы, французы, японцы? А в слова я всю душу вкладываю. В Москву тянет. Ведь мое место там, сам чувствую». И вот русская земля после долгого, трудного возвращения приняла навечно своего прославленного сына...

Советские телезрители познакомились с гостем Москвы, известным экономистом из США, лауреатом Нобелевской премии В. Леонтьевым. Тесно сотрудничают советские ученые с другим нобелевским лауреатом, бельгийским ученым русского происхождения Ильей Романовичем Пригожиным. Многие труды этого ученого с мировым именем по различным проблемам естествознания переведены на русский язык и изданы в нашей стране.

«Советская наука внесла огромный вклад в мировую научно-техническую революцию, я восхищен достижениями советских физиков, химиков, математиков. В этих областях СССР добился поистине блестящих результатов, — отмечает И. Р. Пригожин. — У Советского Союза есть многое, чему можно поучиться и что можно позаимствовать. Огромных успехов добилась советская система образования, общеизвестны достижения советских исследователей как в системе Академии наук, так и в университетах. Кроме того, развитие научных связей между странами с различным общественным строем отвечает духу и букве Заключительного акта, подписанного в Хельсинки, интересам разрядки и сотрудничества между народами» [1]. 24 сентября 1982 года на общем собрании Академии наук СССР Илья Романович Пригожин был избран иностранным членом АН СССР.

Разрядка способствовала тому, что из разных стран мира в Советский Союз усилился приток соотечествен-

---

[1] Известия, 1979, 15 февраля.

ников, которые едут в нашу страну в качестве туристов, паломников, гостей. Сейчас наиболее агрессивные империалистические круги предпринимают усилия, чтобы заморозить достигнутый за 70-е годы прогресс в международных отношениях, похоронить разрядку, вернуть человечество к недобрым временам «холодной войны». Но мы оптимисты и верим, что принципы разума и сотрудничества восторжествуют.

Духовную связь с родной землей нашим многочисленным зарубежным землякам помогает поддерживать созданное в 1975 году Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом, или общество «Родина» (оно было организовано на базе существовавшего в Москве с 1963 года Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, в свою очередь, ставшего «преемником» созданного в 1955 году «Комитета за возвращение на Родину» с местопребыванием в Берлине). Организациями-учредителями этой общественной организации стали многие советские общественные организации, творческие союзы и объединения, республиканские общества и комитеты по культурным связям с соотечественниками за рубежом — общество «Украина», «Радзіма» в Белоруссии, «Тевишке» в Литве, «Ватан» в Узбекистане, общества по культурным связям с зарубежными армянами, эстонцами, латышами, грузинами, казахами и т. д. [1].

В совет общества «Родина», избираемый всесоюзной конференцией учредителей и являющийся высшим органом общества в период между конференциями, входят видные деятели культуры, науки, просвещения, представители нашего славного рабочего класса и крестьянства, депутаты Верховных Советов республик, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, народные и заслуженные артисты СССР и республик, лауреаты Ленинской и Государственных премий, космонавты, служи-

[1] Во многих социалистических странах имеются организации по связям с зарубежными соотечественниками — Славянский комитет НРБ, Всемирная федерация венгров, Чехословацкий институт по связям с чехами и словаками за рубежом, общество «Полония», Управление по делам югославских граждан, работающих за рубежом, и другие. Они, как правило, занимают заметное место во внешнеполитической деятельности своих стран, имеют многолетнюю историю, интересные формы и методы пропаганды родной культуры и языка.

тели русской православной церкви, выдающиеся спортсмены и общественные деятели.

Участники III Всесоюзной конференции общества «Родина», состоявшейся в декабре 1986 года, в обращении «К зарубежным соотечественникам», в частности, отметили: «В каких бы странах вы ни жили, в какой бы отдаленный уголок нашей планеты ни забросила вас судьба, мы еще и еще раз хотим вам сказать сегодня, что Отчизна с благодарностью помнит всех, кто питает к ней подлинную любовь и уважение, кто стремится поддерживать и крепить с нею духовные связи и постоянные контакты. Ваши симпатии, теплые и сердечные чувства к Родине, к священной земле наших отцов, дедов и прадедов не только разделяются общественностью стран, в которых вы сейчас живете, но и содействуют укреплению мира, взаимопониманию и согласию между людьми всех стран и континентов».

Основными задачами общества «Родина», как записано в его уставе, является расширение контактов и культурных связей с соотечественниками за рубежом и их организациями, выступающими за дружбу и сотрудничество с советским народом и содействие ознакомлению зарубежных соотечественников с историей, культурой и жизнью советского народа, с миролюбивой внешней политикой Советского государства. Оно сотрудничает с обществами, клубами, религиозными общинами зарубежных соотечественников, «обменивается с этими организациями книгами, помогает устраивать просмотры советских фильмов и выставки, рассказывающие о жизни народов СССР. Общество также оказывает помощь в организации художественной самодеятельности и курсов русского языка. Обмен делегациями позволяет соотечественникам принимать у себя советских деятелей искусств, художественные коллективы, знатных рабочих и колхозников, ученых, космонавтов. В свою очередь, зарубежные друзья могут воочию познакомиться с сегодняшним днем нашей страны. Общество «Родина» предоставляет для детей зарубежных земляков путевки в пионерские и молодежные лагеря, стипендии для обучения в советских высших и средних учебных заведениях» [1].

Нет возможности перечислить хотя бы малую часть организаций соотечественников, поддерживающих связи

---

[1] Правда, 1982, 24 ноября.

с обществом «Родина» и аналогичными ему республиканскими комитетами и обществами. «Союз советских граждан в Бельгии» и «Русский культурно-демократический союз» в Финляндии, «Федерация русских канадцев» и «Русский общественный клуб в Сиднее» (Австралия)... «Дружба и мир — наша философия жизни и существования, — отмечалось в 1978 году на XXXIV съезде объединяющего прогрессивно настроенных канадцев украинского происхождения Товарищества объединенных украинских канадцев (ТОУК) в Виннипеге. — Мы всецело посвятили себя борьбе за мир сегодня». «За мир необходимо бороться». «Все на антивоенную демонстрацию». «Главная задача — сберечь мир». «Сократить военные бюджеты» — такими заголовками пестрят страницы газет Лиги американских украинцев (ЛАУ). Участие в антивоенных выступлениях назвал одной из главных задач ЛАУ ее президент Леон Константинович Толопко, награжденный в феврале 1983 года советским орденом Дружбы народов. Этой же высокой награды удостоен и генеральный секретарь ЛАУ Михаил Николаевич Торченко, художник и общественный деятель Индии Святослав Николаевич Рерих, один из руководителей «Культурного союза армян Франции» Агаси Дарбинян.

На состоявшемся в Ереване 25—27 ноября 1980 года собрании представителей зарубежных армянских колоний, посвященном 60-летию Советской Армении, под девизом «Возрожденная родина и зарубежные армяне: борьба за мир и прогресс» в большинстве выступлений настойчиво звучала одна мысль. Наряду с многообразными сложными и противоречивыми проблемами спюрк имеет и общую закономерность. Это преданность большинства зарубежных армян Родине, их сплоченность вокруг Советской Армении. Единая Родина — единый народ: вот основа дальнейшего существования спюрка. Мост между Советской Арменией и зарубежными армянами сегодня прочен, как никогда. «Когда я приехал на Родину, то был простым рядовым, но родная земля придала мне силы маршала», — говорил заместитель мэра одного из французских городов М. Карагезян.

С каждым годом растет и крепнет популярность идей культурного сотрудничества с СССР среди прибалтийской эмиграции. Многие эмигранты, их дети и внуки, побывав в Советской Прибалтике, вновь изъявляют желание посетить отчий край. В Литве, например, гостили

известные эмигранты: профессор Пенсильванского университета, специалист в области славистики и балтистики А. Салис, профессор Гарвардского университета, кардиолог В. Лаун, известный художник, член Американской национальной Академии искусств В. Йонинас, известный художник-витражист из Нью-Йорка В. Игнас, руководитель Нью-Йоркского киноархивного музея, редактор и издатель журнала «Фильм культуре» Й. Мекас.

Широко известна как в США, так и в Советском Союзе прогрессивная деятельность популярного американского писателя, с творчеством которого хорошо знаком и советский читатель, Филипа Боноски. Его отец и мать были литовцами (Йонас Баренаускас и Барбара Мачюлите). Школьному учителю трудно было выговорить фамилию мальчика, и он назвал его Боноски (как писателю славу ему принес роман «Долина в огне»). В статьях, опубликованных в прогрессивных газетах «Лайсве» и «Вильнис», Ф. Боноски призывал литовскую иммиграцию активно участвовать в борьбе за мир, против гонки вооружений, за развитие советско-американских отношений.

Меняется отношение к Советской Литве и среди некоторых деятелей реакционной литовской эмиграции. В газете «Вильнис» опубликовал серию статей А. Моркус, разоблачивший всю нелепую кампанию «освобождения Литвы», он раскрыл истинное лицо заправил «Американского литовского совета», обливающих грязью достижения родного народа. Разоблачению антикоммунистической деятельности помог и бывший сотрудник «Верховного освободительного комитета Литвы» В. Альсейка. Он опубликовал документы о целях и задачах, поставленных перед реакционной литовской эмиграцией.

Подобные факты приводят в бешенство заправил националистической эмиграции. 7 июня 1980 года на съезде антисоветского «Литовского общества» был «наложен» запрет на посещение зарубежными литовцами своей родной земли. Запрет гласил: «В будущем ни один литовец не должен ехать в порабощенную Литву через общество «Тевишке» («Родина») и другие подобные организации». Но, как говорится, собака лает, ветер носит... «Все больше прогрессивных соотечественников из-за рубежа приезжает на Родину ознакомиться с жизнью Советской Литвы... В республике гостит видный деятель прогрессивных литовцев США, заслуженный деятель

культуры Литовской ССР, председатель совета директоров общества «Лайсве» Повилас Вента. На днях в Литву прибыли известные деятели прогрессивных литовцев США: администратор газеты «Лайсве», заслуженный деятель культуры Литовской ССР Ева Мизарене и главный редактор газеты «Вильнис», заслуженный деятель культуры Литовской ССР Йонас-Станисловас Иокубка», — сообщала 19 июня 1981 года газета «Советская Литва».

Надо, разумеется, отметить, что знакомство наших зарубежных соотечественников, проживающих в капиталистических странах, особенно молодого поколения эмиграции, с родиной своих отцов и дедов происходит в сложных условиях. Часто также этому знакомству мешают самые разнообразные причины. Вот примечательный случай. На состоявшейся в Праге в июне 1983 года во время Всемирной ассамблеи миролюбивых сил советско-американской встрече выступила одна женщина:

— Я американка русского происхождения. Мой отец участвовал в гражданской войне против большевиков. Потом ушел с белой эмиграцией. Я родилась уже в США. О Советском Союзе знала только по рассказам отца и американской печати. Даже во сне мне виделись комиссары, которые куда-то меня тащили.

Преодолеть такие кошмарные представления, когда они вдалбливаются с детства, очень и очень непросто. Но вот я приехала сюда, в Прагу, впервые попала в социалистическую страну, беседовала с русскими. Теперь мне все видится в ином свете. Хочу обязательно побывать в Москве, побольше узнать о родине моих предков. Прошу не называть мое имя: я здесь тайком от отца, он не простил бы мне этой поездки. Он стар, и я не хочу огорчать его. Но всем остальным я не позволю уже рассказывать при мне басни о кровожадных русских...

Можно привести немало примеров патриотической деятельности прогрессивно настроенной части наших зарубежных соотечественников. Так, множатся в последние годы случаи возвращения на Родину памятников отечественной культуры: нумизматическая коллекция Эрмитажа постоянно пополняется дарами профессора Брюссельского университета Ж. Бланкова; один из крупнейших деятелей мирового спорта, барон Э. Фальц-Фейн (племянник Федора Эдуардовича Фальц-Фейна, создателя заповедника «Аскания-Нова»), накануне Мос-

ковской Олимпиады передал в дар Советскому государству уникальные книги из личной библиотеки графини Евдокии Ростопчиной, изданные в России в XVII—XIX веках; Л. Бенатов, живущий в Париже, подарил Государственному Русскому музею в Ленинграде четыре портретные зарисовки В. И. Ленина, сделанные в 1920 году его родственником, известным русским художником Филиппом Малявиным; часть наследия знаменитого русского ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая передана в Академию наук СССР его внуком, известным австралийским ученым Р. Маклаем; один из крупнейших востоковедов мира В. Ф. Минорский, скончавшийся в Англии, завещал свой научный архив и большую часть библиотеки Ленинградскому отделению Института востоковедения АН СССР; ценную коллекцию полотен Айвазовского подарил картинной галерее Еревана парижанин А. Джинджян.

Многие зарубежные земляки хотят вернуть на Родину немалые ценности — предметы искусства, старины, архивные материалы. Они хотят оставить свой добрый след на родной земле. Даритель, как правило, требует совсем малого, чтобы под его полотном была скромная таблица: «Дар родной стране (республике, городу) от такого-то...»

Если читатель этой книги будет в Каунасе, то пусть он зайдет на улицу К. Донелайтиса в новую картинную галерею. Одна из постоянных экспозиций, расположенная в пяти залах, не может не привлечь внимания посетителей. Здесь представлены такие имена, как Пуссен, Энгр, Буше, Тьеполо, Грез, Цорн, Шагал, Маковский, Кандинский, Синьяк, Вламинк, Матейко, Курбе, Мурильо.

Предваряет экспозицию небольшая табличка на литовском и русском языках: «Произведения, подаренные Миколасом Жилинскасом Художественному музею имени М. К. Чюрлёниса». Коллекция из нескольких сотен картин, переданная в дар своему родному городу страстным коллекционером, соотечественником из ФРГ, поистине бесценна в художественном отношении! И вот что примечательно — этот дар вызвал как бы цепную реакцию: узнав, что есть кому дарить, что Родина заинтересована в их дарах, в Каунас стали присылать картины из своих коллекций и другие литовцы, живущие в США, Канаде и Западной Европе.

В ноябре 1986 года в нашей стране создан Советский фонд культуры. Одна из важнейших задач фонда — сохранение всего, что входит в понятие культурного наследия Отечества. Во время работы в Москве международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» его участник, барон Эдуард фон Фальц-Фейн, говорил: «Рад, что теперь в Советском Союзе создан Культурный фонд, организация, судя по всему, очень демократичная и представительная, в которую входят известные деятели культуры. Надеюсь, они установят тесные контакты со всеми соотечественниками, которые живут за границей и которые могут многое сделать ради сохранения и возвращения на родину сокровищ русской и советской культуры.

Мы, ваши соотечественники, волею судеб оказавшиеся вне родины, с особым вниманием следим за отрадными переменами в Советском Союзе. Мы всей душой разделяем ваши проблемы, страдаем и радуемся по поводу ваших неудач и успехов. Что касается меня, то я делал и делаю все, что в моих силах, чтобы русские культурные ценности вернулись на землю, где они были созданы...

Нам, русским, живущим за рубежом, дорого все, что связано с родиной, ее искусством, ее историей. В свое время по сохранившимся в Лихтенштейне архивным документам я нашел место ночлега Суворова при переходе Чертова моста в Альпах в 1799 году. Сейчас на мои средства и благодаря моим усилиям на том месте установлен памятник Суворову, выпущена почтовая марка, посвященная Суворову. И я хочу еще раз сказать вам: мы — с вами, помните об этом и не сомневайтесь в нашем сочувствии и благорасположении».

Во многих уголках мира не одно поколение наших зарубежных соотечественников читает на родных языках «свои» газеты и журналы, приходящие из Советского Союза, слушает специальные радиопрограммы из нашей страны. Для них надежными источниками правды о Родине, ее прошлом, настоящем и будущем, о социалистическом образе жизни и миролюбии Советского государства стали издаваемые обществом «Родина» газета «Голос Родины» и литературно-художественный журнал «Отчизна», издания республиканских обществ и комитетов по культурным связям с соотечественниками за рубежом — украинские газеты «Вести с Украины» и «Ньюс

фром Юкрейн» на английском языке, белорусский «Голос Радзімы», грузинская газета «Самшобло», латвийская — «Дзименес баллс», армянский журнал «Советтакан Айастан» и другие родственные им газеты и журналы. Центральная тема разговора на их страницах, которую активно поддерживают зарубежные читатели, — уважение к Отечеству и настойчивая борьба за мир.

Особо надо сказать о прогрессивной печати наших соотечественников за рубежом. Пресса прогрессивной части эмиграции на многочисленных примерах показывает, кто же является виновником ухудшения обстановки в мире, кому выгодна гонка вооружений. «Уже продолжительное время, — пишет газета «Українські вісті» (орган ЛАУ), — пропагандистский аппарат руководящих кругов США и многих других стран делает все возможное, чтобы распространить психоз «советской угрозы» одновременно с запугиванием нетребовательного человека привидением «советского превосходства».

Многие эмигрантские газеты уже долгие десятилетия являются близкими друзьями и доверительными собеседниками прогрессивных кругов наших зарубежных земляков. Газета «Русский голос», которую много лет редактировал В. А. Яхонтов, начала издаваться в Нью-Йорке в 1917 году. В 1979 году в Эстонии широко отметили 70-летие издаваемой в США эстонской газеты «Уус ильм» («Новый мир»).

Многотрудная патриотическая деятельность прогрессивной эмигрантской печати по достоинству оценивается на Родине. Вот уже более двадцати лет в Париже издается армянский еженедельник «Ашхар» («Мир»), основателем и бессменным редактором которого является Аветис Аликсанян. В июне 1980 года за заслуги в деле укрепления дружбы между народами Советского Союза и Франции Президиум Верховного Совета СССР наградил А. Аликсаняна орденом Дружбы народов. Этой же высокой наградой отмечен в апреле 1981 года в связи с семидесятилетием газеты прогрессивной американской литовской общественности «Лайсве» ее главный редактор, видный деятель Компартии США Антанас Бимба. Он, обладающий необходимыми для политического вожака качествами — идейной зрелостью, широким политическим кругозором, умением организовать коллективную работу с начала 30-х годов, стал играть большую роль в работе литовских коммунистов в США.

На церемонии вручения награды, состоявшейся 5 июня 1981 года в Нью-Йорке, А. Бимба сказал:

— От всей души я благодарю руководителей Советского Союза за высочайшую оценку моего скромного труда. В этом я вижу признание не только своих личных усилий, но и заслуг всего прогрессивного движения Соединенных Штатов Америки. Постараюсь в меру всех своих сил и впредь служить делу укрепления дружбы народов и мира на земле.

Прогрессивные круги наших зарубежных соотечественников многие годы разъясняют общественности стран своего проживания сущность миролюбивой внешней и внутренней политики Советского государства. В сложных условиях современной международной обстановки они прилагают немало усилий для улучшения советско-американских отношений, развития и углубления процесса разрядки международной напряженности.

...«Роды прошли успешно». Такую телеграмму получил американский президент Трумэн летом 1945 года в Потсдаме. Условная фраза сообщала об успешном испытании атомной бомбы. Подписей под телеграммой не было, а если бы они были, то туда должны были бы быть вписаны имена «отцов» атомного оружия, включая и Джорджа Кистяковского. Известный американский ученый, бывший вице-президент Национальной академии наук США, почетный доктор Гарвардского университета, Дж. Кистяковский — человек весьма сложной и противоречивой судьбы. Ровесник века, он на третьем году революции покинул родной Киев и родную страну. Американским гражданином стал в 1933 году. К началу второй мировой войны Джордж Кистяковский — звезда первой величины на химическом небосклоне «нового отечества» [1]. В Лос-Аламосе, где делали первую атомную бомбу, он

---

[1] Он рассказывал о себе в интервью американскому журналу «Кэмикл энд энджиринг ньюс»: «Я происхожу из семьи ученого-либерала. Мой отец, социолог, был человеком довольно исключительным в период смены веков. Его труды в основном были посвящены вопросам прав человека... Такова была атмосфера, в которой я рос. Я стал на позиции антибольшевизма, потому что считал, что большевики стоят на сугубо авторитарных позициях. В 1940 году я стал работать в области оружия, потому что я был ярым противником нацизма. После второй мировой войны я был достаточно глуп, чтобы наивно верить вашингтонской пропаганде, согласно которой Советский Союз собирался завоевать мир».

возглавил один из семи отделов — отдел взрывчатых веществ...

С конца пятидесятых годов советник президента США по науке и технике Кистяковский присутствует на всех заседаниях Совета национальной безопасности. В январе 1968 года уходит в отставку. Не по возрасту, а по мучительно созревшему убеждению. Он осознал, что военно-промышленный комплекс ведет США к глубочайшей и бессмысленной милитаризации страны. Не сразу, по его словам, пришло и понимание того, что Советский Союз может и должен быть озабочен своей безопасностью. Последние годы все свои знания, опыт и красноречие Дж. Кистяковский подчиняет жизненной необходимости предотвращения ядерной катастрофы.

Двуединый процесс происходит в современном мире. Интернационализация жизни и этнический ренессанс. Это два лика нашего времени. По планете перемещаются массы людей, врастают — единицами и группами — в жизнь других стран и ассимилируются. Стремительно растет число межнациональных и межрасовых браков.

Перед каждым человеком из любой «волны» эмиграции, когда он оказывался за пределами нашей страны, вставал выбор — забыть о своем происхождении или не забыть. Некоторые постарались забыть и полностью ассимилироваться, слиться с коренным населением стран, где они оказались. В этой книге речь не идет о таких людях, и потому следует сказать о них лишь несколько слов. Таких людей много, а сколько — никому не известно. Нам приходилось в разных странах встречать Смитов и Шарпантье, которые когда-то были (или их родители были) Кузнецовыми и Плотниковыми. Иногда случайно узнаешь о российском происхождении того или иного человека. Многие ли, скажем, знают, что русским был Милтон Меззров, один из корифеев американского джаза 20—30-х годов, которого называли «белым, ставшим негром», — он поселился среди музыкантов в негритянском районе Нью-Йорка, тогда это было совершенно неслыханным делом для белого американца.

Кто не знает таких имен, как французские писательницы Эльза Триоле и Натали Саррот, звезды кино — Жак Тати, Робер Оссейн и Юл Бриннер, дизайнер Соня Делонэ, крупнейший вулканолог мира Гарун Тазиев? Все они — российского происхождения. Дед недавно умершего эстрадного певца Джо Дассена в самом начале

века покинул родную Одессу и отправился за океан, в Америку, в поисках лучшей доли...

Параллельно происходит другое. Недавно в США стал бестселлером роман «Корни», по которому был снят фильм, имевший огромный успех. Роман об этнических корнях, о национальном, географическом происхождении. Почему такой успех? Многие американские социологи пришли к выводу, что иммигранты второго поколения теряют интерес к стране своих отцов, но в третьем и четвертом поколениях он резко возрастает. Терпят фиаско многочисленные варианты столь модной в Америке начала века теории «плавильного котла» (melting pot), согласно которой в населении США сплавляются в некое новое целое выходцы из разных народов. «Они должны навсегда сбросить с себя шкуру своих предков, чтобы больше никогда о ней не вспоминать». Так желали утвердить «американский образ жизни». Но стали ли кичащиеся всем и вся Соединенные Штаты матерью-родиной для всех своих граждан? Нет. Выходит из моды концепция «melting pot», что имеет прямую связь с ростом этноцентризма (но, разумеется, при этом не следует делать вывод о прекращении или ослаблении глубинных процессов ассимиляции, интеграции и национальной консолидации).

Почему Игорь Стравинский, казалось бы, навсегда оторвавшийся от России в 1914 году, бывало, иронизировавший над тем, что его «считают русским», на склоне лет — после 48-летней разлуки! — предпринимает поездку в СССР и неожиданно признается в интервью «Комсомольской правде»: «Я всю жизнь по-русски говорю, по-русски думаю, у меня слог русский. Может быть, в моей музыке это не сразу видно, но это заложено в ней. Это в ее скрытой природе» [1]. «Примечательно, что Стравинский никогда не отождествлял себя с теми эмигрантскими кругами, которых привела на чужбину вражда к революции, к обновлению жизни. Много лет спустя, когда мы впервые встретились с прославленным музыкантом в Америке, он подчеркивал, что уехал из России царской, а не из России советской» [2], — вспоминал Тихон Хренников в статье, посвященной 100-летию со дня рождения композитора.

---

[1] Комсомольская правда, 1962, 27 сентября.
[2] Правда, 1982, 15 июня.

На одном из банкетов в его честь, когда один иностранец сказал недобрые слова о его Родине, Игорь Федорович ответил: «Место рождения художника является самым главным фактором его жизни. Я сожалею, что обстоятельства разлучили меня с моей Отчизной, что я не смог создавать мои произведения, живя на своей Родине, и, более того, — что я не смог помочь новой Советской республике в создании новой советской музыки. Но я покинул Россию не только по собственной воле, хотя я и признаю, что мне многое не нравилось в моей России и в России вообще; однако право критиковать ее остается за мной, так как Россия моя, и я люблю ее. Никому из иностранцев я не даю такого права» [1].

Судьбы двух персонажей эпического романа «Весна священная» знаменитого кубинского писателя Алехо Карпентьера — кубинца-интербригадовца Энрике и русской балерины Веры — впервые скрещиваются на испанской земле в годы гражданской войны.

Создавая образ Веры, писал Алехо Карпентьер в послесловии к роману: «Я вспоминал свою мать, воспитанницу царской гимназии в Баку, подругу Анны Павловой, как и Вера из моего романа, она была «белой» и антикоммунисткой до моего заключения в тюрьму (в 1927 году Алехо Карпентьер, обвиненный в причастности к «коммунистическому заговору», был брошен в тюрьму диктатурой генерала Мачадо. — *А. А.*), после чего изменила свои взгляды. В тридцатых годах начала переводить романы советских писателей... Захваченная войной, случайно находясь в Париже, она была арестована гестапо: с поразительной ловкостью освободившись от своих тюремщиков, она бежала из столицы, присоединилась к силам французского Сопротивления в Ла Коррез и закончила свою жизнь в Гаване, окруженная молодыми коммунистами, которым давала уроки русского языка, полностью связав себя с революционным процессом на Кубе» [2].

Все большей известностью в нашей стране пользуется творчество знаменитого французского писателя Анри Труайя. Переведенные на русский язык его романы «Снег в трауре», «Семья Эглетьер», «Анна Предайль», много рассказов нашли своего широкого советского чита-

---

[1] Ярустовский Б. Игорь Стравинский. Л., 1982, с. 17.
[2] Литературная газета, 1979, 26 декабря.

теля. О популярности книг Труайя говорит и то, что экранизированный на киностудии «Арменфильм» роман «Снег в трауре» демонстрировался по Центральному телевидению.

Имя Анри Труайя хорошо известно читателям многих стран мира. В 1938 году 27-летний писатель получает за роман «Паук» Гонкуровскую премию. После этого быстрого признания — удивительного признания, ведь Анри Труайя не француз, а выходец из семьи эмигрантов из России, его настоящее имя Лев Тарасов — он целиком посвящает себя писательской деятельности. В 1959 году он избирается в число «сорока бессмертных» членов Французской академии. Такой чести редко удостаивались во Франции лица иностранного происхождения, тем более что Труайя оказался самым молодым академиком. Ныне он — автор множества романов, повестей, пьес, рассказов.

Важнейшая тема в творчестве Анри Труайя — тема Родины, тема России. Трилогия, над которой Анри Труайя работал в конце 40-х — начале 50-х годов, правдиво рассказывала о горьких судьбах выходцев из России, заброшенных на чужбину. Писатель показывает семью Дановых, русских людей, не сумевших найти себя, своего пути после Октябрьской революции. Одному из героев книги — младшему сыну Дановых Борису было восемь лет, как и самому Труйая, когда их семья покинула Россию.

То, что писатель увидел и пережил в то время, показано в его произведениях. Растерянность, житейская неустроенность, случайные заработки, тоска «по святой Руси» — таковы характерные черты русской послереволюционной эмиграции, показанные в трилогии «Пока стоит земля».

Анри Труайя пишет не только о судьбах наших зарубежных земляков, своих современниках. На всем протяжении творческого пути он обращается к историческому и культурному прошлому России. Широко известна серия исторических романов Труайя «Свет праведных» («Заговорщики», «Барыня», «Слава побежденных», «Жены декабристов», «Софи, или Конец сражений») — о декабристах и трилогия «Наследники будущего» («Тетрадь», «Сто один выстрел из пушки», «Белый слон»), охватывающая события русской истории от отмены крепостного права до первой мировой войны. В книгах

Труайя чувствуется стремление писателя к достоверности деталей. На подлинных документах эпохи строятся романы цикла «Свет праведных». Автор с глубокой симпатией создает образы героев освободительного движения России прошлого столетия.

«Для меня, французского писателя, — писал Анри Труайя в ответах на вопросы журнала «Отчизна», — источником вдохновения часто является страна, где я родился, и это, вероятно, распространяется на произведения, действие которых происходит вне России. Я страстно и глубоко люблю русскую литературу; произведения великих русских писателей питали мой ум, обогащали мои чувства, формировали меня. И поныне все, что касается России, меня волнует. Мне кажется порой, что я дерево, корни которого русские, а плоды французские».

Многие наши зарубежные соотечественники говорят об явственном ощущении прочной и невидимой границы, рассекающей надвое их сердца и души — границы между старым и новым отечествами. И это обстоятельство всегда надо иметь в виду, когда начинаешь задумываться над судьбами людей, потерявших в силу различных жизненных обстоятельств отчий край.

Все твои мечты и думы — наши.
Речь твоя и письмена — чужие.
Боль твоя, беда и горечь — наши.
Блеск твой, смех — твоя ль вина?—чужие.
Здесь мы... Смерть твоя — за океаном.
Как же нам добраться друг до друга?
И душа твоя и облик — наши.
Документы и страна — чужие, —

писала Сильва Капутикян в стихотворении «Памяти Уильяма Сарояна».

Однажды в Карпатах гостила группа украинских туристов из-за океана. На одном из них были неимоверно старые, растоптанные башмаки. Кто-то из советских людей заинтересовался необычными башмаками. Оказалось, что принадлежали они отцу туриста, был он стар, болен и сам приехать к нам не мог, вот и дал сыну свои старые башмаки и велел походить в них по родной земле. «Пусть меня похоронят в них...» Говорят, что родину нельзя унести на подошвах сапог, и все-таки...

Все-таки, если человек, живя за тридевять земель от своей отчей земли, живет радостями своего родного края, печалится его невзгодами и тревогами, не позорит его

недостойной бранью, он не порывает уз с Родиной. Первая страна социализма стала гордостью и надеждой для многих наших соотечественников, оказавшихся на чужбине. Рано или поздно рухнут препятствия, создаваемые империалистической реакцией, которые ставятся сегодня на пути развития связей соотечественников с Родиной. Но и наш зарубежный соотечественник многое мог бы сделать для разрушения этих препятствий. И. А. Бунин оставил в своей эмигрантской «Записной книжке» такое размышление: «Талант талантом, а все-таки «всякая сосна своему бору шумит». А где мой бор? С кем и кому мне шуметь?»

Подобная дилемма стоит перед каждым зарубежным соотечественником. Либо примкнуть к стану тех, кого не устраивает все советское и навсегда утратить Родину. Либо посильно помогать своему Отечеству, разделяя его заботы, чаяния и дела. Третьего практически не дано. Можно, конечно, попытаться спрятаться за показной космополитизм. Однако известно, что неизбежным следствием космополитизма является опустошенная душа. А когда человек самоотказывается от Родины, своими руками разрушая один из коренных морально-психологических устоев личности, он уже оказывается волей или неволей — на «той стороне» баррикады, разделившей в XX веке нашу планету. Его сосна, если ответить на бунинский вопрос, будет шуметь не в нашем бору.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

КТО ЗАВЕЛ КОНЯ В ТРЯСИНУ 7

ОСОБАЯ ПОЛКА 13
Ясно знать своего врага. Амальгама из остатков прошлого. Народ выбрал Красный Кремль.

ОТ АНАФЕМЫ К ДЕМАГОГИИ 40
Sub specie finis. «Коричневый» угар. Что кроется за «русским феноменом».

ПОД ЗОЛОЙ ЭМИГРАЦИИ 74
«Зарубежная Россия»: расчеты и просчеты. За Советскую Россию или за фашистскую Германию.

ПРОДАВШИ ДЫМ ОТЕЧЕСТВА ЗА ВАЛЮТУ . . . 144
В лакейской империализма. Ядовитые проповеди. Кто предает Запад?

НАКИПЬ 204
Ни оркестра, ни гласа трубы, ни амнистии, ни трибунала. Формула измены.

TERTIUM NON DATUR 225
От веры, царя и Отечества. Вторая жизнь. Граница посередине сердца.

Афанасьев А. Л.
А 94 Полынь в чужих полях. — Изд. дополн. и дораб. — М. : Мол. гвардия, 1987. — 285[3] с.

В пер.: 1 р. 20 к. 75 000 экз.

Книга кандидата философских наук А. Л. Афанасьева — о делах и судьбах эмиграции из нашей страны, ее прошлом и настоящем. Значительное место в ней занимает освещение роли контрреволюционной, антисоветской эмиграции, время рождения которой 1917 год. На богатом и мало известном широкому читателю материале автор прослеживает эволюцию эмиграции, ее неизбежное расслоение, показывает, как для многих соотечественников, оказавшихся на чужбине, Советский Союз стал гордостью и надеждой.

В книге использованы архивные фото.

А $\frac{0804000000-242}{078(02)-87}$ КБ—032—055—87

ББК 66.019
1 ФБ

ИБ № 5832

Афанасьев Анатолий Леонидович

ПОЛЫНЬ В ЧУЖИХ ПОЛЯХ

Редактор **Р. Чекрыжова**
Художник **А. Жеребцов**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Е. Михалева**
Корректоры **И. Ларина, Е. Дмитриева, Н. Овсянникова**

Сдано в набор 11.05.87. Подписано в печать 19.08.87. А13226. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12+ +1,68 вкл. Условн. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Заказ 1399.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

1р. 20к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ